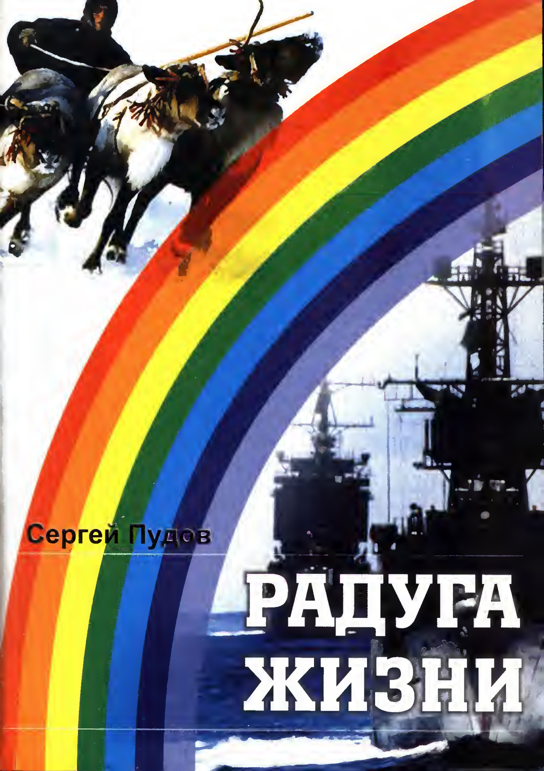

Сергей Пудов
РАДУГА
ЖИЗНИ

Сергей Пудов

Радуга жизни

г. Советский
2006 г.

ББК 84 (2 Рос=рус) 6-4
П 88

В книгу Сергея Пудова вошли очерки и рассказы, написанные за последние пять лет. Тематически они объединены в циклы «Ямальские этюды», «Асы Заполярья», «Дальний поход», «С улыбкой по жизни», «Память».

АВТОР ВЫРАЖАЕТ СЕРДЕЧНУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ И ИСКРЕННЮЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ ЗА ОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ В ИЗДАНИИ КНИГИ СВОИМ ДРУЗЬЯМ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМ:

Рунге Евгению Владимировичу
Султановым Ранису и Рамилю
Ситракову Станиславу Егоровичу
Трушину Евгению Афанасьевичу
Харитонову Игорю Сергеевичу

ISBN 5-94007-048-5

ОАО «Советская типография» 2006 г.

Сергей Павлович Пудов – журналист с большим стажем. Свою трудовую биографию начал в многотиражке «Звезда» на строительстве Серовской ГРЭС в 1956 году. Потом пути-дороги приводили его в газеты Кузбасса, Свердловска, Верхотурья, Октябрьского района Ханты-Мансийского АО, на Ямал, в Заводоуковск и, наконец, в 1970 году он прибыл по направлению в поселок Комсомольский главным редактором студии телевидения.

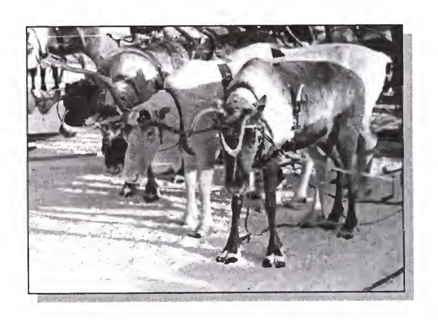
По роду своей работы он побывал в творческих командировках в Казахстане, Киргизии, в странах Балтии; ему приходилось встрсчаться с людьми разных профессий и судеб; добираться до героев будущих очерков на оленьих и собачьих упряжках, тракторах и катерах, паровозах и электричках, вертолетах и самолетах; изучать быт, характер и нравы местного населения.

Ныне он на заслуженном отдыхе, живет в городе Югорске.

К своему 70-летию он собрал под одну обложку очерки, написанные за последние пять лст на основе воспоминаний и впечатлений журналистской молодости. Написаны они живым языком, со знанием материала, тонким юмором и самоиронией.

Юрию Георгиевичу Кеерт
посвящается

Ямальские этюды

Цветы тундры

Малица

Завтра мне предстоит впервые выехать в оленеводческие бригады. Всю ночь я не спал. Волновался. Как одеться, чтобы было тепло и не смешно? Что взять с собой из продуктов? Командировка предстояла на неделю.

Ранним утром в костюме полярника (тёплое китайское бельё, свитер, утеплённая куртка,

овчинный полушубок, меховые ботинки, рукавицы-шубенки, шапка-ушанка) я предстал пред светлые очи своего редактора, показывая всем своим неуклюжим упакованным видом: «Сейчас мне сам чёрт не брат! Я – покоритель тундры, её пурги и морозов!»

Взглянул он на меня исподлобья, не отрываясь от текста очередной статьи, усмехнулся и молвил:

– Раздевайся. Упреешь. Нарты придут за тобой ближе к ночи. Всю верхнюю одежду, ботинки, шапку, рукавицы оставишь здесь. В таком одеянии ненцы в тундру не берут. «Тяжело шибко столько одежды возить» - говорят. Каюр сам тебя оденет. Он уже знает, кого ему в тундру везти.

Весь день я не находил покоя. Выглядывал в окно. Мимо проносились оленьи упряжки, но ни одна не останавливалась у дверей редакции. Вот уже шесть часов вечера. Все сотрудники разошлись по домам. Сижу один, да уборщица гремит вёдром. Наконец-то! Нарты останавливаются прямо под заснеженными окнами. Я поспешно надеваю шубу, рюкзак, рукавицы... Входит молодой ненец с ворохом одежды из оленьих шкур. Бросает на пол.

– Надевай!

Быстро сбрасываю шубу, ботинки. Надеваю на ноги чижи – чулки до колен – тёплые, мягкие, лёгкие из молоденького оленёнка - мехом внутрь. На них кисы – длинные, как резиновые сапоги-

болотники, но аккуратные, узкие, лёгкие, со шнурками по бокам, к ремню-поясу привязывать. Внизу - выше щиколоток - тесёмочки завязываются опять же, чтобы на ноге плотно сидели да снег не пропускали. Внутри кисов стельки из травы осоки, подошвы лобным мехом оленя подшиты. Надел, привязал, вдоль комнаты прошёлся, присел - красота! Куда там ботинкам!

– Шубу снимай, шапку снимай, рукавицы - всё здесь оставляй, - советует каюр, улыбаясь. - Малицу надевай.

Перебираю шкурную одежду - подол ищу - и надеваю малицу через голову, как девицы сарафан. Темно, где рукава - понять не могу. Повернул мой «кутюрье» конус меховушки вокруг моей оси - и я увидел белый свет через малое круглое окошечко капюшона - голова моя в него не проходила. Руки сами попали в рукава, а к ним рукавички мягкие пришиты с тыльной стороны. Надо что-то взять голыми руками - руку в рукав втянул и высунул мимо рукавички.

Выходим к нартам. Два полоза, три пары вертикальных колок и три поперечных тонких перекладины... И на этой «этажерке», прости Господи, мне предстоит за неделю исколесить пятьсот - шестьсот километров по тундре...

На нартах лежат две толстые оленьи шубы - гус почему-то называются. Их надевают поверх малицы, когда уж совсем холодно или пурга в пути застанет. Здесь же две пары меховых сапог из зимней шкуры старого оленя - тоборы. О них

вспоминают, как и о гусе, в экстремальных зимних условиях.

Усаживаемся, примеряем свои габариты к скамейке нарты, размером-то, поди, две на четыре табуретки. Сначала я сажусь верхом позади каюра, как, бывало, в детстве вдвоём со старшим братом на одной лошади верхом катались. Неудобно. Малица колоколом вверх ушла - глаза закрыла. Смеётся Вануси над новичком. Подвёл меня к нартам спиной и толкнул. Растянулся я на нартах - олени вздрогнули, копытами перебирают. Взял он меня за капюшон и посадил. Сам спиной ко мне сел. Ногу правую на полоз поставил для устойчивости, левую вдоль нарт вытянул. Я же сижу, как на скамейке, вытянув ноги. Да любой мужик и на полу-то пяти минут не просидит в такой чисто женской позе...

– Держись! - крикнул каюр, взметнул длинным хореем, олени так резко рванули с места, что я едва не остался дома. Исчезли последние огоньки, заснеженные крыши домов окраины села, я мчусь в неведомое пространство...

Новое созвездие

– Хой, хой! - вновь покрикивает на оленей каюр. Правой рукой он держит длинный тонкий шест - хорей. Левой - возжечку. Она привязана к уздечке коренника - самого сильного и опытного оленя в упряжке. Остальные три могут быть и новичками. Их-то чаще всего и щекочет по крупу хорей.

Чтобы не травмировать оленя, на тонкий конец хорея приклеивают или пришпиливают кружок, отпиленный от рога. Хорей по своей конструкции похож на кий бильярда - так же склеен из нескольких клиньев прямослойной древесины.

Летом стада оленей, спасаясь от гнуса, выходят на южный берег Карского моря. На побережье такие завалы выброшенных морем бревен, что хватило бы загрузить не один железнодорожный состав. Лес этот - добыча Оби с Иртышом, собирающих дань с малых рек и речушек.

Пока олени наслаждаются горько-соленой морской водой, залечивают в ней раны самой распространённой в тундре болезни - копытки, оленеводы заняты обработкой бесхозной древесины. Они раскалывают прямослойные бревна вдоль на отдельные бруски, строгают их до заданной толщины. Готовят нарты, стойки для чумов, хореи и прочий необходимый в хозяйстве кочевника инвентарь.

Воспроизведение в памяти моих скудных познаний быта, многовекового уклада и традиций коренных жителей тундры прервала неожиданная остановка упряжки. Как бы очнувшись, я посмотрел на горизонт - его не было видно. Все вокруг в серой пелене...

Каюр встал. С трудом поднялся и я. Ноги с непривычки затекли и были словно ватные. Перед нами стоит во весь рост огромная буровая

вышка. На разных уровнях ее высоты горят яркие электрические огни, напоминая полярное созвездие Большой Медведицы. Огни горят на всех буровых как ориентиры для вертолётов. Мой юный друг принял их в беспросветной ночи за созвездие и... заблудился.

От нашего села до этой буровой девяносто километров. Значит, до стойбища будет еще километров пятьдесят.

– Ты в чуме про вышку не рассказывай, - просил смущенный каюр. Я понимающе кивнул.

– Садись, - скомандовал он. Развернул упряжку резко влево, и олени вновь понесли нас в беспросветную ночь, в глубину тундры.

Нарты летят по снежной глади, лишь иногда касаясь поверхности. Впечатление такое, будто ты мчишься на быстроходной плоскодонной моторной лодке по мелкой ряби волн прошедшего мимо теплохода. Ритмика легкого взлета и падения укачивает, клонит ко сну. Не смей спать! Иначе свалишься с нарт, а олень и не заметит потери...

Нарты на рогах

Резкий неожиданный удар локтем в бок, и я... в глубоком снегу. Слышу костяной звон рогов. Путаясь в длинной малице, пытаюсь встать. Не ощутив тверди под ногами, заваливаюсь на бок. Озираюсь вокруг. Олени утонули в глубоком снегу - одни рога торчат, а на них наши нарты. Вануси пытается снять их с четырех

пар ветвистых рогов. Перепуганные олени крутят головами, усложняя его попытки.

Он меня спас, столкнув с нарт. Иначе бы я въехал на них спиной на острые рожки. Наконец-то нарты поставлены. Уложена и привязана наша «спецодежда», мой рюкзак. Не выпуская возжечки из рук, каюр вытаскивает меня за шиворот из снежного плена и велит катиться на боку на тот берег. Стоял, смотрел, пока я не выбрался на твердое место.

– Стой здесь. Я скоро вернусь, - и повел упряжку по рыхлому снегу вдоль реки, пока не скрылся из виду.

Оказалось, резко повернув у буровой, мы пошли наперерез маршруту движения оленьих стад и попали на речку. А реки на Ямале особенные, словно каналы. Нет ни высоких, ни отлогих берегов. Со временем вода протаивает

вечную мерзлоту и опускается все ниже и ниже, оставляя крутые берега. Зимой эти речки-каналы задувает, и лишь рыхлый снег напоминает о их русле.

Бесконечно долго тянется время. Вокруг пустота. Ни звука, ни шороха. Сонливость улетучилась. Скучно. Вдали показалась черная точка. Вот она растет, увеличивается. Уже различимы покачивающиеся в ритме бега ветви рогов. Олени бегут во всю прыть, оставляя за собой клубы пара. Остановились около меня. Дышат тяжело. Языки наружу. Устали.

Олени, как и собаки, не потеют от усталости через кожу. Они выделяют пот через язык. Эта биологическая особенность, видимо, и позволяет им переносить сильные морозы Заполярья.

– Испугался? Думал, не приеду? - улыбается Ванусн своими узенькими щелочками глаз.

Спирт

– Спирт есть? Кушать нада...

– Нету, нету, - поспешил я соврать, вспомнив наказ бывалых северян: «Возьми с собой на всякий случай чекушку спирта, и не больше. Спрячь в рюкзак так, чтобы не булькала и не прощупывалась. Узнает каюр - на первой же стоянке выпросит, вынудит - сам отдашь.

- Почему чекушку, а не поллитру?

- Да с нее он не так окосеет, а с бутылки уснет на нартах, и будешь ты около него сутки куковать, пока не очухается.

Вануси молча садится на нарты. Берет мой рюкзак. Не расстегивая его, нащупывает злополучный пузырек и подает мне. Деваться некуда. Посрамленный за обман, достаю флакон спирта, подаю ему.

– Нет, - возражает, - пей первым. После меня ты пить не будешь.

«Да уж, - думаю, - после твоего табакососания вряд ли кто притронется к горлышку губами». Срываю зубами пробку, подаю ему.

– Пей всю! Я ещё ни разу в жизни не пил неразведенный спирт, тем более из горлышка. Ни сочной закуски, ни воды даже нет.

Вануси настаивает, и я решился - он же не отстанет, он - хозяин положения Я глубоко вдохнул, как учил сосед, задержал дыхание и сделал один глоток. Полость рта и глотку обожгло огнем, защипало, высушило. Дыхание перехватило... Выступили слезы. Я закашлялся.

– Снег ешь! Снег ешь! - закричал перепуганный каюр.

Зачерпнул я полную горсть снега и жевал его, пока не прошло жжение. Опять подаю бутылку ему: пей всю, я больше не хочу.

– Нет, - спорит он, - половину пей!

Пожалел я его. Вижу, как не терпится ему ухватиться за желанное горлышко. Сделал ещё два-три глотка и сразу передал ему. Больше он не возражал. Опрокинул в рот остатки спирта, воткнул бутылку в снег, как будто подписал:

«Здесь пил Вануси». Пожевал снег, сел довольный на нарты и закурил, время от времени сплевывая зеленую слюну.

Тундровые, в отличие от лесных, ненцы в целях профилактики, а в основном при нестерпимой зубной боли сосут табак-махорку. Закладывают за нижнюю губу пленку от молодой березки, чтобы губу не разъедало, и к зубам кладут щепоть табака. Выдвинутую вперед нижнюю челюсть можно видеть не только у взрослых мужчин и женщин коренной национальности Ямала, но и у детей.

Дальше мы ехали без особых приключений. Размеренный бег оленей, легкое скольжение нарт по снежному насту усыпляют бдительность. Я полуприлег на бок, привалившись плечом к спине каюра. Подтянул ноги под малицу, вынул руки из ее рукавов - одним словом, уютно устроился. Уже не смотрю на уходящий след, однообразный пейзаж тундры. Прикрыл глаза. Ночь была на исходе. Хотелось спать. Да и последняя стоянка располагала ко сну.

Чувствую, олени замедлили бег. Нарты стало сильно трясти и раскачивать с боку на бок. То они неожиданно и стремительно дергаются вперед, как бы пытаясь выскользнуть из-под меня, то медленно скатываются в сторону. Сажусь прямо. Напрягся. Ухватился за края нарты. Пытаюсь понять. Огляделся.

Весь снег вокруг был перепахан неровными бороздами. Словно какой-то пьяный крестьянин

на столь же пьяной кобыле прошелся плугом по заснеженной тундре. Это прошли дальше на север стада оленей. Ветры еще не успели восстановить, засыпать, отшлифовать поверхность, чтобы придать ей первозданный вид.

Мой молчаливый попутчик остановил упряжку. Встал. Достал смотанный в кольцо тынзян (аркан для ловли оленей) и крепко привязал меня к себе - обмотал вокруг пояса, и мы сидели на нартах как сиамские близнецы, спина к спине, чтоб не потерялся - и погнал упряжку уже более осторожно и не спеша..

Чум

Единственно, что удручало меня в этой поездке - безмолвие... Я жалел бездарно потерянное время. Всю длинную дорогу мне хотелось поговорить со своим попутчиком, о многом его расспросить. Но как можно разговаривать с человеком, сидящим к тебе спиной, да при этом у обоих плотные капюшоны наподобие шлемофонов? На коротких стоянках отдыха оленей я задавал ему вопросы, но они, видимо, были настолько элементарны, что мой Вануси - Ваня, как я тут же договорился его называть, только улыбался узкими щелочками глаз и говорил:

– Вот приедем на стойбище, там со стариками и поговоришь.

Нарты преодолели вспаханную оленьим стадом широкую полосу заснеженной тундры и

легко заскользили по гладкому насту. Послышался лай собак. Три мохнатых пса увязались за нартами, пытаясь схватить меня за ноги. Упряжка неслась быстрее - и псы, как бы оправдываясь – «не очень-то и хотелось!» - отстали и вернулись к своим прямым обязанностям -подгонять отставших от стада оленей, чтоб те не попали на обед волчьей стае.

Упряжка остановилась. Приехали однако. Стойбище бригады оленеводов. Стоят три чума.

– Иди в чум, грейся, - говорит Вануси, распрягая оленей. - Нет, я с тобой...

Он подал мне рюкзак, взял с нарты всю нашу запасную одежду, откинул нюк (дверь в чум), я за ним.

– Ань тарово! - бодро приветствовал я хозяев, в душе гордясь познанием местного языка.

– Ань тарово! - прохрипел в ответ старческий голос.

Полумрак давил. Я невольно присел на корточки. В центре - очаг. Покрытые сединой пепла, догорали угли. От входа до противоположной стороны - шест, привязанный к стойкам чума. Он разделяет его на две половины. Я зашел вслед за Вануси в правую половину - значит, я его гость.

Снимаем верхнюю одежду и обувь, вешаем на горизонтальный шест - перекладину, окончательно отгораживаемся от левой половины, где сидят старик со старухой.

Молодая хозяйка подбрасывает в очаг сухой хворост и выходит из чума. Возвращается с полным чайником мелкоколотого льда. Вешает его на крюк, спускающийся все с той же перекладины. Языки пламени в яростной пляске вспыхнувшего хвороста принялись облизывать бока враз вспотевшего чайника.

Тундровые ненцы (есть и оседлые, живущие в поселках) выбирают места для стойбища вблизи водоемов. Это и понятно. Зимой они и не пытаются рубить проруби. Бесполезно. Мелководные речки промерзают до дна, а глубокие озера покрываются трехметровым слоем льда. Поэтому рубят лед и запасают его большими кусками впрок.

Жена Вануси поставила к очагу низенький столик. Разложила на нем сухари, сахар-рафинад, сушки-баранки. Поставила глубокую миску с каким-то черным холодцом. Разливает чай по эмалированным кружкам. Никакой лишней посуды - ложек, вилок, ножей. Приглашает нас двоих к столу.

Я никак не могу сесть к низкому столику, как они - ноги калачиком. Гнездился и так и эдак - не получается. Встал на колени и присел на пятки. Мне удобно, но я в этой позе возвышаюсь над хозяевами - нескромно... Тащу к себе рюкзак. Достаю булку хлеба - она напоминает кусок льда. Даже хрусталики сверкают в свете керосиновой лампы. Улыбается хозяин. Сухари подвигает. Выкладываю на стол все свои припасы. Все

замерзло!

– Пей чай, кусай сахар, бери сушку, - угощает хозяин.

– Попробуйте вафли, - предлагаю я в свою очередь единственный доступный зубам продукт.

– Панера! (фанера) – сказал он, и мы все засмеялись над его шуткой

Затем хозяева стали макать кусочки в миску и смачно жевать, приглашая и меня.

– Что это?

– Кровь олешка. Попробуй, вкусно!

Я вежливо отказался. Это для меня было еще слишком необычно. Вскоре после этого я спокойно ел всю тундровую пищу. И айбат - мороженое оленье мясо, и строганину - мороженого муксуна, и малосол - свежую рыбу, порезанную на кусочки, засыпанную крупной солью. Поболтаешь ее деревянной ложкой в глубокой миске минут пятнадцать - и за уши не оттащишь. Кровь оленью не пил, правда, но кусочком макал. И должен вам доложить - вкусно! Если еще подсолить немного.

Кочевая жизнь в суровых условиях Заполярья приучила этот маленький народ довольствоваться самым необходимым. Набор продуктов питания можно пересчитать по пальцам. Основу составляют оленье мясо и рыба. Из завозных: соль, чай. сахар, сушка, масло. Тушенка и сгущенка - это уже деликатес. Но к этому малому ассортименту у ненцев повышенные требования, продиктованные

природой и кочевым образом жизни. Так, соль-лизунец для оленей должна быть монолитными кусками. Соль пищевая - непременно крупная Ею лучше засаливать рыбу и мясо, чем мелкой. Сахар - только крупный рафинад. Песок быстро набирает влагу. Чай -только плиточный и черный. Его легче хранить, и он от влаги не плесневеет.

Несоблюдение поставщиками этих требований приводит к крупным скандалам. Разрешением их приходилось подчас заниматься не только районному, но и окружному, а подчас и областному руководству.

Сухари для оленеводов выпекали местные пекарни два раза в год - весной, когда бригады со стадами идут на север к морю, и осенью перед переходом через Обь по льду в лесотундру.

...Ложимся спать головой под своды чума, ногами в центр, к очагу. Хозяйка постелила мне гус, под голову положила малицу, а на нее - еще пахнущую кислым хлебом после недавней выделки, мягкую шкуру молодого оленя. Я завернул голову в мягкий чистый мех и моментально отключился.

Утро года

Раннее утро. Апрель. Утро - не начало дня, в нашем представлении, понимании. Апрель - это утро года. На Ямале совсем другое исчисление времени. Апрель, май, июнь - утро, рассвет после полярной ночи. Июль, август, сентябрь - день,

когда солнце вообще не заходит за горизонт. Октябрь и ноябрь - вечерние сумерки, преддверие длинной полярной ночи И наконец ночь: декабрь, январь, февраль, март. В этот период освещают тундру яркие звезды северного полушария, луна да радужные переливы северного сияния.

Солнце еще не обласкало своей лучезарной улыбкой землю Заполярья. Оно катается вокруг нашего шарика под названием Земля где-то ниже горизонта. Но его лучи уже освещают повесеннему голубое небо и, отражаясь, заливают все вокруг полупрозрачным ультрамарином.

В рассеянном свете плывут, колышутся, как васильки в июле, опушенные мягким мехом отрастающие рожки оленей. Местный поэт назвал их «цветами тундры». Меткий образ. Действительно, похоже на громадный луг, поросший васильками или незабудками, играющими с ветром.

Олени повсюду насколько хватает глаз. Их тысячи...

– Две.

– Чего две? - не понял я.

– Две тысячи оленей в нашем стаде – спокойно сказал Вануси Я не слышал, как он подошел.

– Смотрю, - говорит, - стоишь. То ли любуешься, то ли оленей считаешь. Вот и решил помочь тебе, - улыбнулся лукаво и хотел уйти.

– Постой, Ваня. Давай присядем на нарты. Расскажи-ка ты мне про оленеводство.

– А что тут рассказывать? Сам все видишь. В нашем Ярсалинском совхозе четырнадцать бригад. Все стада идут параллельно. Пастухи их не гонят, а идут вслед за ними. И лишь следят, чтобы стадо не сбилось с маршрута, не вытоптало пастбище соседней бригады Вот и вся мудрость пастуха.

Нет, не всю мудрость раскрыл мне молодой пастух. Да и может ли он знать, охватить умом и глазом весь полуостров с его стадами! Долго, по крупицам собирал я знание об оленеводстве на Ямале. Беседовал с зоотехниками, ветврачами, старыми опытными оленеводами. Дальше по снегам идут стада к побережью Байдарацкой губы, на свежие ветры Карского моря. Переход труден, небезопасен для стад, длится он больше месяца.

Не напрасно апрель ненцы называют «утро года». В стадах начинается массовый растел важенок - маток. Для пастухов и зооветспециалистов наступает тревожная и ответственная пора. Слишком много врагов у маленьких оленят: и волк, и песец, и полярная сова, и гололедица. Не пробить неокрепшим копытцем лед, не добыть вкусный ягель.

Идут стада. Вслед за ними идёт весна. Тает снег. В руслах многочисленных рек, ручейков, впадин снег становится кашицей. А стадам надо преодолеть эту злую купель. Олени в страхе теснятся, под ними трещат, прогибаются и проламываются вешние льды. Вот тут-то,

промокнув до ушек, и становятся неокрепшие перегонные оленята легочниками. На страже их здоровья зоотехники, ветврачи.

Через месяц-два появятся гнус, овод, они тоже наносят оленеводству огромный вред.

...Пролетело короткое лето. Идут с дальних ягельников умножившиеся круторогие и упитанные стада в обратную сторону, совершив переход в 500-800 километров. И так из года в год, из столетия в столетие. И вряд ли цивилизация XXI века что-либо изменит. В чумах появятся мобильные телефоны вместо громоздких раций на сухих батарейках, телевизоры... Но путь оленей, каслание останется вечным - так заложила природа-матушка. А с ней спорить - только себе во вред.

Люда - мила

Приехала на Ямал в школу-десятилетку по распределению из Омска молодая учительница Людмила Николаевна Емельянова. Смелая, веселая, общительная. Организатор всех школьных мероприятий, она всколыхнула спокойный уклад коллектива. Ее избрали секретарем комсомольской организации А через год райком комсомола назначает ее инструктором по работе среди молодежи коренной национальности.

А где эта молодежь? Конечно, в тундре! Людмиле Николаевне предстояло часто бывать в стойбищах оленеводов, у рыбаков на подледном промысле, в чумах охотников.

И вот ее первая командировка в тундру. Пришла за ней упряжка оленей. Каюром всей тундры комсомольский секретарь Мягочи Худи. Спецодежду с собой привез. Да не знал он, бедолага, что инструктор-то девушка! А то бы

легкую праздничную, расшитую орнаментом женскую ягушку привез. Одевали ее в большую мужскую малицу и обувь всем аппаратом райкома. Смеху и визгу было... Перед зеркалом повертелась - не без этого. Одним словом - поехали.

Гонит-подгоняет оленей молодой каюр. Душа поет. Еще бы аркае - начальник (большой начальник) - за спиной сидит. Красивый начальник.

А Людочка действительно была красавицей Белокурая, румяная. Глазищи большие, голубые, распахнутые в мир с интересом и любовью. От них исходил какой-то мерцающий свет. Всегда улыбчивая говорунья, непоседа. Все в нее были влюблены. А ненцы ее звали как-то нежно, нараспев «Люда – мила», что приводило ее в неописуемый восторг. Она громко при этом смеялась и от удовольствия хлопала в ладоши. И на работе своим сотрудникам говорила.

– Не зовите меня больше по отчеству. Я как услышу «Николаевна», так сразу скучно становится. Я чувствую себя строгой старой учительницей. А я не хочу быть старой и строгой, - при этом капризно в шутку надувала губки и топала ножкой. - Зовите меня по-ненецки «Люда – мила», - она нежно растягивала последнее слово и заливалась своим заразительным смехом.

...Осталась позади половина расстояния до первого стойбища оленеводов. Легко летят

нарты, взлетая на волнах переметов снега. Крепко вцепилась в них Люда руками, прижимая себя к сиденью. Окоченели руки. Она втянула их в рукава малицы. Растирает.

По неписаным законам тундры, каюр, когда едет не один, всю дорогу покачивается взад-вперед, чтобы чувствовать спиной пассажира.

Но здесь не тот случай! Застенчивый молодой вожак молодежи смущен - не осмеливается прикоснуться к девушке даже спиной.

Олени почувствовали дымки родного стойбища, прибавили прыти... Небольшой трамплин - нарты взмывают вверх, в мягком скольжении приземляются и уже... без Людочки уносятся вдаль.

– Нарты выскользнули из-под меня при взлете, - рассказывала после она. — Я как сидела на нартах, так в той же позе и села в снег. Даже не ушиблась и не успела испугаться. Так это мгновенно произошло. Пыталась обернуться, посмотреть, где же нарты, - не могу, мешает капюшон. Пытаюсь подняться - падаю, наступив на длинный подол мужской малицы. Все же извернулась и посмотрела в ту сторону, куда умчались нарты, - никого! Я осталась одна посреди зимней тундры в полярной ночи... С собой ничего нет – все нарты увезли. Упала я в снег, свернулась калачиком внутри громадной шубы, сшитой колоколом, и заплакала от своей беспомощности. О волках почему-то подумалось

- какая же я для них легкая добыча! Маму вспомнила...

Сколько времени я так лежала, плакала - не помню. Кажется, даже уснула. Слышу, снег скрипит - кто-то ходит вокруг. Я сжалась в комок. Ну все, думаю, пришел мой конец.

– Люда - мила, - ты живая, не замерзла? - это же мой Мягочи!

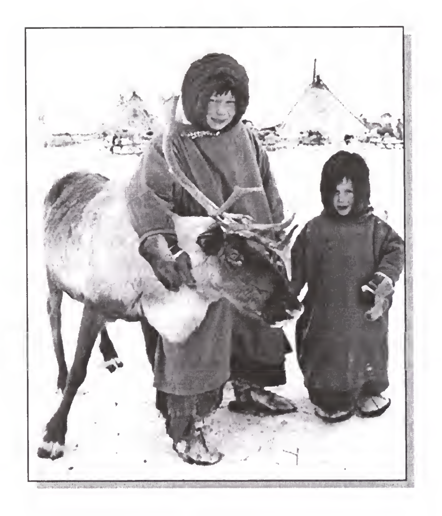
Спохватился он лишь на ближайшей стоянке для отдыха оленей. И тут же развернул нарты обратно. Только около меня он дал оленям отдохнуть. Меня же крепко привязал к себе, как и положено возить по тундре новичков.

... На комсомольских конференциях подходили к ней более смелые молодые ненцы и дразнили: «Увезу тебя я в тундру!» А она смеялась: «Ага, чтоб опять потерять в снегу?» - «А мы тебя к нартам крепко привяжем!»

Над Мягочи Худи долго еще в тундре смеялись: «Как это ты умудрился аркаеначальника потерять? Такую девушку не удержал!»

А Люда-мила вскоре вышла замуж за красавца с Украины Петю Пантелейчука - секретаря райкома комсомола. Была веселая комсомольская свадьба с катанием на оленьих упряжках. Олени были украшены цветными лентами, и выглядело это намного нарядне, чем кортеж современных свадебных иномарок.

Людмила с Петром живут давно и счастливо. Вспоминают молодость, прошедшую на Ямале.

Авка

Проснулась Обь-матушка. Освободилась от тяжкого груза льдов. Пошли тяжелые баржи, побежали быстроходные почтовые катера. Понеслась над широкой гладью музыка с пассажирских теплоходов. Звонким эхом

отражаются звуки большой реки о высокий мыс поселка Салемал.

Сидит на берегу старый оленевод, провожает тусклым взглядом пароходы и жизнь свою длинную перебирает. Сокрушается. Впервые со стадами в тундру не ушел. Ноги шибко болят.

Вот катер к берегу причалил. Много молодых парней не берег высыпало с рюкзаками одинаковыми, в форме зеленой, нашивки на рукавах и на груди. А на спине большими буквами «Одесса» написано. Студенты, однако. В поселке, где стоит чум старика Парангуя, парни начали строить большую больницу. Все лето строили, быстро стены вырастали. Пришла пора уезжать домой, к Теплому морю, снова учиться пора, а у больницы еще нет крыши. После обеда студенты вывесили написанный на целом листе фанеры приказ. Сами себе приказали: «Закончить крышу к утру!».

«Ладно ли написали? – сомневается старый оленевод. – Много еще работы! Сделают ли за одну ночь?»

Всю ночь звенели топоры, визжали пилы, гремели листы шифера…

Приковылял утром дедушка, опираясь на палочку, посмотреть: закончили ли парни с Теплого моря крышу, как обещали, или только похвастались.

Смотрит, а здание больницы еще белее стало от крутоскатной шиферной крыши. В лучах

утреннего солнца стоят студенты, любуются работой своей. А один под самой крышей опять лист фанеры прибивает. Теперь кроме букв еще и рисунок. Сидит на бревнышке заяц. Заложил ногу на ногу. Один глаз хитро прищурил, улыбается, трубку курит. А внизу слова написаны: «Заяц трепаться не любит, сказано – сделано!».

Смеется Ирикс Парангуй, а сам нетерпеливо в дальнюю тундру всматривается. Оттуда внучата должны привести полуторагодовалого Авку.

Авками ненцы называют оленьих сирот. Случится – погибнет матка, и останется тогда маленький олененок без молока, без присмотра, всему стаду чужой. Тогда берут его люди в чум. Греют и вскармливают. Из Авки получается совсем-совсем домашний олень. Как домашняя собачка ходит за людьми, ест человеческую пищу, спит в чуме, играет с детьми.

Вот такого оленя, теперь уже взрослого, ушедшего этой весной со стадом, и решил старик подарить парням с Теплого моря. Пусть они везут его с собой, пусть вспоминают тундру и старого Парангуя. А в поселке долго-долго о них не забудут. Здесь останется новая светлая больница.

Подарит им Авку и скажет:

– Не было у ненцев роднее и вернее друга, чем олень. Олень спас, согрел, вскормил маленький мой народ. Можете поцеловать моего Авку в самое зеркальце носа. Можете съесть с ним соленый кусочек хлеба. Он чист и здоров,

мой ямальский олень!

– Ведут! Ведут! – закричали поселковые ребятишки.

Внуки старого оленевода ведут Авку. На оленя навьючены два мешка ягеля – корм родной тундры на дальнюю дорогу.

Студенческий отряд выстроился на прощальную линейку. На непослушных ногах вывел Ирике Парангуй перед молодым строем своего любимца Авку и сказал длинную речь, что прошлой ночью придумал. Поцеловал Авку на прощанье. Прослезился.

Потом погрузили Авку на катер.

Повезут его студенты к Теплому морю.

И вскоре Ирике Парангуй получит от них письмо.

«…В Лабытнангах начальник станции долго не разрешал нам погрузить Авку на поезд. Тогда мы сказали ему:

– Товарищ начальник! Нам подарили его ненцы. Мы построили им больницу, а они нам подарили оленя.

Начальник станции потер свою лысину, потрогал усы и вызвал начальника поезда. Вдвоем они нашли в поезде нерабочий тамбур, и вздрогнул наш северянин от первого паровозного гудка. Вскоре Авкин тамбур стал самым веселым и обитаемым местом в поезде. Пассажиры несли ему белые булки, дети угощали его конфетами, печеньем и яблоками. Авка поедал все и до Москвы растолстел так, что едва

помещался в тамбуре.

Однажды он остановил поезд. Поддел отростком рога стоп-кран, попытался освободиться и сорвал его с пломбы. Начальник поезда грозился срезать ему пилою рога «за хулиганство на транспорте», но потом пожалел. Некрасивый будет олень.

... В Москве, когда мы вывели Авку из тамбура, очень испугался дежурный милиционер. Растерявшись, он пронзительно засвистел в свисток. Аавка еще сильнее испугался и со страху немного испортил московский перрон. Милиционер рассердился и хотел нас оштрафовать. Но мы снова сказали:

– Это Авка. Нам подарили его ненцы. Мы построили им больницу, а они подарили нам оленя.

Милиционер отдал Авке честь, штрафовать нас не стал, а только велел убрать с перрона авкин «испуг».

Нелегко пришлось везти оленя в нарядных больших поездах, но когда мы говорили начальникам в погонах и без погон о том, что нам его подарили ненцы, люди добрели, гладили его и улыбались, и Авка-безбилетник попрежнему ехал к Теплому морю.

...У нас в институте был митинг. Девушки-студентки украсили Авкину шею и рожки венками из южных цветов. Так, в цветах, и отправился Авка в наш городской зоопарк.

Живет он там хорошо, свободно разгуливает

по зоопарку. Дети постоянно угощают его чем-нибудь вкусным и с удовольствием рассказывают приезжим туристам:

– Это северный олень Авка. Его подарили нашему городу ненцы…

Авке нравятся Теплое море, наши звонкие чайки, вкусные фрукты. И только, когда подуют северные ветры, становится Авка тревожным и беспокойным. Он вытягивает шею, стрижет-перебирает ушками и что-то все слушает, слушает. Потом вдруг задрожат его чуткие ноздри, и нюхает, нюхает Авка. Может доносят до него северные ветры запахи родной тундры, по которой осенней порой бродят его сородичи?…

… Напишите Ирике Парангуй, как ваши ноги? Приехал ли доктор? Работает ли ваша больница?

Ваши парни с Теплого моря».

Тридцать шесть подписей.

Феномен тундры

Касаясь в своих очерках темы олневодства, автор не в силах был удержаться от публикации исследований ученых зооветспециалистов феномена тундры – северного оленя. Считаю этот материал будет небезынтересен нашим читателям.

Домашний северный олень, как и его дикие сородичи, все свое время проводит на свежем

воздухе. Зимой, когда в тундре не в меру свежеет, кто угодно почувствует себя неуютно в пятидесятиградусный мороз на ветру, да еще в полярную ночь.

Кто угодно, только не северный олень. У него – отменная «спецодежда», специалисты по синтетическим волокнам с завистью присматриваются к его экипировке. Если использовать особенность оленьего меха, то люди, возможно, перестанут зябнуть в синтетических шубах и куртках. Олений мех обладает и другим завидным качеством: зимой кончики волосков как бы разбухают, утолщаются, и мех становится монолитной броней, которую не может одолеть свирепый ветер, дующий против шерсти.

Летом, как известно, одежда оленя скромнее, но и она заставляет животное изнывать от жары. Он норовит прилечь на нерастаявший снег, окунуться в ледяную воду.

Оленя кормят ноги, но они не обогреваются интенсивным кровообращением. Зимой температура его ног падает ниже плюс десяти. И все-таки олень ноги не протягивает. Секрет в химических свойствах ткани. Так, температура плавления жира его задней ноги понижается от бедра к копыту от 45 до 10 градусов. Конечно, дело не только в этом, но и в физиологии всего организма. А тут множество диковинных черт. Одна из самых полезных – феноменальная устойчивость оленя к солевому голоду.

Подумать только – нескончаемую полярную зиму сидеть на диете из снега и ягеля, которые природа не удосужилась посолить! Поэтому олень заблаговременно, еще летом запасается минеральными солями. Чтобы выжить, он идет на все: лижет морскую пену на побережье, ловит и съедает полярных мышей — леммингов. Зимой не хватает не только соли. Приходится жить впроголодь, и организм тратит все резервы, вплоть до того, что олень «съедает» пятую часть своих мышц!

Парнокопытные родственники северного оленя обходятся двумя легкими, а он зачем-то обзавелся третьей долей легкого. Раньше думали, что она помогает оленю во время быстрого бега по снежной целине. Но оказалось, что на бегу он потребляет только в семь раз больше кислорода, чем в полном покое, тогда как человеку, например, во время бега надо В 10-14 раз больше кислорода. Выходит, чтобы скрыться от хищников, северному оленю хватило бы и двух легких. Значит, «третье дыхание» понадобилось ему по другой причине. И похоже, что ее нашли: третья доля легкого – это дополнительная печка, согревающая оленя изнутри.

А другую загадку пока еще не разрешили. Когда олени бегут по тундре, слышится легкое, как бы электрическое потрескивание. Оленеводы называют это явление «звоном». Каково происхождение «звона», достоверно еще не известно, хотя по этому поводу создано немало

предположений.

...Когда олененок появляется на свет, его ждет не теплый коровник, а стужа: лежит он в сугробе снега. Важенка долго и тщательно вылизывает новорожденного, чтобы он не заледенел. Но вот уже через пять часов олененок встает, начинает ходить и... бегать. Новорожденный вступил в суровую, полную испытаний, но все же прекрасную жизнь.

Вожак

По замерзшей глади моря – Обской губы – мчится упряжка ездовых собак. Взъерошенная шерсть их заиндевела, дыхание застывает в воздухе и кристаллами оседает на шкуре.

Упряжка из пяти собак. Каждая на отдельной веревке. Соединяются они в кольце на передке нарт веером, и ни одна из них не бежит по следу другой.

У «веерной» упряжки, применяемой на открытой местности, как в нашем случае, есть преимущество перед упряжкой «гуськом», используемой, в основном, в лесистой части Крайнего Севера, - это разная длина веревок. Она мешает собакам, бегущим сзади, кидаться на

передних, а затевать драку можно только с той соседкой, которая идет на более короткой веревке. Однако тогда нападающий оказывается лицом к лицу со своим врагом. Но самое большое преимущество этой упряжки заключается в том, что стараясь напасть на передних собак, задние налегают на постромки, а чем быстрее катятся нарты, тем быстрее бежит и преследуемая собака. Таким образом, задняя никогда не может догнать переднюю. Чем быстрее бежит одна, тем быстрее удирает от нее другая, и тем быстрее бегут все остальные собаки. В результате всего этого быстрее катятся и санки.

Порой на пути встречаются снежные переметы. Скорость снижается. Каюр, до того стоявший на полозьях нарт, бежит следом, подталкивает их, помогая упряжке. Уставшие, более слабые собаки, приотпустили постромки, надеясь передохнуть.

– Амур-р-р! – незлобно, но повелительно кричит погонщик. Вожак, не снижая скорости бега упряжки, на полном ходу взметнулся вверх, рванул загривок ленивой собаки, та жалобно взвизгнула и прибавила прыти. А он уже бежит прежним махом впереди всех.

Чтобы заставить собак на равных тянуть постромки, каюру не нужен бич, его роль исполняет вожак. Он чувствует своей могучей грудью тех, кто не тянет, а просто бежит в упряжке. То и дело оглядываясь по сторонам,

он готов в любую минуту сделать на полном ходу крутой поворот и кинуться на слишком ленивую и слабенькую собачонку, в то же время не отстать и смотреть себе под ноги.

Амур крепкий, рослый и самый опытный пес в упряжке. Потертая шерсть на шее и груди говорит о многолетнем стаже ездовой собаки. На его шее широкий ошейник, от которого идут две лямки к ремню, перекинутому поперек груди и через спину; к этому ремню привязана самая длинная веревка, соединенная с нартами. Ему оказана большая честь. На самом деле чести в этом было мало, потому что его ненавидят и преследуют все собаки. Привязанный на длинную веревку, собакам кажется, что он удирает от них. Им видны только его задние ноги и пушистый хвост, а это далеко не так страшно, как вставшая дыбом шерсть и сверкающие клыки. Кроме того, зрелище бегущей собаки вызывает в других собаках уверенность, что она убегает именно от них и что ее надо во что бы то ни стало догнать.

… На участок подледного лова я прибыл по заданию редакции накануне попутным самолетом. Рыбаки быстро загрузили борт мешками с ряпушкой и, пока мы с бригадиром обходили порядки ставных подо льдом неводов, АН-2 взлетел и лег курсом на Новый Порт. Бригадир заметил мое смятение и растерянность, удивленный взгляд вслед улетающему самолету, успокоил.

– Завтра доставим тебя целым и невреди-

мым. Успокойся. «Значит, завтра опять прилетит самолет за рыбой, и я улечу с ним!» Я считал свою командировку, на этот раз, неудачной: неводы поставили вчера, а поднимать их будут только через два дня. Мне не удалось понаблюдать интересный процесс. Рыбаки, конечно, рассказали всю технологию подледного лова, но лучше один раз увидеть... Судя по штабелям мешков с мороженой рыбой, зимняя путина проходила успешно, рыба шла косяками.

Вернулись в балок. Бригадир взял из кладовки дощатого, щитового пристроя полмешка рыбы, вышел, закрыв за собой двери на вертушку. Собаки тут же с громким лаем окружили его, заискивающе и преданно глядя в глаза. Он кидает рыбу сначала крупным и сильным собакам, потом остальным. И в этом я увидел глубокий смысл и знание собачьей натуры.

В дверях нас встретил крупный лохматый и добродушный пес. Его хозяин запер в пристройке, чтобы избежать драки в своре во время кормежки. Этого пса кормили отдельно. Помимо мороженой рыбы, ему вынесли большую миску наваристой густой и теплой ухи с хлебом.

После плотного ужина с дежурным блюдом – ухой, сваренной не только из ряпушки, но и других ценных видов «деликатесного цеха страны», рыбаки улеглись по своим местам. Я же долго еще, сидя за столом с десятилинейной керосиновой лампой, донимал их расспросами.

Наконец, один из них не выдержал и рассказал случай из жизни, явно рассчитанный на новичка.

Бригадир соседней бригады Григорий Гуцу послал домой в Молдавию банку осетровой икры. Получает в ответ письмо от жены: «Твоя посылка шла так долго, что икра испортилась и почернела. Я ее выбросила на помойку!» Я рассмеялся, они криво улыбнулись. Это был намек: «туши свет и ложись спать!»

В жарко натопленном жилище стало абсолютно темно и тихо. И лишь ветер – вечный странник, жалобно и надрывно завывал в железной трубе печки-буржуйки.

Утром бригадир дал краткие распоряжения мужикам, повернулся ко мне, осмотрел внимательно мою экипировку.

–Ну, поехали.

–На чем?!

–Карета стоит у подъезда, - и улыбнулся.

Раздался сдержанный смешок.

На улицу вышли всей бригадой. У балка стоит в полной готовности запряженная в нарты собачья упряжка. Мне предстояло испытать еще один вид транспорта советского Заполярья. Сел верхом на узкие нарты.

– Бр-р-ря! – крикнул каюр. Упряжка с места рванула вперед. Он пробежал вслед несколько метров, держась за поручень, и вскочил на полозья.

... Ноги затекли от неподвижности и неудобного положения. Оглянулся на каюра.

Ресницы, щеки, борода и мех шапки так покрылись куржаком и обледенели от застывающего на воздухе дыхания, что под ледяной коркой не было видно лица. Судя по всему, мой портрет выглядел не лучше.

– Располагайся, как тебе удобно, – поняв мой взгляд, предложил он. Откидываюсь назад, на мешок с мороженой рыбой, ноги кладу на второй мешок, лежащий на передке нарты, тоже с рыбой – это корм собакам на обратный путь.

Призрачный сумрак короткого дня Заполярья незаметно растаял. Ночное небо черным бархатом в сверкающих звездах опустилось над нами так низко, что, казалось, встань на нарты, поднимись на цыпочки и достанешь вон ту, особенно яркую, подмигивающую тебе проказницу. Купол неба – полусфера стоит всем своим основанием на тверди замерзшего моря. Горизонт – по кругу. Ни одной точки на поверхности, взгляду не на чем остановиться. Все созвездия северного полушария, кажется, собрались, сдвинулись тесной компанией и взирают на нас надменно из поднебесной высоты, лукаво перемигиваясь между собой и удивляясь нашей смелости, а может быть, дерзости; нашему одиночеству в оледеневшем мертвом пространстве, где ни малейших признаков жизни. Только наша одинокая упряжка быстро как ветер летит по застывшей пустыне.

Каким звериным инстинктом и чутьем

должен обладать вожак упряжки, чтобы без видимых ориентиров, в ночи полярного безмолвия держать верное направление к дому, а потом обратно от дома и найти в бескрайних просторах замерзшего моря среди других бригад рыбаков балок своего хозяина!

Впереди, на горизонте, показалось млечное зарево. Мы подъезжаем к поселку. Собаки с визгливым лаем добавили ходу и вскоре вынесли нарты на главную улицу.

Здесь можно было бы поставить точку в моем повествовании. Но следует добавить еще несколько строк для создания полноты образа моего героя. Я наблюдал за отношениями Амура с хозяином. Пес не старался проявлять свои чувства. Он был сдержан и никогда не встречал хозяина лаем и заискивающе не вилял хвостом, не кидался ему на грудь, не суетился и не прыгал, чтобы доказать свою любовь. И лишь почтительно вставал и отходил от дверей, пропуская хозяина в дом. Только глаза, следящие за каждым движением хозяина, выдавали чувства обожания и преданности.

Ледовый экстрим

Нарушая вечный покой, уснувшей под теплым одеялом снегов тундры, трещит, выстреливая вверх сизые кольца дыма, бежит по темно–зеленой глади Оби трактор, наматывая на большие резиновые колеса первые километры далекого пути. Он только что миновал заснеженное русло Юмбы, огражденной по берегам густым кустарником ивняка и вышел на простор широкой реки.

В одноместной кабине двое. Упакованные в несколько слоев теплой одежды и застегнутые на все пуговицы полушубки. Рядом с трактористом, полусидя на ящике с

инструментом, жмется к холодной тонкой стенке кабины, у самой дребезжащей дверки, его пассажир. Сзади трактора мотается из стороны в сторону по гладкому льду волокуша – лист металла с загнутым передком. На ней скорчившись лежит человек.

«Полярная экспедиция» отправилась по льду Обской губы из районного центра Яр–Сале в поселок Бухта Находка. Расстояние между пунктами, по официальной версии: летом, по воде – 120 километров, зимой, по тундре – 94. Расстояние зимой по льду никто не мерил.

– Не более девяноста километров, – предположил Енсу Павлович Вануйто – инструктор райкома партии, приложив потертую деревянную линейку к карте области.

– Держитесь левого берега и часа через три-четыре ждем от вас по рации привет. Положившись на авторитет местного жителя, в предвкушении гладкой дороги и краткого пути, с бутербродами в карманах, экипаж из трех человек отправился навстречу своей судьбе. Выехали в предутренних сумерках, в десять часов.

Первые сомнения в точности маршрута повергли путников дымы из труб близкого поселка Сюнай-Сале. Следуя наказу не отрываться от берега, они полностью повторяли контур восточного побережья Ямала, заходя во все бухты, заливы и устья рек. С трудом объехали по периметру маленькую, занесенную снегом

бухту, обогнули мыс Ямсале и вновь вышли на голый лед Обской губы.

Время упущено, прошли лишние километры. На пределе всех лошадиных сил, впряженных в двигатель, трактор летел вперед на север. На волокуше Володя Фатеев. Молодой парень только что вернулся из армии. Просьбу начальника узла связи Наркиса Павловича Чистякова, доставить батареи для рации безмолвствующего поселка, принял как приказ, выполнить который предстояло любой ценой. Ценой оказалась … волокуша. Вот где проявилось «мужество отчаянных парней!» Неоднократные предложения пассажира трактора периодически меняться местами Володя решительно отвергал.

Механизатор широкого профиля Владимир Вышкребенец был вызван из кубанской станицы на длинные северные рубли близким родственником – начальником рыбкоопа и посажен им на тот самый трактор, что вез нашу компанию в дальний поселок. Так бы и возил он товары и продукты с базы по магазинам, не попадись на глаза председателю райисполкома Виктору Сергеевичу Кузьмину.

– Вот тебе транспорт! – взглянув в окно, воскликнул предрик. По улице, в сопровождении своры собак, бежал колесный трактор, следом на тросе болталась волокуша. Сказал сгоряча. Потом ухватился за эту мысль и поднял трубку телефона.

– Соедините, пожалуйста, со Шпилевым.

– Николай Иванович, тут на меня наседает редактор газеты – ему надо попасть в Бухту Находка. Оленей поблизости нет. Отправь его на своем тракторе. – Выслушал возражения. Они показались неубедительными. – Николай Иванович! Надо! По льду поедут. Хорошо. Завтра в десять будет у вас.

– Понял? – обратился он к редактору. – Иди готовься к ледовому походу.

Жидкий полуденный свет незаметно поглотила мгла полярной ночи. Исчезла из виду береговая линия с чахлым темным кустарником. Ориентиром служил край снежных заносов. Ветры смели весь снег с гладкой поверхности льда и утрамбовали его у берега.

Расчетное время прибытия в пункт назначения давно истекло. Казалось, еще немного, еще чуть-чуть, и появятся манящие огоньки поселка. Машина летит напропалую. Два светло-желтых конуса тупо упираются в снежную пыль, едва высвечивая темный лед под колесами, да кромку снежных заберегов.

Впереди, как–то внезапно, в отражении света фар вспыхнули звездочки. Они радужно преломлялись на хрустально прозрачных гранях дыбом стоящих льдин. Торосы! Визг тормозов, – трактор по инерции скользит, опасно подкатывается под самые надолбы. Волокуша догнала задние колеса и ударилась так, что Володя вылетел под трактор. Вскочил, огляделся, отряхнулся от снега и в недоумении взглянул на

водителя. Тот - в шоке. Сидит не шелохнувшись. Опомнился, вышел, оценил обстановку и запаниковал. Потирая, через шапку, ушибленный лоб, держась за поручень, с высокой ступеньки на лед ступил пассажир и тут же присел. Ноги от неподвижности и неудобного сидения затекли и, словно ватные, не держали тела и массы наздеванной на него одежды. Тысячи иголок пронзили мышцы ног. Он полез в торосы определить ширину гряды, словно собирался форсировать непреодолимое препятствие. Полуметровой толщины льдины угрожающе спокойно торчали во все стороны. Ширина гряды – три-четыре метра. Вернулся к своим спутникам. В их глазах мольба: «Вернемся назад!..»

Предводитель рискованного похода чувствовал ответственность перед товарищами, пытался отвлечь их от панических настроений, шутил, подбадривал.

– Парни! Помните старый анекдот про Василия Ивановича? Скачут по степи Чапаев и Петька. Петька оглядывается и кричит: – Василий Иванович! Сзади белые! – Гони Петька! Земля круглая, догоним! – Никакой реакции…

Снежинки, твердые как алмазная крошка, отскакивают от обветренного лица и противно скрипят на шее. Ветер с моря, как усталый старик, то свистит, словно сквозь редкие зубы, то сопит, будто успокаиваясь. Настырная поземка – любвеобильная особа – навязчиво

целует нос, щеки, губы, обнимает за шею, распахивает полы полушубка, назойливо прощупывает одежду в поисках доступных мест и там остается. Пар выдоха мгновенно леденеет, вдох морозит горло.

– «Здесь колыбель ветров и вьюг, а позади у нас Полярный круг!» – продекламировал он стихи местного поэта.

– А не пора ли нам, ребята, пообедать? – Втроем влезли в тесную кабину. Здесь было также холодно. Она защищала лишь от пронизывающего ветра. Подмерзшие куски хлеба хрустели на молодых крепких зубах вафлями и не утоляли голод.

– Чайку бы сейчас горячего…

– Размечтался. Шеф чай нам обещал через три–четыре часа, – мрачно молвил Вышкребенец.

– Владимир, а сколько километров мы проехали? Что показывает твой спидометр?

– Какой спидометр? Трактор приспособлен огороды пахать, а не по тундре шастать…

– Да, тракторист, мой отец пахал на одной лошади, а в твоего пахаря затолкали тридцать или даже сорок лошадей, а пашет он как один Савраска.

– Что ты к трактору привязался. А у тебя, «начальник экспедиции», карта или компас есть?

– Да, ты прав. Крепко меня прижал! И ледовую разведку я как-то не предусмотрел… Ну, все мужики, передохнули и вперед! Володя, поменяемся местами?

– Нет, у вас тут тесно, а у меня плацкарт.

– Пойдем, я помогу тебе оттянуть волокушу. – Он сбросил полушубок: – Утепли плацкарт, – и, подгоняемый крепким морозцем и ветром, вскочил в кабину.

– Ну, капитан надводного корабля, вперед и с песней! Пусть ветер дует в наши паруса!

Непредвиденные обстоятельства взбадривают рассудок и обостряют внимание. Не следует забывать – здесь Заполярье! И опасности подстерегают на каждом шагу. Тяжело здесь телу, но легко душе.

– Что ж ты молчишь всю длинную дорогу? Хочешь, я буду петь тебе старинные ямщицкие песни? Нет-нет, про то, как в степи глухой замерзал ямщик, не буду, ты и без того скис основательно. Я спою тебе про любовь!

Спел все, что хранила память. Ни одна мышца лица водителя не шелохнулась. Он начал злиться еще накануне поездки, когда припугнули: в случае отказа снимут с трактора и посадят более сговорчивого. Он всю дорогу молчал, лишь иногда смешно шевелил губами – беззвучно ругался и проклинал весь белый свет.

Голосом провинциального конферансье звучит объявление следующего номера камерного концерта:

–Выступает застуженный артист Советского Союза. Он исполнит песню о большой, самозабвенной и прерванной любви декабристки. Она отправилась зимой в кибитке

в далекую и жуткую Сибирь к любимому мужу. – «Это было давно, лет пятнадцать назад. Вез я девушку трактом почтовым. Вся в шелках, соболях, чернобурых лисах и закрыта платочком шелковым…»

У слушателей местного промерзшего Дома культуры после такой мелодраматической истории побежали бы мурашки по спине и скатились где-то у самого сидения, а единственный слушатель был невозмутим.

– А почему она зимой была в шелковом платке, а не в шали шерстяной? – неожиданно спросил Владимир со свойственной ему крестьянской рациональностью.

По полузамерзшему стеклу кабины пробежали яркие краски. Небо высветилось, резко очертив горизонт. Северный край неба замерцал, зашевелился, стальные полосы покатились по нему, и чудилось, что они вот-вот тонко зазвенят.

Заиграло северное сияние. Дивное диво, которое они видели много раз и все же наглядеться на него не могли. На ночном горизонте бушевало пламя. Огромные столбы сияния рвались в поднебесье, таяли в нем, переливаясь всеми цветами радуги. Изменения цвета, форм «столбов» и гирлянд были динамичны, интенсивны, напоминали цветомузыку. Словно лучи тысяч прожекторов выстроились в извилистые линии и били вверх. Цвет прожекторов у горизонта был зеленым, а

вверх бьют струи ярко-красного цвета. Их тысячи, они переливаются разноцветными огнями. Все время волнами шла такая интенсивная смена цвета, будто рожь колышется.

«Ледоход» мчится вдоль гряды торосов, попыхивая сизым дымом. Он лезет во все щели, выедает глаза, мешает любоваться прекрасным, сказочным явлением природы. Торосы тянулись слишком далеко поперек реки. Ширина ее в этом месте от 90 до 105 километров. Казалось, выгляни солнце на мгновение, и наши путешественники увидели бы дымки поселка Ныда на противоположном берегу.

Высота льдин постепенно уменьшалась. Подходила к критической отметке и выдержка тракториста. Когда торосы опустились ниже колена, он отогнал машину в сторону, махнул Володе, чтобы тот покинул свой лежак и, с разгона, бросился на таран ненавистного «крепостного вала». Переваливаясь из стороны в сторону, трактор преодолел барьер. Вслед за ним, болтаясь на тросах, сбивая верхушки отдельных льдин, взвилась вверх, подобно листу промакашки, с диким визгом и грохотом шлепнулась на лед волокуша. Ура!

Водитель вышел из машины. Снял шапку. Вытер рукавом вспотевший лоб. Постояли, размялись, перекурили. Мороз крепчал, и голод гнал к заветной цели.

– Мужики! Сейчас нам сам черт не брат! По машинам! – и погнали в обратную сторону к

спасительному берегу – ориентиру дальнейшего пути.

В минуты отчаянья и безысходности, при встрече с непредвиденными обстоятельствами память возвращает к истокам. Редактор сел поудобнее, насколько позволяло место в уголке тесной кабины, прикрыл уставшие от постоянного напряжения глаза, и мысли понеслись, опережая одна другую, путались, переплетались, исчезали и появлялись вновь. Память прокрутила кинопленку последних событий в обратном направлении.

Год полувекового юбилея Советской власти был для редактора звездным: областная конференция Союза журналистов СССР признала его газету лучшей сразу в двух номинациях: за информационность и полиграфическое оформление. Обласканный областной властью, он попросил помощи в строительстве здания редакции. Ему вручили типовой проект со словами: – «Вопросы стройки решайте на месте!», что означало –необходимо постановление райкома и решение райисполкома.

Секретарь райкома партии Павел Иванович Денисов выслушал отчет делегата с нескрываемым удовлетворением. Решать вопросы оснащения полиграфической базы и создания нормальных условий для творческих работников он отправил редактора этажом ниже – в райисполком.

– Виктор Сергеевич! – почти кричал он с

юношеской запальчивостью. – Вот смотри, альбом типового проекта районного издательства – комплекса двух зданий: редакции и типографии с планировкой размещения современного полиграфического оборудования. Деревянное исполнение. Рядом, по ямальским меркам, стоит бесхозный, пустой поселок. Решение райисполкома – и стройматериалы будут здесь.

– Хорошо. Убедил. Ты можешь уговорить ломовую лошадь, – улыбнулся предрик в знак согласия. – отправляйся в поселок. Посмотри на месте, рассчитай – хватит ли бруса свободных домов на твое строительство. А там решим…

Редактора угнетало убожество помещения издательства районной газеты. Редакция и типография находились в двух комнатках старого барака времен освоения Севера. Тепла от двух печей хватало, чтобы погреть озябшие пальцы наборщиц. Ручной набор текстов, тигельная печатная машина, родная сестра той, что печатала «Искру» вождя мирового пролетариата в прошлом столетии, никак не вписывалась в эпоху освоения космоса.

Он был свидетелем открытия Новопортовского газо-конденсатного месторождения на полуострове. Знал, что через десяток лет начнется промышленное освоение Ямала и вместе с ним начнет развиваться социальная инфраструктура. Но он был нетерпелив.

Дух того времени был направлен на созидание. Была гордость за свое дело. Работа одолевала нас, а мы работу. В те годы говорили: если у вас есть трудности, значит вы живете нормальной жизнью. Мы пытались преодолевать трудности, подгоняя время.

Надводный корабль с крейсерской скоростью тридцать километров в час мчится к берегу. Время далеко за полночь. Вот они снежные заносы и силуэты корявого кустарника. Резкий поворот направо и, не снижая скорости, без остановки летит экипаж безумных авантюристов все дальше на север в неведомую даль.

В предрассветных сумерках на высоком овражистом берегу показался конус чума. Трактор оставили с работающим двигателем метрах в двухстах от берега. – подойти ближе не позволили снежные заносы. Путники шли по насту, как по асфальту – настолько плотно был утрамбован ветрами снег.

Крутой берег, словно городской канал, облицованный полированными мраморными плитами зеленого цвета, был покрыт двухметровыми льдинами.

Облицованные льдами берега – свидетели бурных природных явлений – «битвы вьюги и воды». В начале сентября, когда река еще вовсю собирает последние воды осеннего ненастья из многочисленных рек своего бассейна и несет их спокойно к морю, ничего не подозревая, за

Полярным кругом навстречу ей уже дохнет снегом, закружит, запуржит, налетит с моря встречный северный ветер.

Он бьет в лоб, гребни волн в столкновении разлетаются в брызги и клочья пены. Морской прилив поднимает всю эту бурлящую массу до уровня высоких берегов и держит до отлива. За дело принимается его величество мороз. Он тихо, по-стариковски успокаивает разбушевавшуюся стихию, мохнатой лапой приглаживает кудри волн и покрывает их прозрачным панцирем.

Река успокоилась, легла в свое привычное русло. Море сняло осаду, откатило соленые воды. Над рекой нависла «стеклянная крыша». Под крышей пустота... Но, как известно, природа не терпит пустоты. День-другой и ледяная кровля обрушивается на спокойную гладь реки, оставляя на суше береговой припай. Громом небесным, треском и каким-то пещерным уханьем несется эхо подо льдами, вырываясь у береговых изломов. Гул от реки разносится далеко окрест, пугая все живое на своем пути, нарушая спокойствие засыпающей тундры.

Ледовые поля медленно, но упорно притираются друг к другу, в столкновении образуя торосы и расщелины. Мороз и на этот раз успокаивает всех. Вьюга, с мастерством классного отделочника-штукатура, затрет, заметет, замажет все щели и трещины снежными переметами. Река успокоится на долгие три четверти календарного года.

Путники нащупали подобие ступенек меж изломанных льдин и, почти на четвереньках, поднялись на берег. Парни обошли чум по кругу, пытаясь скрипом снега разбудить хозяев в столь ранний час. Наивные. Они не знали, что шум их «лунохода» был слышен на десятки километров, и свет, блуждающих по реке огней, давно был замечен хозяином.

Откинув нюк – низкие мягкие двери – незваные гости вошли в жилище аборигенов тундры. В центре круга шумит железная печь-буржуйка. Вскипевший чайник гремит в нетерпении крышкой. Хозяйка, бегло взглянув на вошедших, спокойно продолжает строгать мороженую рыбу. Стружки, закручиваясь, скатываются в тарелку. Керосиновая лампа освещает низкий столик и лица хозяев.

– Здравствуйте! – приветствует начальник экспедиции.

– Ань тарово, – отзывается, улыбаясь молодой ненец. – Давно ждем. Заблудились, однако. Раздевайтесь, грейтесь, чай пить будем.

Выслушал рассказ незадачливых путешественников, сочувственно покачал головой.

– От устья Яды, где чум мой стоит, совсем маленько осталось. Обойдете мыс у бухты Восход, а там и Находку увидите. Один день ходу. Колеса большие, быстро ехать будете.

Парни переглянулись: «Еще один день ехать?» Тракторист отлил в канистру солярки для лампы, рыбак завернул в мешок пяток крупных муксунов.

Тепло жилища, плотный завтрак, горячий чай и сутки без сна на морозе разморили парней. Хотелось откинуться на мягкие оленьи шкуры и забыться на несколько часов. Ненцы народ гостеприимный, простодушный и добрый, но не настолько, чтобы оставить в одиноко стоящем чуме трех незнакомых мужиков. Гости почувствовали тревогу хозяев и, со словами благодарности, покинули чум.

До бухты Восход добежали довольно быстро. Берег внезапно исчез. Догнать его, и идти по контуру было невозможно. Мешали высокие сугробы, полностью запечатавшие подходы. Пошли, как и прежде, у кромки заносов. Перед ними встал высокий мыс у выхода из бухты.

Издали увидели едва заметный парок. Это могла быть полынья или трещина во льдах.

Медленно, накатом приближается трактор к неизвестной преграде. Так и есть! Впереди двухметровой ширины расщелина.

– Еще этого нам не хватало! – плаксиво произнес тракторист, и крепко выругался. Собрались в кружок. Впечатление от темной, спокойно стоящей воды было магически завораживающе, пугало своей бездной. Расщелина, извиваясь длинной змеей, уходила далеко за горизонт. Вспомнили веселые искорки на гранях торосов. Это препятствие было страшнее.

– Река играет с нами. Подкидывает новые испытания. Проверяет на прочность, твердость характера, выносливость. В обход!.. Другого нет у нас пути – в дали у нас Находка! – пропел вдохновитель авантюры и направился в кабину.

– Послушай, тезка, ты от воды подальше держись, чтоб волокуша моя не съехала…

– Да, да, водила! Чтоб не получилось, как в песне: «Отряд не заметил потери бойца!»

Они во второй раз преодолевали расстояние равное тому, что было обозначено деревянной линейкой на карте.

Расщелина оказалась длиннее гряды торосов. Постепенно она сужалась, а трактор все дальше уходил от берега.

– Володя! Смотри! Слева от нас огонек! Это, наверное, стан рыбаков подледного лова! – Огонек размером со спичечную головку, превратился в кольцо. Что за чудо?

Тракторист сбросил скорость, примеряясь к ширине препятствия, соизмеряя ее с диаметром переднего, малого, колеса. Чувствовалась его нервозность и нетерпение. Наконец он не выдержал, и решил, как в прошлый раз, перескочить…

Колеса крепко засели меж острых краев льда. Они никак не реагировали на потуги вращения взад-вперед задних, лопоухих больших колес, скользящих по гладкому льду, разогревая его до появления пара. Измучился сам и перегрев движок до предела, тракторист, чертыхаясь, заглушил двигатель, отключил аккумулятор, слил воду из радиатора.

Бросив трактор, команда авантюристов отправилась пешком на огонек. Шли легко. Мешок с рыбой потеряли по дороге – плохо привязали за фаркоп.

Примораживало, неохотно тянула поземка. Пурга сделала легкую передышку. Ночью заметет, завертит, завьюжит и понесет снег со всей реки к заберегам. Почему-то в Заполярье пурга ночи любит. Добавляет им жути. А они и без того не больно веселые.

Водитель по-бабьи причитает:

– Новый трактор не дадут, да и нет его. Пошлют на разные работы, а то и под суд…

– В лагерь, пионервожатым, на лесоповал… в полосатых трусиках отправят, – добавил в тон плаксивому монологу редактор, злой на своенравного тракториста. – Ну, Володя, готовь

свою попку, разнесут тебе ее любимую в клочья.

– Три–четыре часа и будем на месте… Девяносто километров… Двое суток шарахались от берега к берегу…

– Звездолет твой, дорогой, слабо приспособлен для ледового экстрима… Надо было мне у буровиков АТЛ заказать. На нем и торосы бы преодолели, и через расщелину перепрыгнули.

– Бы, да бы, – продолжал ныть тракторист.

Очередной порыв ветра плотным кляпом запечатал ему рот, прервал диалог. Дальше шли молча.

Ночное небо вызвездело – жди мороза. На звездочки гляди, а варежки прижми к носу. Звезд было очень много. Ближе других ровно светились солидные, спелые звезды, а за ними мерцали, перемигивались, застенчиво прятались одна за другую мелкие, юные звездочки. И не было им конца и края, невозможно было их охватить взглядом – эти бессонные добрые спутники ночных кочевников.

– «Три мудреца в одном тазу пустились по морю в грозу. Прочнее был бы старый таз – длиннее был бы мой рассказ».

– Сам придумал?

– Нет, поэт сочинил, а я наизусть выучил. Бросил ты свой тазик с болтами среди моря обского… На чем обратно поедем?

Порыв ветра донес запах дыма. Это был не тот дым с выхлопными газами сгоревшей солярки. Это был запах жилья, тепла, уюта. Нет

ничего притягательнее и слаще дыма. Где дым – там огонь. Где огонь – там люди. Где люди – там жизнь.

Спасительный «маяк» в кромешной тьме то медленно таял, то вспыхивал вновь. Ночные путники, превозмогая усталость, невольно добавили шагу, боясь потерять ориентир. Они почти бежали на полусогнутых ногах, как бегают по скользкому льду.

Плотный ветер с моря, вкупе с крепким морозцем бессовестно прощупывал части тела. Парни плотнее нахлобучили шапки, подняли воротники, варежками защищали лица. Сколько времени и километров длился кросс, никто из них сказать не мог.

Постепенно во тьме стали вырисовываться два освещенных окна, затем выступил контур домика с антенной на крыше. А вот и спасительный огонь «маяка» – в закопченном ведре догорали тряпки, смоченные соляром.

Холодный пар, опережая гостей, прорвался в дом и нырнул в поддувало жарко натопленной печи.

– Ой, Володя, я тебя заждалась, – обрадовалась хозяйка связисту. Пока ночные гости раздевались, а хозяйка накрывала на стол, Володя вышел на связь с райцентром.

– Мужики нас потеряли, выслали нарты на поиски. Спрашивают: «Где вы блудили двое суток?»

– Ребята, ребята, как же вы отчаялись на

такую поездку? Счастье ваше, что не было пурги. Ни я бы не заметила ваши огни, ни вы – мой факел,- никак не могла успокоится наша спасительница, угощая голодных путешественников строганиной, спиртом, и горячей наваристой ухой с теплыми булочками.

Постоянное одиночество в заброшенном поселке среди бескрайних просторов тундры угнетало ее. Неисправная рация усугубляла положение. Она испытала чувства беспомощности и обреченности.

– Если бы не твой огонек в ночи, неизвестно, чем бы закончилась наша экспедиция...

– А я случайно выглянула в окно, – перебивает радистка, пытаясь скрыть смущение, – гляжу, кто-то катит прямо в море от берега. Сразу поняла – заблудились! Схватила тряпку, бросила в ведро, облила соляркой, подожгла и стала крутить в воздухе.

– Мы обратили внимание на огненное кольцо. Потом огонь то угасал, то вспыхивал вновь.

– Это я плескала в ведро солярку, когда она выгорала. Потом гляжу, огни повернули в мою сторону – значит, заметили мой «маяк». Обрадовалась и побежала растапливать печь и готовить завтрак для ранних гостей. Оглянулась, а огни погасли – сердце обмерло. Даже говорить не хочется, о чем я тогда подумала. Побежала опять на улицу, добавила тряпок и солярки. Долго что-то вы шли. Я вся испереживалась. Ну,

ложитесь отдыхать. Заговорила я вас тут, – задула лампу. Но еще долго никто не мог уснуть – перебирали в памяти события последних дней.

На рассвете к дому с лихим разворотом подкатили оленьи упряжки. На нартах привязана ремнями теплая одежда. Каюры-ненцы, круглые и неуклюжие в меховой одежде, прытко соскочили с нарт. Их капюшоны пышно обросли куржаком и только кругленькие раскосые глазки радостно поблескивали из куржака. Они были рады встрече. Вошли в дом. Сбросили малицы, и пили чай до седьмого пота. Володя–радист сообщил в райцентр, что все в порядке – нарты пришли в полном составе – в расчете на троих седоков.

Редактор отправился обследовать поселок.

Поздней осенью шестьдесят первого года колхозы были реорганизованы в совхозы. Поселку Бухта Находка был определен статус рыбоучастка Новопортовского рыбозавода. Председателя колхоза «Красный рыбак» Михаила Михайловича Шутя перевели в Се–Яху директором совхоза «Ямальский».

Михаил Шуть принадлежал к замечательной плеяде ямальских зооветспециалистов, осуществлявших связь традиционного оленеводства с научными предпосылками. Они вели большую разъяснительную работу в тундре, по крупицам собирали, обобщали и распространяли передовой опыт. Ямальское оленеводство было выведено ими на первое

место среди приполярных государств не только по величине стада, но и по научно обоснованным методам воспроизводства и сохранения молодняка.

Председатель отличался добросовестностью, прекрасными деловыми качествами, искренней добротой, невозмутимым и спокойным характером.

Осевшие было на несколько лет, кочевники тундры снялись с насиженных мест, сложили амгари на нарты, разобрали свои чумы, что стояли рядом с новенькими домиками. И потянулись по заснеженной тундре аргиши, за сотни километров, дальше на север, в Се-Яху, вслед за добрым и умным руководителем. Они были оленеводы, а не рыбаки.

Поселок опустел. Поселок умер. Никому не нужными оказались потемневшие от времени, но крепкие и просторные школа и клуб с библиотекой, молочная и зверофермы. Грустно белея свежим брусом, стояли новенькие одно– и двухквартирные дома – предмет особой заботы и гордости председателя. В каждой квартире две большие комнаты, удобная кухня с печью-камином. На колхозные средства квартиры были обставлены мебелью, жители обеспечены постельным бельем. И все это было брошено в одночасье без слез и сожаления.

Поселок-призрак стоял на высоком берегу бухты, продуваемый всеми ветрами. Дома занесены снегом по самые крыши. Вокруг ни единого следа.

Набросал на лист бумаги схему поселка, проставил на глазок размеры построек, редактор вернулся в гостеприимный дом. Его спутники были уже облачены в одежду тундровиков и с нетерпением ожидали, когда каюры закончат чаепитие.

Наступил на полоз нарты, чтоб она не откатилась под напором малицы, он плюхнулся спиной к каюру. Нарты вздрогнули, олени с места рванули рысью, ненец, направляя упряжку хореем в нужную ему сторону, немножко пробежал рядом и упал на нее бочком.

Снег вихрем взвился за нартами, поднялся облаком. Сквозь его пелену долго еще была видна одинокая фигура женщины.

P.S. Минуло три полярных ночи. Голубая мечта редактора воплотилась в жизнь. Здания были построены. Играла музыка, но он ее не слышал – был слишком далеко от Ямала. Он был нетерпелив.

---

* АТЛ – легкий артиллерийский тягач.

* Амгари – домашние вещи, имущество.

* Аргиш – олений обоз.

* Хорсй – длинный шест для управления упряжными оленями.

Морской волк

Река

В начале июля Река отдала океану свои последние льды. И тотчас открылась северная навигация. На рейде Нового Порта бросила якорь эскадра сейнеров Мурманской базы морлова. Хозяева приняли гостей без особого восторга. С невеликой охотой шли на Реку и морские капитаны.

– Нет! Вы только подумайте! Нас, бороздивших воды Атлантики и северных морей, посылают рыбачить на какую-то речку! – возмущались «морские волки». А их желания никто и не спрашивал: приказ в руки, якорь к борту и … вперед!

Возмущались и местные власти: «Какой «умник» придумал морскими тралами бороздить дно реки? Они же все перебаламутят, подорвут кормовую базу осетровых. Что у них там, в Москве, балык исчез из кремлевских буфетов?» Но было поздно. Телеграмма пришла, когда корабли были уже в пути. Возмущались все. Изменить же ситуацию были не в силах. И тогда вступила на защиту своих прав Река.

… Тысячу четыреста сорок притоков приняла она в свое русло. Тихо и плавно, с достоинством истинной сибирячки, осторожно, чтобы не расплескать, несет она свои воды к самому соленому и студеному морю. Подойдя к Ямалу, расходится, как в хороводе, на рукава: Обь

Горная, Обь Надымская, Обь Хаманельская, Обь Зырянская… И сходятся сестры в единый поток, образуя Обское море. На восемьдесят километров разлилось оно вширь, омывая Тазовский, Гыданский и Ямальский полуострова.

По тихой глади бегут «ОМики» и «МОшки», оставляя за собой пенный шлейф, скользят над водой кокетливые «Ракеты», важно и гордо проходят пассажирские дизель-электроходы. Идут вслед за льдами на север переполненные, обратно - полупустые. Люди спешат осваивать газовые месторождения.

Вслед за ними сухогрузые караваны барж. Кирпич, цемент, блоки домов, стекло, мебель, арматура – плывут караванами новые города и поселки Заполярья.

Вот караван барж, груженый трубами большого диаметра. Они уложены поперек барж в огромные высокие треугольники. Пронзенные вечерней зарей, они похожи на гигантские пчелиные соты, истекающие янтарным медом.

На Север! На Север! Скорее на Север! Плывут днем и ночью. Река не спит. От льдов до новых льдов – сплошной рабочий день. Река-труженица! Река-работяга!

Море

Смотрят мурманские рыбаки и диву даются: «Вот это навигация! Нигде не приходилось видеть ничего подобного! Как же нам ходить здесь с тралами при таком-то движении судов?

А река – хороша! Тихая, спокойная, не то, что наше Баренцево море».

Два дня ушло на оформление документов и прочие формальности. На третий день вышли в море. Ничто не предвещало неприятностей. Капитан - директор с флагманского корабля выслушал рапорты капитанов флотилии, постоял недолго в рубке.

– Пойдем, корреспондент, ко мне в каюту. Там и поговорим. Здесь ничего интересного не предвидится.

– Я хотел посмотреть, как будут поднимать трал.

– Это еще нескоро. Нас позовут.

Каюта капитана расположена в носовой части судна. На переборке у входа в рамке под стеклом групповая фотография команды военных лет. Юные морячки смотрят из далекого прошлого.

– Нашел меня? И не найдешь. Я сам себя не узнаю.

Трудно узнать в почти мальчишке в лихо заломленной бескозырке старого седого капитана.

– Это сейчас наши корабли «рыбаки-сейнеры», а в войну они были «морскими охотниками».

– И наши «Ярославцы», что почту развозят по округу, тоже были «морскими охотниками». И у них я видел такие же фотографии военных лет.

– Вот спишут наши посудины в металлолом, нас, старых капитанов, – на берег. Сдадим мы свою «память в рамочках» в музей пароходства, и некому будет рассказать, кто есть кто на этих фотографиях… Что-то грустный разговор у нас получается. Разбередил ты мне душу. Я уже давно не замечаю сей групповой портрет «команды молодости нашей». Примелькался. Давай выпьем понемногу и переведем пластинку на день сегодняшний.

– Товарищ капитан! Вам радиограмма! «Штормовое предупреждение!» – докладывает с порога вахтенный матрос.

– Чего испугался? На реке штормов не бывает. Это тебе не море. Иди.

Мы выпили. Стаканы пошли скользить по столику: вправо-влево, вперед-назад…

– Что за чертовщина? Какая-то необычная качка.

Мы поднялись в рулевую рубку. Черные, клочковатые тучи заволокли все небо и низко висели над водой. На радиомачтах зажглись сигнальные огни. Заморосил мелкий, нудный дождь.

– Не трусь! – по-свойски хлопает по плечу капитан. – Дождь – пыль для моряка! - Он молча отстранил рулевого матроса, взял штурвал. Судно раскачивает уже основательно. Волны бьют в корму, набегают слева и справа. Судно не слушается руля, не подчиняется штурвалу.

– Отдать якорь! Поднять трал!

Загремели лебедки трала. Беззвучно ушел ко дну якорь. Корабль, как цепной пес, мечется вокруг якорной цепи. Капитан передал штурвал рулевому и поспешил на корму, где рыбаки поднимали трал. Громадный кошель морской сети мотало волной, словно тряпку. Трос соскочил с барабана лебедки.

И тут раздался такой раскатистый, с переливами заборный мат, какого мне не приходилось слышать ни до, ни после. Не вникая в смысл слов, я восхищался самой тирадой. Это была музыка. Барабанная дробь в исполнении какого-нибудь латиноамериканского ударника, выходца из Южной Африки. Под эту «музыку» мигом все поправлялось, налаживалось, горело, свистело и правилось. Бодрела и «умнела» команда, распутывались все узлы, и насморк не мучил матросов.

… Много позже, на берегу, бывалый речник рассказал мне, по случаю, историю своего боцмана, самородка, виртуоза, кладезя в смысле «богов с боженятами». Всего-то два слова команды отдать, а как подступит, какую преамбулу подведет – увертюра и только!

Профсоюз постановил штрафовать его за каждое нецензурное слово на рубль. В первую же вахту он спустил две получки. Во вторую – достигло на полнавигации. В третью – боцман перехитрил профсоюз. Прежде, чем дать команду, он выделывал вольные упражнения губами, и уж после того к нему возвращался дар речи.

– Отдать концы! – плаксиво и обиженно, общипанно и остриженно произносил он бескрылую куцую команду.

...Шторм разыгрался не на шутку. Свирепый северный ветер гнал соленую волну Карского моря на сотни километров против течения. Река сопротивлялась и нижним течением сбрасывала свои воды. Громадные волны бились о восточный берег и рикошетом возвращались в море. Навстречу им катились волны от западного берега. Они бросались друг другу в объятия, поднимая клочья пены, кружились в диком танце. Мощная северная волна настигала их, поднимала еще выше и крутила в обратном направлении. Буря смешала море с небом.

Ночью вахты несут капитаны.

– Это какое-то ненормальное море, – как бы оправдывается кэп.-На порядочном море волна катит с одной стороны. Ставишь корабль навстречу и держи крепче штурвал. Бывает качка килевая, бортовая, а тут какая-то вертухальная, - продолжает он возмущаться.

– Обь-Матушка, разгулялась...

– Не матушка, а мать ее... - сверкнув глазами, он опять залился такой «соловьиной трелью»...

Я слушал его и удивлялся – ни одного повторенного слова! Вот это поэт-импровизатор!

Наше судно медленно подняло вверх и резко шлепнуло о воду. Кэп выпустил штурвал и обеими руками зажал рот.

«Уходи, быстрей уходи!» – машет рукой, другой с трудом сдерживая раздувшиеся щеки. Я понимаю – «морской волк» не хочет показать свою слабость. Его сильно тошнит. Он чувствует себя чем-то вроде искупанной курицы…

– Я легко переносил штормы во многих морях и океанах. И никогда ничего со мной не случалось… А здесь… Где? На реке! Меня уболтало как последнего салажонка, – возмущался он утром, после вахты. Лежал он в своей каюте на животе, как и положено во время качки. Бледный. Скулы резко обострились. «Да, кэп, это, наверное, твоя последняя путина»… Шторм продолжался еще сутки. Капитан-директор лежал в своей каюте пластом.

… Не желала Река отдавать свое сокровище царь-рыбу – осетра. Вздыбила она главную волну в извечно спокойном течении своем. Гнала, пугала непрошеных гостей. Вся природа воспротивилась…

Ты прости, капитан. Тридцать лет я держал данное тебе слово. И сегодня я не называю твоего имени, хотя отлично помню и фамилию, и отчество. Ты воевал, жил и трудился не ради блестящих пуговиц на мундире. Не твоя вина, что путина на Оби не состоялась…

Семь футов тебе под килем!

Злой дух Нга

Панельно-щелевой барак по самые окна занесен снегом. Его промерзшие насквозь стены помнят еще первых переселенцев. В комнате, где живут мои герои – печь с плитой, простой стол с двумя, разных эпох и стилей, табуретами; у стен – две солдатские койки с клочковатыми ватными матрацами. И последнее из мебели – полочка в Красном углу. На ней стоит одинокая, размером со стакан, темная статуэтка – единственный предмет, на котором может остановиться взгляд человека, впервые попавшего в холостяцкую обитель.

Взял в руки, повертел, поставил на место.

– Да, мужики, живете вы, как монахи-отшельники. Никаких признаков современной цивилизации. Из электробытовой техники – электроплитка да электролампочка. Печь-то что ж вы не топите?

– Дров с осени не запасли, а соседи свои дровянники на замок запирают.

– Такие муки быта способны переносить только святые!

– Святые мы и есть, - смиренно подтверждает Юра Зимин, с особой тщательностью нарезая колбасу.

– Послушайте, святоши! В таком случае в переднем углу кельи вашей должна быть икона святого угодника или, на худой конец, портрет генсека.

– Не можем мы внять совету твоему, - ответствует Юра Петрачук, пытаясь разлить поллитра водки в два стакана на троих. – Потому как святых угодников большевики разогнали… Хотели принять на веру коммунистов – молитвы у них больно длинные, на шесть страниц «Правды». Запоминать трудно…

– Язычники мы, – признается Юра Зимин. – Наш Бог – Нга! Злой дух ямальской тундры.

– Кто такой? Почему не знаю?

– А ты, гость дорогой, нашего боженьку не тронь. Ни словом бранным, ни руками, – вежливо, но твердо просит Юра Зимин и кладет на выпяченную нижнюю губу деревянного идола маленький кусочек колбасы.

– Погоди, – опережает его Юра Петрачук, - он еще водочки не пригубил, а ты ему закусить предлагаешь – обидеться может, – и сливает из своего стакана струйку водки.

– Вот сейчас и мы можем приступить к трапезе.

– За наш удачный день! Нас сегодня редактор простила…

И друзья-журналисты поведали мне полумистическую - полудетективную историю. В прошлый понедельник, после двух дней холостяцких выходных, явились они на планерку с большим опозданием. Задние стулья, где можно было спрятаться за широкие спины коллег, были заняты. И Юрики на цыпочках, полусогнувшись, вынуждены были сесть на

первый ряд – пред самые очи строгого редактора.

– Ну и вид у вас, товарищи! А дух-то какой! Фу! Идите умойтесь и немедленно обратно.

Одним словом, «разбор полетов» был не в их пользу. Промаявшись до конца рабочего дня, друзья по пути «отоварились» в магазине и поспешили домой. Не раздеваясь, нещадно выпороли ремнем «злого духа», поставили его лицом в угол. Выпили, закусили и отправились…

Куда? Ясное дело, куда могут отправиться холостяки… Правильно! По бабам. Там и ужин горячий, и постель теплая…

Поздним вечером того же дня два синих мотоцикла одновременно въехали в ворота милиции. В колясках сидело по Юрику!

Составили протокол. Отпустили.

Идут горемыки нетвердой походкой по ночному городу, клянут жизнь свою и женщин, что сдали их милиции. «Не нравится им, видите ли, что пьяными в гости приходим. А мы что, пьяными были? Всего-то одну бутылку на двоих «раздавили». Жалеют себя, чуть ли не плача.

– Юра, тебя откуда привезли?

– С Мыса.

– А меня от речпорта. Это же противоположные окраины города, – начал понемногу соображать Зимин. – А приехали мы одновременно. Странно…

– А может быть, не бабы виноваты?

– А кто?

– Злой дух Нга! Напрасно мы его так обидели.

Дома друзья свершили ритуал покаяния. Слили последние капли водки из пустой бутылки, положили засохшие крошки хлеба: «Извини, чем богаты…» И улеглись спать.

… Утром подскочили чуть свет. В холодной постели долго не понежишься. Почистили зубы, побрились, выпили по стакану чая, принесли со стола жертву идолу и со свежей головой и громадными замыслами прибыли в редакцию.

В тот день Юра Зимин положил редактору на стол прекрасный очерк-сказ о передовиках оленеводства. Юра Петрачук – ответственный секретарь редакции – превзошел сам себя. Смакетировал, оформил номер газеты рисованными заставками и заголовками, украсил иллюстрациями и фотографиями.

Редактор вечером вместо похвалы сказала:

– Женить вас надо срочно! Пропадете ни за грош!

– Не погуби, матушка-заступница! – взмолились Юрики и пали пред ней на колени.

-Любую кару небесную снесем, только не жени!

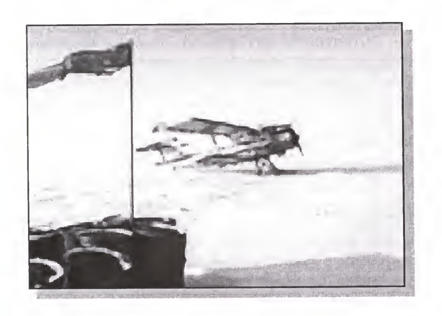
– А ну вас! – засмеялась редактор под общий хохот сотрудников и вышла.

– Простила.

– Пронесло.

– А боженьку-то придется сдать в музей… Не ровен час – согрешим невольно – опять накажет.

И сдали.

Заштопанный самолет

Третий день с «командировкой» в кармане названиваю в аэропорт. Нелетная погода... Дни идут короткие, будто испуганные. Ненадолго покажется краешек солнца, полежит на снегу, как тлеющий уголек, и погаснет. Летного времени только пять часов.

В полдень послышался гул самолета. Со всех концов села бегут пассажиры, еще не зная, куда летит этот «борт» и сядет ли он здесь, а может быть, пролетит мимо на запасной аэродром.

Те, что вышли из аэропорта, гордясь своей

осведомленностью, докладывают: «Идет самолет рейсом в Мыс Каменный через Новый Порт». Мой рейс!

«Аннушка», для порядка, делает небольшой круг над летным полем, как это может только АН-2, и идет на снижение. Только заскользили ее лыжи по снежному насту, как сильный порыв бокового ветра понес ее в бок, на правый край полосы, прямо в прибрежный кустарник. От удара правым крылом самолет развернуло, и он со звонким хрустом стал винтом молотить кусты.

Пилот выключил двигатель. Стихло. Первым выскочил штурман, за ним, прыгая прямо в снег, высыпали напуганные пассажиры и – бегом в аэропорт. Штурман обошел машину. Внимательно осмотрел винт, крылья и махнул рукой, призывая зевак и пассажиров на помощь.

Во главе с начальником порта толпа бросилась к самолету. Вытолкнули его на взлетно-посадочную полосу, развернули вдоль.

– Где у вас аптека? – спрашивает штурман.

– Пойдемте, я покажу, - отозвался из толпы мальчишка. Они быстро вернулись. Пилоты развернули коробочку лейкопластыря и заклеили прорванное крыло.

– Объявляй посадку! – скомандовал командир начальнику аэропорта. Недоверчиво подхожу к заштопанному крылу. На нем белела свежая заплатка. А под зеленой краской – еще не менее пяти и размером поболее свежей! Это успокоило, и я вошел в самолет.

Короткий разбег, «Аннушка» подпрыгивает,

начинает набирать высоту. Сделала круг и легла на курс. Внизу толпа еще долго не расходилась, переживая за пассажиров заштопанного самолета.

Салон, до отказа заполненный посылочными ящиками, коробками и бумажными мешками с почтой, явно не был рассчитан на дополнительный живой груз. Вдоль борта – откидные металлические кресла. Салон не обогревается. Без внутренней утепленной обшивки.

Сильный боковой ветер толкает старушку «Аннушку» в бок. Она, что есть сил, сопротивляется и гребет винтами назначенным курсом. Кажется, она преодолевает не мирное воздушное пространство, а мечется между разрывами зенитных снарядов. Одним словом, болтает основательно.

Пассажиры изредка перекидываются ничего не значащими словами и потихоньку... замерзают. Две девчушки-студентки из Салехарда летят домой в Новый Порт. Съежились, нахохлились как воробушки зимой. Руки в рукава спрятали. Посмотрел на них бравый буровик в полушубке, унтах, меховых рукавицах, да как гаркнет:

– Командир! Тут две птахи «засыхают»! Растопил бы «буржуйку»!

Все вздрогнули и заулыбались. Командир открыл дверку кабины. Из нее потянуло теплом.

Самолет накренился на левый борт, сделал круг и пошел на посадку.

Праздник

В этот год весна была ранняя. Снег как-то незаметно исчез, обнажив светло-серые ягельники, но зелень еще не проступила. Сверху видны широкие белые колеи – следы тракторных трасс. Они так утоптаны тяжелой техникой, что исчезнут только недели через две-три.

Зимние запасы в магазинах заканчиваются. Спецрейсы малой авиации проблемы не решают. Приближается Международный праздник трудящихся «всего мира» – 1 Мая. В магазине нет не то что водки, даже спирта.

В эскадрильи идет тихий ропот: как быть? Разведка доложила: на фактории Порц-Яха есть спирт. Оленеводческие бригады отоварились всем необходимым в райцентре и прошли на север, минуя эту факторию.

– А не послать ни нам гонца? – заговорщески тихо был брошен клич в среде страждущих летунов. Собрали деньги, подготовили машину и снарядили двух самых отчаянных парней с правом выбора посадки. От Мыса Каменного на юг до Порц-Яха километров 400-500. А по воздуху и того меньше. Это для Ямала – не расстояние.

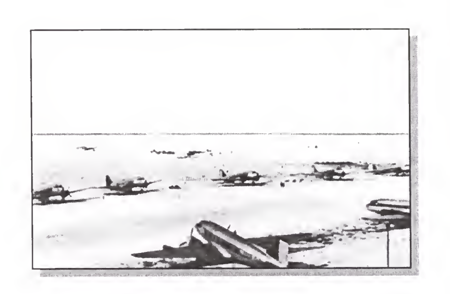
Подлетают к пункту назначения… Снега вокруг нет. На Мысе он лежит еще толстым слоем, а здесь, на юге полуострова, уже растаял. Лишь в тени домов и чумов посреди улицы остались

жидкие полоски снега длиной метров пятьдесят.

После второго круга друзья, рискуя машиной и собственной жизнью, решили садиться. На самых низких оборотах двигателя плюхнулись в начале тракторной колеи. Оставшаяся часть – для взлета. Быстро загрузили ящики со спиртом, дали инструктаж местным мужикам-зевакам:

– Мужики! Держите самолет за хвост, пока я не махну рукой, - скомандовал молодой командир. Мужики, прибежавшие из домов и чумов посмотреть на самолет, что едва не снес крыши их домов, вцепились в хвост дрожащей в натуге машины, и, по команде отпустили, когда «Аннушка» набрала полные обороты. Она взмыла ввысь почти с места. Помахала в благодарность крылышками и растворилась в облаках.

... Маленький городок летчиков гудел. Хриплый голос Володи Высоцкого заглушал доверительно-задушевный – Булата Окуджавы. Пилоты были спасены от «засухи» – они праздновали 1 Мая.

Фуражка

Заполярный аэродром. Поодаль, слева от взлетно-посадочной полосы стоят в ряд три самолета Ли-2 и два – Ан-2. Пристегнутые к земле стальными растяжками за крылья и хвосты стоят раскрашенные, как деревенские петухи. Гребень и нос – красные, хвост – красный, крылья – тоже красные. Красный фосфорес-цирующий цвет контура самолета виден за десятки метров даже в самую лютую пургу. Это резерв арктической авиации. В свое время они возили грузы в Арктику, снабжая полярные экспедиции «Северный полюс».

Справа на аэродроме также рядами, как распятые, пристегнутые от шального ветра самолеты-трудяги: серые Ли-2 и зеленые

«Аннушки». Зовут их столь нежно за кроткий нрав, трудолюбие, выносливость, неприхотливость и, главное, за верность хозяину. Даже бездыханная, с заглохшим мотором, она спланирует и все равно мягко приземлится…

Сегодня опять – уже третий день – нелетная погода. За окнами куролесит пурга. Небольшой зал столовой забит до отказа. Она занимает половину первого этажа двенадцатиквартирного брусового дома. Сверху – наземные службы аэродрома. Левая часть дома – гостиница пилотов.

Любители поспать отоспались за двое суток. После завтрака не ушли в свои комнаты, остались здесь: кто сыграть в преферанс, а кто послушать анекдоты и байки – фольклор северных пилотов.

– Иван Макарыч, расскажи молодняку, как ты фуражку приморозил, – пристает один из технарей к командиру звена Ан-2. Уж очень хочется ему потешить молодых летунов, только что прибывших на Север после училища.

Иван Макарыч отложил карты, осмотрел зал. Заметил новичков. Они сидят за одним столиком в дальнем углу зала в новой форме, при галстуках, в фуражках с блестящими крылышками. Молча прислушиваются, приглядываются к бывалым северным асам.

– А ну, картежники, освободите стол. Идите, ребятки, сюда, - пригласил он по-отцовски мягко.

– Проведем теоретические занятия.

Бывалые, не отрываясь от карт,

усмехнулись, а новички несмело подходят и садятся к столу.

– А дело было так, – начал рассказ Иван Макарович. – Года три назад прибыли к нам в эскадрилью по направлению, так же, как и вы, после училища молодые пилоты. Меня определили к ним наставником. Занимаюсь я с ними по полной программе. Аэродромные тренировки: взлет – посадка, взлет – посадка. Не получается у некоторых. В училище получалось, а здесь нет! Все дело в том, что в училище самолеты на колесах, а на Севере в «лапоточках», то бишь на лыжах. Широкая и гладкая тундра зимой – в любом месте на лыжах сесть можно, а вот для колес аэродромов на Севере еще пока не настроили. Да и летать вам, братцы мои, придется в такие места, где аэродромы и строить никогда не будут: к рыбакам в море на подледный лов, в стойбища к оленеводам и охотникам. Но это еще не скоро. Два-три годика полетаете вторыми пилотами, а там, в зависимости от таланта и упорства, станете командирами.

–Ты им про фуражку, про фуражку расскажи, – не унимается старый технарь.

– А я про что? Про фуражку и рассказываю, – невозмутимо продолжает свой рассказ наставник. – Не получается у одного парня посадить самолет между вешками – то вправо уйдет, то влево. Измучился весь, вспотел, психовать начал. Ладно, говорю, при очередной посадке, – вот кладу на полосу свою фуражку, прокатишься по

ней одной лыжей – зачет приму. Трижды сажал он самолет и все мимо…

– Макарыч, ты иди покури, остальное я расскажу,– опять вмешался в разговор технарь. Иван Макарович надел висящую на стуле меховую куртку и вышел в тамбур перекурить.

– Да, мужики, повезло вам на инструктора! Вот такой мужик! – и он поднял большой палец. – Его парадный китель не поднять – весь в орденах и медалях. Сколько раз он летал на выручку разных искателей приключений в Карское море, бывал и на льдинах экспедиций «С.П.». Да и здесь в зале – половина прошла через его кабину.

– Все это хорошо, а фуражка-то при чем? – нетерпеливо спросил один из молодых.

– Ах, да, фуражка… Так вот выходит молодой из самолета – от него пар столбом валит – и ворчит: «В училище взлет – посадка, взлет – посадка и здесь то же самое. Сам бы попробовал на фуражку сесть». Следом за ним, заглушив двигатель, выходит Макарыч. Он как будто слышал ворчание молодого пилота, говорит ему: «Раззадорил ты меня, парень. Вот что. Я сейчас подниму машину в воздух, а ты клади свою фуражку прямо здесь на краю полосы». Молодежь поддержала озорную затею.

Ан-2 взмыл в небо. С первого же захода сел лыжей на фуражку и остановился как вкопанный.

– Вот это да! Вот это класс! - восторженно закричали новички и бросились под затихший

самолет, посмотреть, может быть, хоть козырек видно? Нет. Фуражки не было. Она вся под лыжей. Макарыч выдержал паузу – пусть успокоятся. Вышел, снял свою и надел на голову молодому.

– Ты уж извини, сынок, так получилось…

Улыбнулся и пошел с летного поля.

Золотая рыбка

Как стрекозы теплыми вечерами над тихим прудом, летают «Аннушки» в холодном северном небе Заполярья. Для них не существует проблем посадки – заснеженная ровная тундра – сплошной аэродром. Первоклассные пилоты с правом подбора площадки посадят самолет и на стойбище оленеводов, и на окраине фактории, и на льду Обского моря у рыбаков.

Лихие парни подобрались в полярной эскадрильи Мыса Каменного. Иначе и быть не может – Север в ускоренном темпе проверяет людей на прочность. Слабаки отсеиваются на первом году.

– Командир, надоело, смотрю, ребятам оленина. Нос воротят. Послал бы самолет за рыбкой. Вон, недалеко стоят рыбаки – каких-то пятьдесят километров, – просит заведующий столовой.

– Ладно! Будет тебе завтра рыба, – обещает комэска.

Сказано – сделано. Утром Ан-2 вылетает в море к рыбакам. Сели. Идут в балок. Лед зеркальный и гладкий как стекло – снегу не за что зацепиться. И гонит его ветер на десятки километров к побережью.

– Вот где авторалли «Формула-1» проводить! – восхищается второй пилот, разгоняется и катится по льду, как мальчишка по замерзшей луже.

– Будет тебе авторалли, если ветер усилится – самолет не догонишь, – оглядывается командир.

Добродушные ездовые собаки молча вместе с рыбаками вышли на гул самолета. Посмотрели и свернулись мохнатыми клубками на снегу у рыбацкой избушки, засунув под хвосты черные теплые морды.

– Заходи, командир. Чайком побалуемся. А самолет твой сейчас быстро ребята загрузят. Привычное дело.

Квадратный домик без окон. Вдоль стен широкие лавки в два яруса – место отдыха рыбаков. Посередине большой стол. На нем десятилинейная керосиновая лампа. Со стороны дверей пристройка для упряжки собак, рыболовного инвентаря и нарты.

– А почему на вашем домике нету крыши? – спрашивает молодой пилот.

- Она нам как-то без надобности,- лукаво улыбаясь, объясняет бригадир. - Дождей у нас зимой на подледном лове не бывает. Видишь, четыре стены, пол и потолок – все одного размера. Крепится болтами. Почувствуем, что лед под домиком трещать начинает – не выдерживает тяжести нашей да снега, облепившего его со всех сторон, – парни гаечные ключи в руки – четверть часа и домик разобран. Одни сугробы на том месте остаются. А мы на новое место.

– Командир! Самолет уносит в море, к

широкой расщелине! – кричит с порога рыбак. Все выскакивают из балка и бегут вдогонку за самолетом. Перепуганные собаки с лаем мчатся вслед.

«Аннушка», подхваченная сильным порывистым ветром под крылья , медленно, потом быстрее и быстрее, как-то боком, покорно, не сопротивляясь, катилась вдаль, прямо к своей погибели – широкой расщелине во льдах. Вот одна лыжа соскользнула в воду, крыло, ударившись, легло на лед. Новый порыв ветра – и вторая лыжа плюхнулась в воду.

Все остановились в растерянности. Молча глядят на распластанный на льду самолет.

– Лапки моет, – не удержался от шутки остряк. И тут же умолк, наткнувшись на колючие взгляды друзей.

– Лапки-то надо быстрей вынимать, а то и замерзнуть могут, – нарушил молчание бригадир. – Неровен час, повернет ветер с обратной стороны – сойдутся льды…

Командир молча, цепляясь за растяжки крыльев, забирается в кабину. Включил рацию. Доложил диспетчеру обстановку. «Жди! Вылетаем на помощь!» – отозвался диспетчер через небольшую паузу.

Подавленные случившимся, отворачиваясь от пронизывающего ветра, все спешат укрыться за стенами балка. Командир в кабине на связи… Долгим и утомительным кажется ожидание. Второй пилот поминутно выскакивает на мороз,

принимая вой ветра за гул далекого самолета. Но вот со стороны запада показалась маленькая точка. Курсом на море. К нам летит на выручку!

Ан-2 сделал пару кругов и сел с подветренной стороны расщелины. Прилетел командир звена – старый опытный полярник.

– Как же это тебя, старушка, угораздило? – похлопывая по крылу и оценивая обстановку, говорит он в раздумье.

– И на старуху бывает проруха, – тут же вставил свое словцо любитель прибауток.

Пилоты знали свое дело. Они подложили под приподнятое рыбаками крыло большой брезентовый мешок. То же самое – под второе крыло. Резко затрещал компрессор, мешки наполняясь воздухом, подняли самолет. И вот уже видны мокрые «лапки». Они выше уровня льда. Рыбаки подкладывают под них четыре бруса и боком стаскивают самолет на лед…

… Грузить рыбкой пришлось оба «борта» – не лететь же пилоту-инструктору порожняком.

… Обская сельдь – ряпушка – на долгое время заняла почетное место в меню пилотов. Маринованной ее подавали вместо салата, уха из ряпушки шла первым блюдом, ряпушка жареная – на второе. Несет свой поднос с обедом очередной юморист – обязательно остановится, поклонится и елейным голосом: «Спасибо тебе, друг, за рыбку золотую. Как здоровье твоей «Аннушки»? Не кашляет? Лапки-то небось сильно застудила?»

– Да пошел ты!.. – не зло огрызнется командир «надводного корабля» под общий хохот. Долго еще ребята донимали его, пока ряпушка в столовой не кончилась.

P.S. Между прочим, вся рыба комиссионно была принята, взвешена, оприходована столовой и оплачена Новопортовскому рыбзаводу.

С.В.Тадыко посвящается

Дальний поход

Однажды я решил отдохнуть в степной части Крыма. Поселился у прекрасной бабули. У нее в то время жил внук — моряк Черноморского флота, этим летом уволенный в запас. Теплыми летними вечерами он рассказывал мне матросские байки.

Мы вели праздную жизнь отпускников-дикарей. Мне, отказавшемуся от санаторно-курортной путевки, нравилось свободное расписание отдыха, не втиснутого в жесткие рамки распорядка дня санатория. Внук хозяйки постепенно отходил от строгой корабельной службы. Спал до полудня, пока яркие лучи солнца да ароматные запахи кухни не поднимали его с постели. После обеда мы ехали на электричке к морю, в Евпаторию. Вечером плотный ужин с домашним вином и длинные, заполночь, беседы.

Военная бабушка

Наблюдая и любуясь своей хозяйкой, я все больше проникался к ней глубоким уважением. Прямая, высокая, с твердым взглядом и чуть подернутым мелкой вуалью морщинок лицом, с чувством собственного достоинства, она выражала всем своим волевым видом

независимость человека, живущего своим трудом. Ее двор всегда был полон всякой живностью: куры, утки, поросенок, но каждому было отведено свое место и асфальтовая дорожка от дома до летней кухни всегда была чистой и поливалась из шланга по утрам больше для того, чтобы поднять влажность в жаркий день.

– Какая у тебя тихая и спокойная бабуля! – не выдержал я однажды, чтобы не выплеснуть свои чувства. – Лишнего слова не вымолвит, не лезет с расспросами, как обычно, старухи…

– Это моя-то бабуля «тихая, спокойная»?! – он возмутился, подскочив со стула с какой-то ироничной улыбкой. – Да знал бы ты, что она за три часа прорвала тройную оборону Севастополя! Поставила на уши замполита бригады военных кораблей и моего командира. А на вооружении у нее было всего лишь две корзины пирожков с фруктовым вареньем, орехи грецкие да две бутылки с «зажигательной смесью» – самогона! Это сейчас она тихая и спокойная, потому что внук дома… А тогда…

Он закурил, успокоился, а я с нетерпением ждал продолжения его рассказа. Начал он издалека, видимо, подводя слушателя к причинам, двинувшим бабулю на штурм Севастополя.

– Попал я на флот осенним призывом. Двое суток на сборном пункте в Симферополе, потом всех новобранцев отправили в экипаж в Севастополь на дополнительную медкомиссию.

Распределили по флотам: Балтийский, Северный, Тихоокеанский. Меня оставили здесь, вблизи от дома, на Черноморском. Два месяца учебы на Береговой базе, присяга и в числе двадцати человек направили на боевой корабль. Вскоре мы вышли в малую кругосветку вокруг Европы через Балтийское море в Польшу. В Севастополь вернулись через три месяца. И только тогда я написал первое письмо своей бабуле..., – закончил он грустно рассказ с чувством запоздалого раскаяния.

Бабуля, как рассказывала при встрече, обливаясь слезами, каждый день заглядывала в почтовый ящик, вздыхала и плакала по ночам в полном неведении, где ее любимый внук, что с ним. «Ну и выдеру я его при первой же встрече, как бывало в детстве, не посмотрю, что большой вымахал да в армии служит», - успокаивала себя бабушка. А увидела на палубе боевого корабля в форме матроса – бросилась в объятия, принялась целовать, разглядывать меня, тихо всхлипывая на моем бравом плече, сразу как-то обмякла, ссутулилась, постарела. Я впервые увидел у нее седые волосы.

– Постой, постой! Ты пропустил самое главное – штурм Севастополя!

– Погоди, не гони волну, – охладил меня рассказчик, расчувствовавшийся от своего повествования, и надолго замолчал.

– Получив письмо, бабуля с радостной вестью бросилась к соседям: «Внук нашелся!»

И тут принялась собирать гостинцы. Напекла пирожков, насыпала грецких орехов, благо в саду два громадных дерева, фруктов, разных компотов. Подумала немного и положила на дно бутылку самогона для капитана. Села довольная, успокоилась. «Так это что же одному внуку? А кругом будут стоять такие же сиротины, смотреть и облизываться?» – взяла вторую корзину и ее укомплектовала. Взяла бы и третью, да рук не хватило…

Утренней электричкой бабуля ехала в Севастополь! Приграничный, закрытый, режимный город-порт, база военно-морского флота СССР, был недосягаем посторонним гражданам. На станции Гурзуф пограничники останавливали все поезда и проверяли документы. Пассажиров без пропусков высаживали и встречными поездами отправляли обратно. Подошли они и к бабушке с корзинами.

– Куда, к кому, зачем едете, ваши документы? – стандартные вопросы вежливых пограничников.

– К внуку, в Севастополь. Он там на корабле служит. Вот письмо вчера прислал. Всего три дня стоять будут, потом опять надолго уплывут…

– Бабушка, пропуск нужен, а у вас его нет. Придется выходить из вагона и ехать обратно.

– Да вы что, сынки?! Хоть стреляйте – не выйду!

– Тогда мы вынуждены забрать ваш паспорт.

– Да забирайте, мне его домой принесут!

Взволнованная неприятным разговором, но довольная, что преодолела первый барьер, она приближалась к городу, в котором никогда не бывала, хотя и жила в ста километрах от него.

Сейчас, когда она целеустремленно приближалась к встрече с любимым внуком, выплакав море слез и поседевшая от переживаний, готова была штурмом брать любые бюрократические преграды. Они ей еще предстояли впереди.

...Севастополь встретил ее хорошей погодой. Солнце было уже высоко в бирюзовой выси безоблачного неба.

Оно заливало ярким блеском зеркальные, совсем спокойные бухты, далеко врезавшиеся в берега, и стоявшие на рейде многочисленные военные корабли Черноморского флота, и красавец Севастополь, поднимавшийся над морем в виде амфитеатра и сверкающий своими фортами и домами среди зеленых садов и бульваров.

– У меня и в мыслях не было, чтобы бабулю пригласить в Севастополь, – оправдывался передо мной любимый бабушкин внук. – И зачем тогда я написал ей, что стоим на пристани Угольной и номер своего корабля? – задавал он сейчас себе вопрос. – В таком случае я должен был выслать ей вызов. Она, видимо, приняла мое письмо за приглашение...

Выяснила бабуля у прохожих, где та

пристань. Пришла. А там КПП (контрольно-пропускной пункт)…

– Документы предъявите, бабушка, вызов, пропуск, паспорт, – вежливо объясняет дежурный офицер. Отошла бабуля, поставила корзины на землю… Нет, не заплакала, стала обдумывать ситуацию…

Выходит на площадь пожилой офицер, замполит нашей бригады кораблей, собирает публику вокруг себя и начинает рассказывать, что он сделает для жителей родного города, если они изберут его в городской Совет народных депутатов. Выходит моя бабуля со своими корзинами из толпы в круг и обращается к кандидату:

– Вот ты, мил человек, рассказываешь, что потом сделаешь… А что сегодня ты можешь сделать?

Кандидат растерялся. Он никак не ожидал встретить в своем кругу преданных моряков жесткую оппозицию в лице бабушки с корзинками.

– А что, бабуля, необходимо сделать сегодня? – со смущенной улыбкой спросил грозный офицер.

– Пропустить меня на корабль к внуку. Я ему гостинцы привезла.

Собравшиеся громко рассмеялись.

Замполит вызвал дежурного по КПП и приказал в сопровождении двух матросов проводить бабулю на корабль, чем сорвал

аплодисменты собравшейся публики.

Ей предстояло взять последний рубеж. Вахтенный дежурный у трапа дал три длинных звонка, что означает «у трапа высокие гости» (в чине адмирала) или моей бабушки… По этому сигналу должен выйти командир корабля или старпом. Последний был на берегу, вышел командир. Сопровождающие матросы четко, по уставу, доложили приказ замполита принять бабушку на борт и удалились. Командир дал в свою очередь приказ вахтенным матросам помочь бабуле войти по трапу на корабль.

Я в это время спал после ночной вахты. Прибегает в каюту матрос: «Серега! К тебе бабушка приехала! Вставай, одевайся и быстро в рубку дежурного». Я оделся быстрее, чем по боевой тревоге.

– Где бабушка?!

– У командира в каюте беседуют.

– Кто ее сюда пропустил?

– Никто ее не пускал и не задерживал. Замполит бригады с сопровождающими прислал. Ну, Серега, у тебя и бабушка! Военная! Прошла по кораблю, все посмотрела. Командир рядом ходит, как за адмиралом флота. Все объясняет ей, показывает… Командир встретил ее у сходни со всеми почестями. Иди к командиру.

Я постучался, спросил разрешения войти. Командир переждал нашу радость встречи со слезами и поцелуями и стал хвалить меня бабуле, успокаивая ее:

– Хорошего внука вы воспитали. Отличный матрос. Хорошо служит. Схватывает все на лету. Политику партии и правительства понимает правильно. Верной дорогой идут сынки. Я бы дал ему увольнительную дня на три, но мы завтра уходим на учения, - добавил командир с сожалением.

– Командир, я вам гостинцев привезла, – и подает бутылку без этикетки, завернутую в газету. – Своя, домашняя, чистая, как слеза, фруктовая… Только чтоб не на службе, а дома, – строго предупредила бабуля. Отсыпала из корзины орехов и прочих сладостей. Капитан не смог отказаться, принял, поблагодарил.

– А сейчас я вас приглашаю отобедать, чем Бог послал, – пригласил командир в офицерскую кают-компанию, как и положено на корабле после

официальной части.

«Бог послал» на стол бабуле красную рыбу и жареную курицу, котлеты с жареной картошкой, масло, кофе, чай, компот – все, что душе угодно. Выбирай на вкус!

Я-то в кают-компании впервой! Стесняюсь командира. Покушала моя бабуля, поблагодарила капитана и говорит:

– Теперь я вижу, внучек, здесь ты с голоду не помрешь.

А потом командиру с упреком:

– Что же ты думаешь? Бабка стара, глупа, не поняла, что так матросов не кормят, что это офицерская столовая?

«Какая недоверчивая бабулька!» – подумал командир, улыбаясь. Он не обиделся и был готов к этому вопросу.

– Идемте, спустимся на камбуз, и вы убедитесь, что для всех готовят в одном котле, – с тайной надеждой, что она побоится спускаться по крутому трапу на нижнюю жилую палубу.

Мы перемигнулись с коком, тот все понял, показал, объяснил, убедил бабулю. Она успокоилась окончательно, что ее внука здесь не обидят ни за столом, ни на службе. Любезно поблагодарила и отпустила командира, а сама пошла дальше, посмотреть, как живут, где спят матросы.

Прошли в мою каюту. Она выкладывает гостинцы на тумбочку. Достала вторую бутылку.

– Кто у тебя близкий начальник?

– Боцман.

– Отнеси ему в каюту, скажи, бабушка привезла, а я пока освобожу корзины.

– Ну и бабушка у тебя! Военная! Командир ее по кораблю водил, а не какой-нибудь дежурный офицер. А она ему еще замечания делает, придирается. Ну, прямо адмирал, – сопровождает меня ватага матросов до каюты боцмана и обратно, рассчитывая на бабушкины гостинцы.

Набилось их в каюте битком. Парни со всего Советского Союза, все республики были представлены в нашем экипаже. А навестила нас за все годы службы только одна моя бабуля. Как ни хорошо кормили матросов, а домашние гостинцы всегда вкуснее.

К вечеру я проводил бабулю на электричку с полными корзинами подарков и гостинцев от команды. Ее визит надолго запомнился всему экипажу.

Только здесь, в бабушкином домике, в тиши окраины села, во дворе, увитом виноградником, в саду фруктовых деревьев с пьянящим ароматом цветов, он почувствовал и ощутил прелесть гражданской жизни.

Первые дни по утрам напряженный слух ждал команды «Подъем!», ночами - «Боевая тревога!». В 22..00 внутренний биоритм толкал его взор на часы: «Отбой!». Постепенно слух успокоился, распрямилась пружина постоянного напряжения тела. С каждым новым рассказом

он ворошил память, переживал вновь и вновь эпизоды и события недавней флотской службы. Все минувшие трудности с высоты сегодняшнего дня виделись пустяковыми, незначительными и ничего кроме улыбки не вызывали. И тем не менее, я видел, что он заскучал. Хочет обратно на свой корабль, в свою боцманскую команду, ставшей за годы службы сплоченной, дружной, боевой семьей. Снисходительно, иронично посмеивался над флотскими поговорками «масло съел – и день прошел, съел яйцо – прошла неделя. Чтоб еще такое съесть, чтоб три года пролетело?» или «у матроса такая участь – все три года бороться за живучесть». В последний год службы матросы-срочники подгоняли время: «Мы ждем, как сыра от вороны, приказ министра обороны».

– Сережа, ты рассказал мне о малой кругосветке из Черного моря вокруг Европы в Балтийское, о том, как ваша бригада охраняла встречу на Мальте двух президентов: Джорджа Буша и Михаила Горбачева. Прекрасные, интересные рассказы. Расскажи о походе в Персидский залив?

– Этот рассказ не на один вечер. Мы были в походе девять месяцев. Впечатлений на всю оставшуюся жизнь.

– А нам с тобой спешить некуда. У меня отпуск северный, длинный, у тебя – еще длиннее. Бутыль с вином мы только начали, надеюсь, до конца твоей повести нам хватит.

Он умел найти искорку юмора в самом незначительном эпизоде и поднести ее так тонко и умело, что я не мог удержаться от распирающего смеха. Сонные горлицы в саду начинали истошно орать, возмущенные нашим полуночным бдением. А он, прерывая рассказ, прислушивался: не ворчат ли соседи, что, спасаясь от духоты в доме, спят в летней беседке за сетчатым забором в трех шагах от нашего стола.

Севастополь

Осенним октябрьским утром, когда первые лучи, перевалившего через вершины крымских гор, солнца осветили сияющие купола Севастополя и разлетелись мелкими зеркальными осколками по легкой ряби бухты, наш корабль протяжным гудком простился с родным городом. Капитан, штурман и вахтенный офицер стояли в ходовой рубке торжественные и напряженные. Команда – вдоль борта в строю, лицом обращенная к берегу. Мы уходили в дальний поход. На сколько месяцев, никто не знал, даже командир. «До приказа командования флотом», - объяснил нам боцман.

Миновали морские ворота, вышли в открытое море. Вскоре исчезли за горизонтом последние силуэты кораблей. Капитан и штурман спустились в каюты. Притихшие матросы сбились на юте и еще долго смотрели молча в ту сторону, где остались родные берега.

В открытом море штурман чувствовал себя

свободно, полностью передоверив курс корабля вахтенному рулевому. Он расхаживал по палубе и дразнил боцмана. Это было его любимое развлечение.

– Викентич, и где ты себе такую команду насобирал? - наступал он на больную мозоль боцмана. - Ты только посмотри на них - сбились у кормы, как овцы в гурт, и пытаются глазами зацепиться за берег.

– Не овцы, а бараны! – сплюнул боцман. – Они в своих кишлаках да аулах воду только в арыках и видели!

– А тощие-то, какие... – продолжал штурман, детина двухметрового роста, широкий в плечах. Китель на его груди вздымался как кузнечные меха, и, казалось, вот-вот выстрелит во время очередного взрыва смеха после удачной шутки над боцманом очередью блестящих, в якорях, пуговиц. Его красивое лицо было неподвижно и серьезно, лишь лукавые искорки в глазах выдавали легкую, незлую иронию.

– Да, – согласился боцман, – худой матрос – позор для флота, – и тяжко вздохнул.

-Откормить-то мы их откормим, и разговаривать по-русски научим.

– Так они тебя еще и не понимают? – не унимался штурман.

– Меня-то они понимают, – боцман покачал свой громадный кулак, как бы взвешивая и прикидывая его вес на глазок. – А я их – с трудом, – окинул недобрым взглядом молодых

матросиков из азиатских республик, сбившихся в плотную кучку, испуганно наблюдавших за разговором начальников.

– Вот ты посуди, – подхватил тему боцман. – С давних времен экипажи русских кораблей были русскими. Иноверцев на флот не брали...

– Ну-у-у, боцман, это уже политика. А куда же прикажешь их девать?

– В кавалерию!

– В какую кавалерию? – штурман не выдержал и рассмеялся. – Где ты столько лошадей возьмешь? Ты что, забыл, как после смерти Буденного Хрущев весь советский табун пустил на колбасу? «Дружба» – колбаса называлась. Дружба христиан с мусульманами. Генсек приказал в конскую колбасу свиного сала натолкать. Кстати, а ты проверил при погрузке провизии, какую колбасу нам выдали на берегу? Учти, правоверные свинину не едят. Им конину или, на худой конец, говядину подавай.

– Ничего, – ухмыльнулся непробиваемый на шутки Викентьевич, – у нас камбуз внизу, закроем шторки, чтоб Аллах не видел, как его благоверные Коран нарушают.

Фамилия этому добродушному русскому богатырю, собственно, как и боцману, дана была как в насмешку – Короткий Александр Николаевич. Капитан-лейтенант, уважаемый в среде матросов офицер, частенько защищал их от разгневанного боцмана.

Удовлетворенный утренней разминкой,

оставил боцманскую команду в покое, продолжил променад по палубе в поисках замполита. Мимо этой никчемной «боевой» единицы на корабле Короткому было также тяжело пройти, как псу мимо столба. Не терпел он высокомерного, лощеного хлыща. Тот был высок, красив и строен, как болт.

Александр Николаевич прошел на бак. По-флотски широко расставил ноги, скрестил руки на груди и стоял как изваяние. Легкий, уже прохладный, ветерок бегал по мелкой ряби волн. Все вокруг было спокойно, умиротворенно и располагало к раздумьям.

«Куда мы идем? Зачем? Командование дает дозированную и дробную информацию, не называя конечный пункт назначения. Пока идем на Босфор. А дальше? Получим следующую команду...»

Босфор

На корабле аврал. Связисты снимают антенны спецсвязи, смазывают узлы крепления, тщательно упаковывают в пленку. Осталась торчать только телевизионная антенна, сработанная нашими умельцами. Экипаж готовится к «дружественной» встрече с Турцией – членом НАТО.

В Босфоре нас приняли в объятия быстроходные катера. Фотографировали, снимали на кинопленку, пытались найти что-то новенькое на военном корабле. На берегу пролива через каждые пятьдесят метров камеры

слежения. На командном пункте командир, штурман и вахтенный офицер. Один катер нагло пристроился к кораблю и на почтительном расстоянии идет рядом, иногда забегая вперед.

– Проклятые шпионы! Вашу мать! – крикнул боцман, и грязно выругался. – Вот мерзавцы, что делают! Под самый форштевень лезут! Потопить бы их и дело с концом! – он размахивает кулаками, рубит ладонью выше локтя – жестом передавая привет неприятелю.

Командиры в ходовой рубке спокойно наблюдают за происходящим. Иногда оборачиваются на боцмана, следят, чтобы не нарушил дипломатический этикет международных отношений. А тот не может успокоится: у него своя дипломатия жестов и слов, накопленного веками морского фольклора.

Когда миновали воды Турции, прошли Босфор, Мраморное море, пролив Дарданелы, Эгейское море напряженное состояние команды, как тяжелый груз, свалился с плеч. Мы вырвались на просторы Средиземного моря.

Средиземка

Покачиваясь на легкой зыби, наш корабль быстро идет к югу, удаляясь все дальше и дальше от севера белого, снежного, холодного и все-таки близкого, дорогого севера. Небольшой, окрашенный в шаровой цвет, стройный и красивый, легко и грациозно поднимается с волны на волну, с тихим шумом рассекает их

своим острым форштевнем, вокруг которого пенится вода и рассыпается алмазной пылью. Волны ласково лижут бока корабля. За кормой стелется серебристая лента.

На палубе и внизу идет обычная утренняя чистка и уборка, начинается день.

Рассыпавшись по палубе в новых тропических, хлопчатобумажных безрукавках и шортах, босые матросы скребут и чистят палубу, пушки и медь – все доступное должно блестеть и сверкать.

Щелчок в динамиках и голос командира:

– Всему личному составу приступить к восстановлению антенного хозяйства. Срок исполнения 15 часов! Второе – собрать и передать связистам все пластмассовые телескопические удочки!

«Ничего себе команда, – ропщет матросский люд. - Разбирали антенны несколько дней, а собрать за 15 часов».

К Порт-Саиду корабль подошел похожим на громадного ежа, ощетинился по всему корпусу антеннами, в том числе и ложными, из рыбацких удочек. «Лови, фашист, гранату!» – вспомнил боцман клич морской пехоты. Позабавил нас командир своей выдумкой и немало озадачил иностранные разведки. Еще бы, через проливы Турции корабль прошел голым как яичко, а через Суэц идет обвешанный антеннами, словно принимает информацию со всех спутников, летающих в космосе.

Суэцкий канал

Суэцкий канал – сложное гидротехническое сооружение. Несколько параллельных каналов разной ширины и глубины. В зависимости от грузоподъемности и водоизмещения судов формируются соответствующие караваны. Движение по каналам одностороннее.

В 9 часов утра открываются ворота. Наш корабль идет впереди каравана иностранных и советских судов. Проводящий корабль – это платформа с песком впереди паровоза, идущего по партизанским лесам. Береговые службы, формирующие караваны, предпочитают ставить в голову российские суда и, по возможности, боевые корабли.

У наших штурманов более точные карты минных полей. И это не удивительно – именно Россия первой откликнулась на обращение Египта очистить воды от мин после войны с Израилем. С тех пор, по межгосударственному договору, наши суда получили право беспошлинно проходить в Красное море.

На борт поднимается береговая команда проводки: лоцман, два электрика и два лодочника. Лоцман занимает место у штурвала, электрики устанавливают свои дополнительные прожектора, лодочники вместе с палубной командой готовы в любую минуту перебросить кранцы на борт, опасно приблизившемуся к стенке канала. Якоря приспущены, готовы к маневру.

Красное море

Убрали весь камуфляж – удочки с антенн и прочие хитрости. Звучит команда: Готовность номер один! Все по боевым расчетам!

Палубная команда в броне- и спасательных жилетах, шортах, касках и … тапочках. Получили автоматы … без патронов, по паре гранат… без запалов «Вдруг за кольцо дернете». «Приближаемся к пункту назначения» – подумали матросы.

Оказалось, идем на дозаправку к эфиопским островам – Дахлаг. В водах этого небольшого архипелага беспредельничают местные повстанцы – пираты XX века. Налетают на гражданские, торговые и даже военные суда, не обращая внимания на флаг государства, под которым идет корабль.

Слабых грабят, сильных обстреливают и скрываются на быстроходных катерах.

Наше командование вынуждено закрепить в акватории островов большой десантный корабль.

Дозаправка прошла спокойно – нам не пришлось бросаться на абордаж со штыками наперевес и босиком – тапочки полетели бы в головы пиратов вслед за гранатами.

Миновали Баб-эль-Мандебский пролив, отделяющий Африку от Аравийского полуострова, вышли в Аденский залив и по Аравийскому морю обогнули одноименный полуостров. Здесь всем стало ясно, куда вело нас

командование от залива до пролива по морям и океанам – в Персидский залив, где американцы изгоняют войска Саддама Хусейна из Кувейта, объявив иракскому диктатору «Бурю в пустыне».

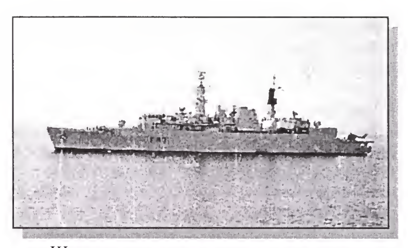
Появился нездоровый интерес увидеть американцев, их боевые корабли. Весь экипаж в трепетном нетерпении ожидал встречи. Но нам предстояло пройти еще Оманский залив и Ормузский пролив.

Встреча на рейде

Корабль бросил якорь на рейде Оманского залива: Ормузский пролив на ночь закрывается. Ночь была тихая. Безоблачная высь переливалась золотыми гроздьями созвездий. Все выше поднималась луна, и серебряный свет ее расстилался по ровной поверхности вод. Море завороженно молчало. В такую ночь сотни глаз пристально смотрели по сторонам, всматриваясь в силуэты ярко освещенных кораблей, стремясь определить: наш – не наш? Американцы стягивали свой флот к месту боевых действий.

Духота южной ночи, полное безветрие, неостывший от полуденного зноя металл корабля не давали никакой возможности находится в каюте. Штурман, капитан-лейтенант Александр Николаевич Короткий, вышел на верхнюю палубу. Параллельно идущий американский фрегат семафорит нам:

– Кто такие? Куда идете?

Штурман подошел к сигнальщику, отсемафорил в ответ «договориться», и перешел на их частоту. На английском вел разговор по рации.

Здесь уместно будет заметить, капитан-лейтенант А.Н.Короткий отлично знал английский язык, а также, помимо языков основных мореходов мира, свободно владел арабским.

На вопрос соседнего корабля последовал уклончивый ответ:

– Мы-то по нужде, а ты куда идешь?

– Нужды бывают разные. А ты кто такой?

– Я русский.

– Странно. А я американец. Куда идешь?

– Не твоего ума дело.

– Сразу видно, что русский.

– Куда идете?

– В Персидский залив.

– И мы в Персидский.

– Мы вам не советуем туда соваться.

– А в чем дело?
– Там будет большая заварушка.
– И без вас знаем.
– А что у вас в трюмах?
– Полные трюмы спирта, – пошутил штурман.
– Разрешите познакомиться поближе?
– Швартуйся.

Фрегат медленно развернулся и направился на сближение.

На палубу выходит командир – Александр Александрович Аксенов. Ему тоже так и не удалось уснуть в эту ночь. Огляделся…

– Александр Николаевич, это что за корыто идет к нам? Что ему надо?
– Успокойся командир. Все нормально. Это наш заклятый друг – американец, идет к нам в гости.
– Как, к нам?
– Да я его пригласил.
– Ты что? В своем уме?
– А что? Мы же союзники. Сказал, что мы торговое судно. Везем полные трюмы спирта.
– Ты что, идиот? Какое торговое судно с пушками на борту?

Между тем фрегат подошел с левого борта. Сделал несколько галсов, встал. По рации договаривается со штурманом: кто к кому будет причаливать. По морским законам малый корабль подходит и швартуется к большому. Американец видел: перед ним не гражданское

судно и водоизмещением меньше его. Предлагает нам сняться с якоря и пришвартоваться к нему.

Штурман вошел в раж.

– Кто к кому идет в гости?

Командир безучастно наблюдает за переговорами, в тайне надеясь на снобизм и гордыню не званого им гостя.

Американец уступил. Пришвартовался. Перекинули трап. По обе стороны трапа заняла свое место вооруженная вахта. С дружеским визитом к нам на корабль перешли командир, старший офицер и штурман. Они были в штатских костюмах, без знаков различий: в белых брюках и теннисках. И только по их взаимоотношениям можно было судить – кто есть кто. Наши офицеры встретили союзников крепкими рукопожатиями и пригласили в кают-компанию.

Я заступил на вахту в 20 часов. Стоим, смотрим друг на друга с нескрываемым любопытством. Познакомились: Джон – Серж. Душно. Мой визави вызывает посыльного. Тот приносит ему контейнер, в нем на льду банки кока-колы. Достает, открывает, и с наслаждением потягивает прохладный напиток. Я вызываю своего посыльного.

– Видишь?

– Вижу.

– Я тоже хочу пить.

Посыльный возвращается с тяжелым, трехлитровым дюралюминиевым чайником

прохладного компота. Стакан забыл, придурок. Я поднял чайник и пью из носика. Американец заинтригован.

– Чейндж? – (Давай меняться?)

Он подает мне из контейнера холодную, в росе банку, я ему – чайник. Он пьет из носика.

– Ол-райт! – показывает большой палец и довольный широко улыбается.

Народная дипломатия продолжалась до смены вахты, 00 часов. За это время мы обменялись часами, зажигалками, Беломорканал пошел в обмен на сигареты…

В четыре часа утра боцман поставил на вахту опять меня.

– Викентич, я не успел выспаться, – канючил я не по уставу.

– Ничего, Серега, отоспишься, когда гостей проводим. Ты, я смотрю, с ними общий язык нашел. Ты их встречал, тебе и провожать, – по отечески уговаривает боцман.

На том корабле, видимо руководствовались теми же соображениями: мы опять встретились на вахте, как старые друзья, которые не виделись целых… четыре часа.

«Визит вежливости на высшем уровне» закончился в ранних предрассветных сумерках. Теплая, дружественная беседа «разморила» гостей. Они, придерживаемые под локотки нашими офицерами, шагали, с трудом переставляя ноги. По вызову вахтенного Джона, навстречу прибежали шесть матросов и,

поодиночке, осторожно перевели своих командиров по трапу. Те, уже на своем корабле, оглядываясь, кричали слова благодарности и клятвы в вечной дружбе.

Короткий рассвет рождался в тишине. В глубине бледно зеленеющего неба гасли звезды. Море еще не проснулось, но уже румяно улыбалось. Обласканные чудесной свежестью поднимались на палубу вахты. Вот радостно заструились, пронизывая соленый воздух, первые лучи солнца.

Мы убрали трап, подняли якоря, отдали швартовы и тихо пошли к проливу. Фрегат не подавал никаких признаков жизни.

И вот мы в Персидском заливе. Встали на боевое дежурство в водах Объединенных Арабских Эмиратов. К сожалению, это далеко от Кувейта и американского флота.

Персидский залив

Радости команды не было предела – наконец-то закончился дальний и утомительный поход. Стоим на якоре. Солнце играет с морем в ладушки. Тихо. Утренний ветерок ладошками гладит по щеке, волны, по-кошачьи мурлыкают и ластятся к борту корабля. Идиллия после трудного перехода. Мы и предположить не могли, что самое сложное предстоит впереди – испытание воли, терпения и нервов во время многомесячной стоянки. В таких условиях и выясняется человеческая натура.

Экипаж жил и служил в прежнем режиме, определенном Уставом. Сменялись вахты, проводились тактические занятия, стрельбы, имитировалась химическая атака – «слоники» – матросы в противогазах – носились по палубе, проводили дезактивацию, опрыскивая надстройки химическими препаратами. И все-таки было скучно, однообразно, до скрежета зубов и, каждый старался как-то разнообразить свое свободное от вахты время.

Штурман от безделья донимал боцмана, любил смотреть как тот воспитывает молодых, в пушке и зеленью на ушах, членов своей команды, подходил и назидательно выговаривал:

– Великую оздоровительную силу русского мата, – Валерий Викентьевич, нельзя разменивать по мелочам!

Боцман

«Не служил бы я на флоте,
Если б не было смешно!»

Все лето наш корабль, в составе бригады Черноморского флота, стоял на рейде в водах Персидского залива. Американцы изгоняют войска Ирака из Кувейта, а мы стоим на боевом дежурстве в готовности № 1. Жара донимала, напряженность изматывала. И лишь в конце декабря бригаде дали «отбой» Мы встали на отдых в порту Абу-Даби – столице ОАЭ – на

востоке Аравии.

Утро в тот день стояло солнечное, блестящее, небо синее, чистое от облаков. Капитан отпустил команду на берег, на корабле остались лишь вахтенные.

– Товарищ командир, разрешите сойти на берег? Старпом второй день отказывает в увольнительной… Домой идем… Детишкам подарки купить хочу, - просит боцман. Таким униженным и оскорбленным кэп его видит обычно на второй день после очередной выходки на берегу. Они оба знали причину отказа на увольнительную. Но упоминание о детишках смягчило сердце капитана, и он отступил от своего обещания не отпускать на берег боцмана до самого Севастополя. Надо же, что в прошлый раз учудил. Жарко было. Выпил немереное количество кружек пива, вышел из бара на площадь и видит скульптуру писающего

мальчика. Встает рядом, в форме советского морского офицера, и дает тугую струю, соревнуясь со скульптурой. Его, конечно, повязали и доставили на корабль.

– Добро, Валерий Викентьевич. Возьми пару крепких матросов из своей команды, чтоб довести, а то и донести могли, – капитан усмехнулся. Боцман хотел было возразить или, пуще того, поклясться, что «ну ни единой капли в рот не возьму!» Командир остановил его жестом, мол, знаю цену клятвам твоим, и добавил. – Смотри, здесь не Европа, у арабов сухой закон, и пьяных они ненавидят.

Несмотря на свирепую наружность и на самое отчаянное сквернословие, которым боцман приправлял обращения к матросам и монологи под пьяную руку на берегу, Валерий Викентьевич Поцелуев был простодушнейшим и кротким существом с золотым сердцем, и притом лихим и знающим свое дело до тонкостей боцманом. Он никогда не обижал матросов – ни он, ни матросы не считали, конечно, обидой его ругательные импровизации. Нечего и говорить, что простой и незаносчивый Викентич, как почтительно звали его матросы, пользовался среди команды уважением и любовью.

Бывало, соберутся матросы после вахты на баке, в этом матросском клубе, где обсуждаются все явления судовой жизни, и давай байки травить. Жара подсказала тему. Разговор пошел о пиве.

– Да и водочки бы не мешало, – мечтательно произнес кто-то из «стариков». – Надо же придумать пытку – держать девять месяцев на сухостое.- Боцман ходит вокруг компании, сигареты покуривает, прислушивается, ухмыляется себе в усы, но близко не подходит, форс держит, ждет, когда пригласят или спросят что.

– Викентич, говорят ты пить большой мастак? Сколько сможешь выпить за один раз? – распахнув глазки, искренне спрашивает первогодок.

– А сколько нальешь, столько и выпью, - увильнул от ответа боцман.

– А какую надо закуску, чтоб не опьянеть? – не унимается юнец.

– Не знаю, какую тебе, а наш боцман предпочитает квашеную капусту. А на утро капустный рассол, ежели нет огуречного, – ответил вместо Викентича мичман. – А пьет он до тех пор, пока капуста не всплывет, – и захохотал, довольный своей шуткой.

...В городе боцмана не интересовали ни городской пейзаж с красивыми мечетями и минаретами, ни многоэтажки офисов из стекла и бетона, ни арабочки в свободно накинутых цветных и прозрачных платках, смущенно прикрывающие лица и с любопытством рассматривающие большими миндальными глазками встречных моряков. Он шел на базар. Это был не тот восточный базар из сказок

Шахерезады, а современный урбанизированный – сплошные ряды металлических стандартных павильонов. Здесь можно было приобрести любые «товары народного потребления», кроме флакона с нефтью – основного продукта экспорта, за счет которого создан самый высокий жизненный уровень населения Эмиратов.

В любой «лавке» вас радушно встретит хозяин. Предложит выпить душистого чаю. Расспросит, откуда пришли, где побывали, что видели, куда путь держите, как живут в вашей далекой северной стране? Помимо работающего кондиционера, он поставит перед вами персональный вентилятор или предложит бесплатно, как и чай, бутылочку прохладительного напитка. И лишь после близкого знакомства с любезной улыбкой поинтересуется целью вашего визита. Раскинет перед вами на прилавок полный ассортимент различных моделей и модификаций. И начинается торг в восточном стиле!

Для продавца, скучающего в отсутствие покупателя, торг – это игра, удовольствие, наслаждение от общения, спектакль. Он улыбается, заглядывая вам в глаза, бегает вокруг – примеряет, доказывает достоинства товара, на калькуляторе показывает цену. Вы делаете удивленные глаза, морщите брови и мотаете головой. Он тут же сбрасывает цену на четверть, потом на три четверти… Вы делаете вид, что

уходите – «у соседа в два раза дешевле»... Он чуть не ловит вас за рукав и сбрасывает цену в два раза. И если вам удалось купить не за 80, к примеру, а за 20 драхм, он с удовольствием и радостью торжественно преподнесет вам презент – какую-нибудь незатейливую безделицу, и будет благодарить за покупку, провожая до порога.

Викентич загрузил нас пакетами с покупками, и мы на автобусе отправились в порт. Всю дорогу он ворчал, что в этом арабском городе покупку невозможно обмыть...

– Ладно, мужики, в порту оттянемся по полной программе!

Мой напарник, азербайджанец Фирдус Гаджи оглы, в общем, Федя, с тревогой взглянул на меня – мы были наслышаны о «программах» боцмана, о них в экипаже ходили легенды. Мы робко пытались отговорить его от «выступлений»...

Шлагбаум медленно опустился, пропустив автобус в порт. Мы за границей арабского аскетизма. Здесь есть все для отдыха иностранных моряков – бары, рестораны, увеселительные заведения... Боцман уверенно направился в ближайший бар. Мы за ним. Взяли по банке кока-колы и встали за высокий столик, не спуская глаз с нашего командира. Он долго стоял у стойки, изучая широкую, во всю стену, витрину с большим ассортиментом вин. Вдруг его взгляд поймал в пестрой картине знакомую

с детства наклейку «Московская». Он даже хрюкнул от радости, глаза заблестели, рот растянулся в блаженной улыбке, потирая руки, он показал бармену на предмет своих мечтаний. Тот поставил стопку и пока раскупоривал бутылку, нетерпеливый гость заменил ее на поллитровый высокий стакан для коктейлей. Тот удивленно взглянул и начал лить. Боцман приложил палец к горлышку и наклонял его до тех пор, пока вся жидкость не перелилась полностью.

– Ну, родная, за тех, кто на борту! А те, кто за бортом, напьются сами, – и залпом опрокинул, да так лихо, что кадык не шелохнулся. Бармен-негр был до крайности удивлен, покачал головой и предложил закуску. Викентич стоял, закрыв глаза, прислушивался, как живительная влага очищающим потоком медленно опускается вниз его организма - Оп, упала! Викентич подошел к нам, достал пачку сигарет «Полет» – были в наше время такие «термоядерные», без фильтра: затянешься – обратный клапан срывает, закурил. «Это я, ребята, – как бы оправдываясь перед нами, – долг своей утробе отдал за многомесячный сухостой. А сейчас приму на грудь авансом – когда еще придется душу порадовать».

Он подошел к стойке и показал бармену жестом «повторить». На этот раз тот перелил в стакан уже без посторонней помощи. Боцман громко выдохнул и опрокинул стакан одним махом. Вытер губы рукавом и попросил булочку.

Бармен позвал напарника, показывает ему на русского и что-то объясняет. Потом наливает в темный бокал какой-то напиток, поджигает и предлагает боцману. Тот отказывается: не заказывал, и денег больше нет, хлопает по карманам и разводит руки в стороны. «Бери, пей, бесплатно, фирма оплачивает», - объясняет негр. Но уж, коли так, да на халяву, боцман кричит: «Ты что же делаешь, черная обезьяна?! Зачем поджег – спирт выгорает!», – закрыл широкой ладонью бокал, пытаясь погасить фиолетовые язычки пламени, и выпил на радость и удивление собравшейся вокруг публике. Любопытных собралось с обеих сторон стойки: там – весь обслуживающий персонал зала, здесь – моряки иностранных судов.

Видя, что событие приобретает веселый оборот, бармен наполнил второй бокал, поджег и вновь предложил боцману. Иностранцы наперебой пытаются объяснить, что грог пьют разогретым и пламя не надо тушить, но Викентич отодвигает их широким жестом от стойки бара, мол,будет еще немощь забугорная учить русского моряка водку пить; потушил пламя и уже без особого удовольствия, больше из куража, выпил и этот бокал. Улыбки, удивление, восхищение, аплодисменты заполнили небольшой зал бара. Героя дружески похлопывали по плечу и предлагали выпить еще с ними. Боцман потерял над собой контроль и пошел в разнос… Ждать беды. Мы с трудом

вывели его на свежий воздух и направились на корабль.

Смеркалось. Длинные тени лежали на остывающем бетоне приморской площади. Вдохнув полной грудью вечерней прохлады, Валерий Викентьевич в приподнятом настроении удачно выступившего артиста, сорвавшего аплодисменты публики, покачиваясь, неровным шагом шел, поддерживаемый нами на корабль. Он был доволен сегодняшним днем. Чувства переполняли душу и рвались наружу. И он запел! О родных российских просторах, перевирая слова и мелодии, но пел громко и самозабвенно…

…Нас обгоняет и резко останавливается джип. Выходят полицейские и вежливо предлагают свои услуги доставить на корабль.

– Какую песню задушевную испортили! – кричит на них боцман. – Идите прочь! И без вас дойдем! – размахнулся и сбил фуражку одному из непонимающих русской души. Объяснить бы им, что наш мужик по пьяни всегда песни поет, и чем задушевнее песня – громче исполняется. Так опять же языков не знаем. Отвесили нам так вежливо по доброму подзатыльнику и почти от самого корабля увезли в город, в полицейский участок. Там пострашнее, чем в порту, порядки.

Проверили наши военные паспорта, составили протокол, выяснили, с какого мы корабля, вызвали сотрудника нашего посольства. Тот с порога к боцману: Как тебе не стыдно?!

Позоришь форму советского офицера!

– Не тебе ее носить, скотина! – кричит еще не остывший боцман. Потом как бы очнувшись, – так ты еще и по-нашему балакаешь?! На тебе в рыло! – посол опрокинулся спиной на стойку дежурного участка. Боцмана связали, и он, поняв, что силы неравные, затих и даже задремал.

После инцидента с послом, с нами разбирались еще часа два. Мы с Федей, напуганные происходящим, сидели тихо в углу. Наконец, послу предложили самому отвезти нарушителей на корабль. За это время наш Викентич немного вздремнул, отрезвел, оклемался и понял, что перед ним русский посол.

– Земляк! Ты откуда родом? Ленинградский? А я челябинский! – и бросился, по-русски, обниматься и целоваться. – Пойдем, выпьем за встречу! Я плачу! – широким жестом размахнулся боцман.

– Давай, братишка, сначала на корабль, а там посмотрим.

Джип останавливается у самой кромки причала. Выходим. Время далеко заполночь. Корабль ярко освещен береговыми прожекторами. Мы с Федей незаметно поддерживая боцмана под локти, поднимаемся по трапу. Консул на небольшом расстоянии идет следом. На корабле, широко расставив ноги, закинув руки за спину, с трудом сдерживая себя, стоит командир. Играя желваками, разжимая и сжимая кулаки, с каким удовольствием и наслаждением

он сейчас отметелил бы боцмана! Жаль, устав не позволяет. Ему доложили по рации все до мельчайших подробностей.

Боцман вытягивается «во фрунт», изо всех сил пытаясь держать вертикальное положение и не раскачиваться, что удается ему с большим трудом, с фиолетовым «фонарем» под глазом, с царапинами на лбу, в разорванной до пупка флотской рубашке и без фуражки, прикладывает ладонь к виску и, как кажется ему самому, бодро рапортует:

– Товарищ командир! Группа из трех человек прибыла на корабль из увольнения вовремя и без замечаний!

– Сволочь! – сорвался командир. В этом крике он выплеснул свой позор за команду, нервную напряженность долгого и тягостного ожидания этого разгильдяя, мучительное волнение неизвестности отношения к ЧП командования бригады и посольства. – Вовремя?! И без замечаний?! – зло и с большой долей ехидства прокричал капитан. – А консула зачем привез? – спросил он с пристрастием, но приглушенно.

– Так не я его привез, – доверительно поведал боцман, – а совсем наоборот…

– А вам, – наконец кэп обратился к нам, стоящим навытяжку, – марш раздеваться и спать. Вдвоем не могли удержать своего боцмана, – с упреком добавил он, хотя сам понимал, что этого в пьяном угаре буяна вряд ли и четверо удержат.

– А ты, боцман, и вы, товарищ консул, пожалуйте ко мне в каюту.

Только мы разделись и легли, прибегает боцман почти трезвый – кэп, видимо, своим гневом выбил и хмель, и дурь.

– Серега! Где у нас спирт?

– Зачем?

– Зачем-зачем, не понимаешь, что ли, – и он залился приглушенно, чтоб не разбудить ребят, такой «соловьиной трелью» ненормативной лексики, что диву даешься, как он все помнит накопленный столетиями во флоте русский мат? И ведь как гладко говорит! Соблюдая все склонения существительных и спряжения глаголов! Потом спокойно и доверительно, в знак особого расположения, объяснил, что «мирное соглашение» с послом заключается, и прибавил при этом забористое словечко в самом нежном тоне. Я отдал ему ключи от нашей «шкерки»-кладовки, где хранился такелаж и судовые запасы спирта. К месту сказать, «ключи от спирта», он сам мне отдал на хранение – «от греха подальше», наказав при этом не отдавать, сколь бы настойчиво он не просил. Ну, а сейчас особый случай, как ни говори, а мирные договоры даже дипломаты обмывают.

...С тех пор мой боцман в рот не брал спиртного... По крайней мере, ... при мне до самого Севастополя...

Шкерка

Мы ужинали поздно, на закате солнца, когда спадала жара. В тени шатра из виноградника, не заметили как выплыл полнолицый месяц, смущенно улыбающийся ярким звездочкам, окружившим его плотным и радостным хороводом на бархатно-черном небе.

Наш обеденный стол и часть двора освещал уличный фонарь. Глупые ночные бабочки-однодневки, слетевшиеся со всего сада, бились о толстое стекло плафона, пытаясь разбить его своими слабенькими припудренными крылышками, чтобы постичь глубину истины источника света.

Ужин давно закончился. Бабушка убрала посуду. Принесла из холодного погреба очередной графин вина. Он тут же покрылся испариной, и мелкие капли влаги, оставляя

затейливые дорожки, скатились на стол.

Бабуля, как за глаза я звал свою хозяйку Анну Андреевну, подражая ее внуку, постояла у притолоки двери, прислушиваясь к нашей тихой беседе, а может быть, думала о чем-то своем, отправилась отдыхать.

– Так, «приманка» у нас на столе, можно и подольше посидеть, – удовлетворенно заметил внук.

– Что значит приманка?

– А это, чтоб мы со двора не ушли! И она спала, за нас не беспокоясь, – расшифровал хозяин непонятливому гостю хитрость своей бабушки.– Вино, которым она сейчас нас угощает, из бутыли, что поставила осенью того года, когда меня призвали на флот, и закопала в саду, чтобы дед «по ошибке» не перепутал с молодым вином, еще кислым, и ему приходилось в стакан подсыпать по чайной ложке сахару. А он не любил вино с сахаром!

На столе стояла большая ваза фруктов. Все располагало к теплой, неторопливой и долгой беседе.

– Я смотрю, бабуля тебя откармливает как хряка на убой, хотя на тощего ты не похож – постоянно в спортивных штанах на резинке – флотский ремень поди маловат? А как на флоте кормят?

– Моряк без пуза, что баржа без груза! – продекламировал гордо чисто флотскую поговорку мой собеседник. – На флоте всегда

кормили хорошо… А вот ты мне и подкинул тему для очередной байки…

Мы стояли на боевом дежурстве в Оманском заливе. Был полный штиль. Пора спокойной морской жизни. Вахты самые приятные – почти никакой работы. И матросы, коротая их, разговаривая между собой, вспоминали родные берега, развлекаясь иногда зрелищем блестящих на солнце летающих рыбок, нередко попадающих на палубу корабля.

По громкоговорящей связи раздается приказ:

– Подходит буксир с продовольствием! Все наверх! Вахте приготовиться к швартовке! Всей команде к выгрузке!

Вахтенные матросы быстро, четко и легко привязали наш корабль с носа и кормы, перекинули трапы на «мамку-кормилицу», как называли эту продовольственную посудину. Буксир, приписанный в штат бригады, предназначенный для отбуксировки в ближайший док поврежденных кораблей, находился без работы по прямому своему назначению, и использовался для снабжения боевых кораблей продуктами из ближайших стран, которые снабжали моряков по договорам с нашим правительством.

Матросы, как муравьи, плотной цепочкой сновали с одного корабля на другой с коробками фруктов, овощей, кофе, чая, масла, тушенки и

сгущенки, с мешками сахара и свежей картошки.

Высыпали фрукты в большие ящики своего трюма и с этими же коробками бежали за сухой колбасой, наваленной кучей в трюме, где температура стояла минус 18-20 градусов.

Обвязав вокруг разгоряченного тела связку холодной колбасы, заправив ее концы в штаны на пояснице и накрыв колбасный пояс рубахой навыпуск, зябко вздрогнув, очередной матросик из боцманской команды, лукаво улыбаясь и передергивая кожей от холодных ручейков, скатывающихся ниже пояса, бежит по трапу на родной борт. Там его встречает свой, незаметно освобождает от «пояса» и столь же незаметно уносит в шкерку…

Кормили моряков отлично. На столах были и шоколадные конфеты, и всевозможные субтропические фрукты, да такие, что в российских магазинах и не встретишь, не говоря уже о цитрусовых, яблоках, грушах и прочих сливах-вишнях.

В случае с колбасой – это было не воровство, а больше игра. Офицеры видели нашу хитрость и предвкушали удовольствие разоблачения после того, как отвалит буксир – на своем-то судне они разберутся…

После отбоя никто не мог уснуть. В эти дивные южные ночи с мириадами мигающих звезд на абсолютно черном небе, ночи, когда вся команда, прихватив из кают тюфячки, подушки, одеяла, а иногда и бушлаты – под утро бывает

холодно – спит на верхней палубе, спасаясь от духоты кубриков; а вахтенные, собравшись в кучки, коротая время, рассказывают анекдоты, прикрывая ладонью рот от взрывного смеха, чтобы не привлечь внимание вахтенного офицера. Команда «заговорщиков» по одному собиралась на «конспиративной квартире» – шкерке. Шкерка – это сокращенное моряками слово, обозначающее подшкиперную кладовую, расположенную на верхней палубе, где хранится судовой инвентарь. Там же, за большим рабочим столом ремонтируется такелаж. Полноправный хозяин этого цеха-кладовой – боцманская команда, а ключ – у старшего матроса.

Этой ночью стол рабочий напоминал свадебный. Не хватало лишь невесты. Вокруг на ящиках сидели счастливые матросы, человек пятнадцать, участвовавших в операции «сухая колбаса». Помещение благоухало ароматом восточного кофе. На столе стоял ряд открытых банок сгущенки, у каждого в руке по каральке колбасы и куску теплого белого хлеба – пекарь расстарался. Вчерашние мальчишки наслаждались «вкусной и здоровой пищей», праздновали, радуясь, как легко и ловко провернули операцию. Подходили опоздавшие дизелисты, мотористы, подавая условный сигнал – стуком в дверь.

Очередной стук пароля. Смело открываем, на пороге – боцман! Он застал нас врасплох. Любитель теплых компаний, увидев всю свою

команду в сборе, для порядка возмутился, и без приглашения сел за стол. Мы налили ему кофе.

Следующий стук… Не наш пароль… Но мы уже за спиной боцмана открываем дверь спокойно. Мичман!

– Это что у вас здесь за бедлам?! – но, увидев боцмана, спокойно отхлебывающего из кружки кофе, присоединился к застолью.

Раздался негромкий, но требовательный стук. Капитан или старпом?! Боцман с мичманом вскочили и спрятались за занавесками, прикрывающими стеллажи. Мы смахнули со стола шкурки от колбасы, коленями зажали банки со сгущенкой, открыли замок… Командир?! Все вскочили по стойке смирно. Он спокойно осмотрел стол, убедился, что спиртным здесь не пахнет…

– А это чьи ноги? – и отдернул занавеску – да тут собралась теплая компания! Ладно, садитесь, коли сегодня матросы офицеров угощают.

Мирную, теплую и задушевную беседу за общим столом с командиром прервал резкий, нетерпеливый стук в дверь…

Старпом искал командира. Вахтенные матросы из дикой зависти, догадываясь, что происходит в нашей шкерке, выдали капитана. Офицерам не хотелось покидать нас и в то же время «светиться» перед скандальным старпомом. Переглянулись, и все трое, хихикая, как пацаны, заговорщески подмигивая нам,

спрятались за занавесками.

– Скажите, что меня нет, – прошептал кэп. Я приоткрыл двери, не отпуская ручки. Да, это был старпом! На его вопрос ответил:

– Командира здесь нет.

Но это был не тот человек, чтобы поверить на слово. Ему было интересно, что делают в шкерке матросы среди ночи. Он резко распахнул дверь и увидел команду матросов, стоящих навытяжку, приветствуя старшего офицера. Тут он раскатил руладу своего стандартного ругательства, правда, далекого от боцманских импровизаций, и обиженным, почти плаксивым голосом произнес:

– Старпом ходит голодный, не может уснуть от жары, а матросы сидят в холодке и кофе со сгущенкой пьют! Вы знаете, что вам будет, если командир узнает?! - продолжал он, обходя стол и принюхиваясь…

– А что я еще могу узнать? – не выдержал командир, раздвигая шторы. Он понял, что старпом зашел сюда надолго, и стоять за шторой не имело смысла. Он вышел из укрытия и сел за стол. – Я и так все знаю.

Его примеру последовали боцман и мичман. Старпом остолбенел, не зная, что сказать… Наконец опомнился и скороговоркой проговорил:

– Товарищ командир, вам радиограмма.

– Какая радиограмма? Я занят. Завтра расскажешь…

– Товарищ командир, разрешите присоединиться?

– Садись. Сегодня матросы угощают. Колбаса, правда, закончилась… Не обессудь… А кофе со сгущенкой, хлеб, сахар, масло – пожалуйста, – предлагает кэп на правах хлебосольного хозяина.

Утром, на построении командир и словом не обмолвился о наших «ночных бдениях», а старпом не удержался. Не называя фамилий и боцманской команды, он полунамеком дал понять, что есть в нашем экипаже товарищи, не уважающие старшего офицера.

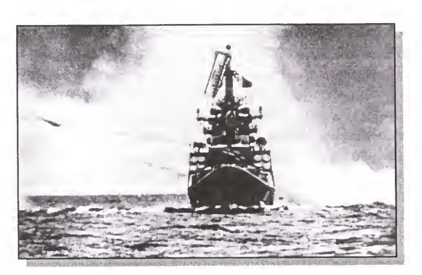
Обиделся, что колбасы не досталось…

Комендоры

"Комендор – это номер боевого расчета, который больше целится, чем стреляет. Иногда даже попадает в цель."

– Стрелять-то приходилось, боевой моряк? – задаю провокационный вопрос, побуждая к рассказу очередной байки из его флотской жизни.

– Обижаешь… – растянул он слово с иронической улыбкой бывалого морехода, снисходительно взглянул на "сапога", как на флоте называют весь сухопутный люд. Встал и пошел в дом.

Вернулся мой юный друг с дембельским фотоальбомом. Перелистнул несколько страниц:

– Вот она! Моя пушечка... – умиленно погладил, словно ласковую кошечку, фотографию, где был изображен на фоне корабельной пушки. – Сколько благодарностей ты принесла мне от командира! Как мы дружили с тобой! Я драил тебя до зеркального блеска, а ты никогда не подводила меня на ученьях, – он так нежно разговаривал с образом своей любимицы, что я чуть не прослезился. Надолго замолчал. Всплыли воспоминания или не знал с чего начать? Я не торопил его. Закурил и спокойно ждал...

...В середине лета эскадру Черноморского флота, стоявшую на рейде Персидского залива, возглавил флагман БПК (большой противолодочный корабль) "Маршал Шапошников". Он

пришел на смену нашему флагману “Даурия” из Владивостока под флагом контр-адмирала Сергеева.

В первый же день прибытия новый командующий собрал у себя всех командиров для знакомства. Затем со свитой флагманов побывал на кораблях. Они проверили каждый свою службу: работу штурманов, боеготовность, запасы продовольствия и вещевое обеспечение. Мы ждали высоких гостей со дня на день.

С обычной для военных кораблей торжественностью подняли флаг, и с восьми часов начался судовой день. Все офицеры, выходившие к подъему флага наверх, спустились в кают-компанию пить чай. На мостике остались только капитан и вахтенный офицер, вступивший на вахту.

Старший офицер, ближайший помощник капитана, блюститель порядка и чистоты на судне Джафаров Шакир Барат-оглы, вечно чем-то не доволен. По обыкновению поднявшись вместе с матросами в шесть утра, носился по кораблю во время обычной утренней уборки, на этот раз был придирчивее обычного: заглядывал во все уголки, еще бы – ждали нового, неизвестного контр-адмирала.

– Смотрите, чтоб у меня все блестело, как у кота пенсне! – кричал он матросам.

– Так у вас или у кота? – сострил Мешков, этот общий любимец, всегда добродушный, веселый, жизнерадостный и остроумный

рассказчик неистощимых анекдотов, умевший вызвать улыбку даже на хмуром лице. Старпом остановился, передернул усами и уставился взглядом в спину тщательно натирающего до блеска леера, спросил:

– А ты знаешь, почему на флоте нет КВН?

Матросы, нарочито открывшие рты, хором ответили:

– Нет.

– Все веселые сидят на “губе”, а находчивые лежат в санчасти! – зло ответил Шакир Барат и отправился пить чай, отдав боцману приказание следить за уборкой.

Боцман – это штатный чемпион корабля по боксу. Викентич был талантливым педагогом и учителем. Его уроки были короткими, а наши познания самыми прочными. “Показываю один раз, а во второй – будет во!” – он подносил под нос молодому матросику огромный волосатый кулак. И этого было достаточно, чтобы матрос все свои три года служил исправно – никому не хотелось “упасть на булыжник”, воняющий табачищем.

Была окончена чистка и уборка. Корабль сверкал на солнце блеском меди поручней, люков, лееров. Палуба безукоризненна. Сигнальщики глядели в оба, чтобы своевременно предупредить командира о появлении катера контр-адмирала. Нового не знали. С ним никто раньше не служил. Матросы, взволнованные и серьезные, таинственно шушукались на баке,

разбившись кучками.

Сигнальщик, не отрывая от глаз бинокля, несколько взволнованно и громко крикнул вахтенному офицеру:

–Идет! Адмиральский катер идет!

Тут раздалась команда по кораблю:

–По левому борту, лицом к адмиралу, смирно!

Матросы вытянулись в струнку до хруста позвонков.

Быстрой походкой, перескакивая через ступеньки, с легкостью мичмана адмирал поднялся на палубу. Он был высокий, плотный, крепкий, с необыкновенно моложавым лицом для своих пятидесяти лет. У трапа его встретили капитан и вахтенный офицер, остальные стояли в строю. Командир доложил обстановку на корабле, тот поздоровался, крепко пожал руку. Они пошли вдоль строя офицеров, мичманов и матросов. Каждый из офицеров, отдавая честь, называл свое звание, должность, фамилию, имя и отчество и обменивался рукопожатием с командующим. Проходя мимо матросов, он внимательно всматривался в лица с легкой, едва уловимой доброй улыбкой. В строю был представлен весь Советский Союз – от западных границ до Средней Азии.

Командиры спустились в кают-компанию. Туда же были приглашены офицеры. Матросы собрались на баке, делились впечатлениями, сравнивали своего батю, что ушел в Севастополь,

с новым. И тут выходит он в сопровождении командира и офицеров. Матросы вскочили.

– Вольно! – махнул он рукой. – Ну что, товарищи матросы, спортом занимаетесь?

– Так точно, товарищ адмирал!

– Хорошо, сейчас посмотрим… Гири есть на корабле?

В мгновение ока двухпудовые гири стояли у его ног.

– Так вот, кто из вас поднимет гирю большее число раз, чем я, – тому десять суток отпуска, не считая времени в дороге.

Он снял китель, передал его рядом стоящему офицеру, взял гирю, громко выдохнул и соревнование началось…

Матросы и офицеры плотным кольцом сомкнулись вокруг ринга. Хором и громко считали подъемы сначала адмирала потом смельчаков, рискнувших потягаться с ним силой. Выходило в круг человек семь. Один все-таки на три жима обошел и побил адмиральский рекорд! Заслужил аплодисменты, но из тактичности матросов не такие бурные и продолжительные, какими они наградили адмирала. Здесь же адмирал распорядился предоставить отпуск рекордсмену корабля. Тягостную напряженность отношений как ветром сдуло. Разгоряченный спортивным азартом, командующий надел китель, застегивая пуговицы, просто и неофициально обратился к матросам.

– Я наслышан, что у вас отличные

комендоры. Хотел бы лично убедиться в этом. Завтра в одиннадцать часов проведем стрельбы. Наблюдать я буду с вашего корабля. А сегодня вам предстоит изготовить стенд-мишень.

С этими словами он попрощался с нами и в сопровождении флагманской команды офицеров, проверявших службы корабля во время соревнования гиревиков, отбыл на катере на свой БПК. Матросы и офицеры опять стройной шеренгой по стойке смирно стояли вдоль борта, провожая адмирала, отдавая честь. Стояли, уже спокойные и в то же время возбужденные – каждый думал, как завтра отличиться на стрельбах.

Весь вечер сварщики варили стенд из пустых бочек. Боцман накапливал, хранил и оберегал их от посягательства чистоплюя-старпома, грозившего выбросить весь этот хлам где-нибудь в нейтральных водах. Для боцмана бочки золотовалютный запас – он менял их на берегу на что угодно. Сейчас он бегает вокруг сварщиков, пытаясь убедить их, что шестнадцати штук многовато, хватило бы и восьми... Старпом отгоняет его:

– Валерий Викентьевич, отойди, не мельтеши, глаза пожалей, наловишь “зайчиков” от сварки. Спасибо адмиралу, избавил корабль от лишнего барахла!

А тот грустно смотрит, осознавая собственное бессилие, обреченно вздыхает, наблюдая, как иссякает его «валюта».

Утром наш корабль вышел в назначенный квадрат. Опустили с кормы кран-балкой стенд-мишень на воду. Это была платформа из бочек, сверху рама из арматуры, обтянутая простынями. Вернулись на исходные позиции. За полчаса до назначенного времени прибыл контр-адмирал.Встретили его, как и положено, по флотскому уставу и морским традициям. На этот раз он весело, как со старыми друзьями, поздоровался и, исключая все церемонии, сразу прошел с командиром на ГКП (главный командный пункт).

Звучит сигнал боевой тревоги.

– Боевой расчет номер один к бою готов!

– ... Второй... третий – готов! – рапортуют командиры орудий. В шлемофонах, с заправленными кассетами зенитно-артиллерийских систем они, с учащенно бьющимся пульсом, прильнули к прицелам, готовые в любую секунду нажать на гашетку...

– Боевая готовность за восемь секунд?! Молодец, командир, молодцы, комендоры! – похвалил нас командующий и крепко пожал руку командиру.

– А сейчас немного успокойтесь, - продолжал он по громкоговорящей связи с командного пункта. – Первые три выстрела делает флагманский корабль, затем три, если мишень останется на плаву, – вы...

Все три артиллерийских снаряда БПК прошли мимо мишени, не колыхнув парус

платформы. Позже мы встречались с матросами флагмана. Они объясняли слабую артподготовку тем, что очень редко – один раз в месяц – выходили в море и то только днем. Нас же выводили на боевые учения и днем и ночью. Тревогу объявляли раз по пятнадцати в сутки. Учились стрелять и ночью с помощью приборов ночного видения.

Звучит команда:

– Приступить к выполнению боевой задачи!

Мы прильнули к прицелам – расстояние до цели километра четыре.

– Пли!

Первый выстрел прицелочный. Снаряд прорвал простыню! Второй – лег чуть ближе платформы... Боцман стоит справа от меня с биноклем в руках, кричит во всю глотку, чтоб я слышал через шлемофон:

– Серега! Только не по бочкам! Не топи бочки! – умоляет он.

Командир орудия стоит слева, тоже кричит:

– Бей по бочкам! Топи эту гадость!

Третий – последний выстрел. Снаряд угодил в центр платформы! Бочки с визгом голубым фонтаном взмыли вверх, разрываясь на лету и разворачиваясь в мятые листы металла, матово поблескивая на солнце, медленно погружались в воду, не поднимая брызг. Макет, прощально взмахнув опаленными и разорванными простынями, беззвучно ушел в морскую пучину. И лишь одна одинокая бочка покачивалась на волнах.

Видимо, дошла до Бога молитва боцмана. Он стоял у орудия, прикрыв лицо руками, горестно и безутешно оплакивал упущенную прибыль, тщетно надеясь спасти хоть одну – единственную уцелевшую…

Приказ адмирала:

– Подойти поближе, бочку расстрелять и утопить!

Мы исполнили приказ с большим удовольствием, нажав пару раз на гашетку кормовой зенитки.

Контр-адмирал поблагодарил экипаж за доставленное удовольствие – видеть отличную боеготовность корабля. Командира отметил в приказе по эскадре. И лишь боцман еще четверо суток ходил в трауре, будто потерял в бою близкого друга.

Безобразно и нагло светило солнце; крупные капли росы собирались на железе в сытые, лоснящиеся лужицы, отвратительная голубизна прозрачной дали рождала в душе гнусное желание опуститься на четвереньки и кого-нибудь забодать. Подобные мысли не покидали Александра Николаевича последние дни. Стоять на приколе четыре месяца невыносимое испытание для могучей темпераментной натуры штурмана.

Где этот балласт для корабля?! – кричал он в подпитии, имея в виду замполита, на котором постоянно срывал зло, накопленное от безделья.

А когда удавалось встретить своего визави, он не бросался на него с кулаками, не ругался по боцмански, матом, он с изощренным сарказмом, интеллигентно, не повышая голоса, разговаривал с ним и, со стороны, можно было принять их перепалку за деловую беседу двух офицеров.

Замполит «настучал» на штурмана в политотдел перед самым выходом в море. Политотдел, скорый на расправу, потребовал строго наказать, вплоть до снятия с должности. Начальник штаба пошел на компромисс: пусть сходит в плавание, некем сейчас заменить опытного штурмана, а там посмотрим.

...Утро. Боцман вышел на солнышко, зевнул, как пес, покинувший свою конуру, выдохнул, улыбнулся и, сняв пилотку-мицу, обнажил свою седую голову, подставил лицо ласковому ветерку, зажмурился, как кот, от удовольствия. На палубе идет построение на утреннюю физзарядку. Дежурный офицер поручает провести ее мичману, мичман – старшему по отделению и пока идет препирательство, подходит боцман к шеренге, командует:

– Пятки вместе, носки врозь, попки сжать и грудь вперед! – и пошел дальше. Громкий хохот залпом вырвался из десятка молодых глоток. На шум в строю прибежал дежурный офицер:

-Прекратить смех! Смирно!

Медленно, со всхлипыванием смех стихает. И только хохотун Вахтанг Чуприна, душа

компании, не может успокоиться. Он взвизгивает, зажимает рот ладонью…

– Чуприна! Выйти из строя! – Вахтанг вышел и встал рядом с офицером. Взглянул на парней – они с большим трудом собирают растянутые улыбкой губы в трубочку, подобную куриной гузке, из которой только что выпало яичко, и он вновь заливается заразительным смехом. На парня напал смехунчик. С полным ртом смеха, дрожа веками, пузырясь ртом, он пытается сдерживаться, у него выкатываются глаза, из него вырываются какие-то звуки, – все это, скорее всего, от нервов – парни, глядя на него, тоже не могут удержаться от смеха и закатываются хохотом.

…Нас в индийской оперативной бригаде сменил другой боевой корабль подобного класса и через девять месяцев мы причалили к стенке пирса родного Севастополя.

Якорь

- Боцман, отдать якорь!
- Товарищ капитан, я вашего якоря не брал…

Мы вернулись из дальнего плавания на свою базу в Севастополь. Город, охвативший в объятия бухту, выглядел по-весеннему чистым, умытым и радостным. Белые здания сияли на солнце,

словно жемчуга на зеленом бархате садов. Абрикосы, еще без листвы, стояли в полупрозрачных светло-розовых накидках распустившихся бутонов. Город ждал, город радовался возвращению своих земляков из дальних походов. На пристани полно народу. Родственники и друзья, прикрыв глаза ладонями от бликующей воды, пристально всматривались в лица матросов и офицеров, пытаясь разглядеть родные черты. Тщетно. В белой парадной форме моряки стояли вдоль борта как оловянные солдатики – все на одно лицо. Слишком далеко корабль от причальной стенки – не разглядеть.

На корабле радостное, но сдержанно спокойное возбуждение. Приодетые, побритые, подстриженные, некоторые с аккуратной шкиперской бородкой, матросы в отглаженных с особым флотским шиком, с едва заметными

складками синих воротничков, с нетерпением ждали швартовки…

Тесно кораблям у причальных стенок. Они швартуются кормой. Подошли, отдали правый якорь, развернулись на нем кормой к берегу, сбросили левый и стали отрабатывать назад. Якорь плавает, но мы продолжаем травить якорную цепь, приближаясь к причальной стенке кормой: чтобы корабль не мотало из стороны в сторону, якорные цепи должны быть предельно натянуты и лишь потом “привязывают” корму к швартовым кнехтам.

– Боцман! Трави правый якорь!

– Оттравил!

– Сколько метров?

– 270.

– Левый подтрави!

– Травлю…

– Сколько?!

– 200….

– Не понял?! Что с якорем?!

– Чего, якорь?.. Все нормально, товарищ командир, плавает…

– Как плавает?! Боцман?! Ты пил с утра?!

– Только чай…

Командир прибежал, наклонился через борт и увидел плавающий якорь.

– Боцман! Ты идиот?! Я тебя убью! Куда дел якорь?! Сволочь! Где пропил?!

– Ну, что поделаешь… Потеряли…

– Где?

– Да где-то в Средиземке…

– Почему не доложил?!

– Да я сразу и не обнаружил…

Командир выплеснул поток слов и букв, что собрались в его распаленном мозгу. Два дня он ставил боцмана в позу бобра, заставляя грызть перила:

– Как хочешь, так и доставай якорь!

У нас был запасной. Стоял на шкафуте. Но, чтобы его установить, необходимо было составлять акты, протоколы, писать объяснительные записки боцману, старпому, командиру, а это, как известно, влекло за собой оргвыводы командования и прочие неприятности.

Отсутствие левого якоря мы обнаружили перед проливом Босфор. Подошли к нему поздним вечером и стали на рейде до утра. Самый узкий пролив на нашем пути с девяти вечера до девяти утра закрывался для судоходства специальной металлической сетью так, что даже маленькая джонка не проскочит. Пролив имеет несколько узких мест, и чтобы волной или течением не ударило судно о стенки – берега водного прохода, корабли идут с приспущенными до уровня воды якорями, что дает возможность быстрого торможения или резкой остановки для следующего маневра.

Опустили якоря до заданного уровня. И тут боцман заметил, что якорная цепь без особого энтузиазма опускается из левого клюза. Посветил фонариком за борт и ахнул – цепь пустая… Другой бы растерялся: что делать? Но не таким

был наш боцман. Он из любой ситуации находил выход.

– Серега, ты у нас художник. Рисуй якорь!

– Какой якорь?

– Натуральный! В натуральную величину!

– Да ты что, Викентич! Хочешь рисунок прилепить к якорной цепи, чтобы турок обмануть?

– Чтоб турок обмануть, я бы якорь на борту нарисовал. Нам надо командира обмануть, хотя бы до Севастополя. Да еще прикрыть от «прямого попадания» свой зад и борт корабля. Из-за вас, уроды, я потерял якорь. Кэп узнает, поставит меня в позу "мама моет пол".

– Так что будем делать, боцман?

– Якорь! Идите за мной!

Он показал две железнодорожных шпалы, невесть откуда взявшиеся у запасливого боцмана "на всякий случай". Мы вытащили их, разметили, одну распилили под откос, вторую поставили вертикально. Сбили скобами, обтесали до необходимой формы, покрасили черной краской, чтобы выглядело натурально, привязали канатом к якорной цепи и опустили за борт…

Смастерили "якорь" за два часа в кромешной темноте, соблюдая светомаскировку, чтобы не вызвать подозрение офицеров и командира. Пока не прошли Босфор, никто из боцманской команды ночной вахты не ушел в каюты спать. Молча наблюдали за ходом корабля, перемигивались, довольно улыбались. И лишь с

выходом в открытое родное Черное море пошли отсыпаться.

А якорь мы потеряли в Эгейском море. Эта подлая "лужа", усыпанная островами, островками и скалами, проклятая всеми моряками за самый сложный фарватер! Постоянно приходилось то опускать, то поднимать якоря – тормозить и лавировать в узких и кривых проходах, да еще шторм налетел, а он на мелководье особенно крут. Видимо, в очередной раз забыли поднять вовремя. Он брякал, брякал по камням, да и отбрякал…

– Что же боцман? Как он выкрутился на этот раз?

– Испортил настроение командиру, лишил его радости встречи с близкими людьми. Насмешил до слез всю команду своим непотопляемым якорем… Боцман – есть боцман… На шкиперских складах Севастополя достал якорь и привез на корабль. Специалисты быстро "посадили" его на цепь, а деревянный оставили на палубе.

– Не вздумай бросить его в море! – предупредил командир. – Узнают, чей – на весь флот просмеют. Еще и анекдоты рассказывать будут. Увези его домой. Поставь перед воротами, как памятник, как символ смекалки и находчивости русского моряка! – посоветовал командир, дружески хлопнул по плечу нашего Викентьича и громко захохотал. Шутку подхватили, и громкий веселый смех прокатился над причалом, пугая нахальных и крикливых чаек.

Уходили из Союза и клятву давали: «Служу Советскому Союзу!». Вернулись в Украину. Приказом министра обороны досрочно отправили на дембель прибалтов, остальные отдавали долг Родине до установленного срока. Дембель – не девушка: мимо не пройдет!

Никогда не забуду день прощания. Внесены записи в военный билет, поставлены печати, с 24 часов - я свободный человек! Командир вызывает к себе:

– Ты когда хочешь сойти?

– Выйду утром на подъем флага. Отдам честь кораблю и флагу.

– Молодец! – потом грустно по-отечески, – Вы же, дембеля, все равно будете всю ночь колдырить… Ну ладно, вот тебе литр спирта… Картошечку поджарить, чайку замутить,

пожалуйста, только молодых не трогайте, не надо их прессовать.

Последнее утро на корабле. Построение.

– На флаг смирно! – звучит гимн Советского Союза. Прощаюсь с командиром.

– Благодарю за службу! Желаю попутного ветра на волнах жизни!

Жму руки дембелям и тем, кто остается служить. Последним подходит Валерий Викентьич. Крепко до хруста пальцев сжал ладонь, взял за плечи, посмотрел внимательно в глаза, рывком прижал и затих. Также рывком отстранил, повернул лицом к берегу, легонько подтолкнул в спину:

– Иди!.

И тут грянул марш «Прощание славянки». Слезы брызнули из глаз, я отвернулся и побежал к сходням. Корабль – место не мокрое! А вслед слова боцмана:

– Родится сын – храни для флота, родится дочь – для моряка!.

С улыбкой по жизни

Дунька

Редакция и типография сельской районной газеты расположились в двух, рядом стоящих, больших крестьянских домах. Между ними во дворе конюшня. Слева от нее внушительных размеров копна сена, справа, чуть поменьше, куча конского навоза.

В штате нашего издательства был конюх, а при нем одна «транспортная единица», лошадь Дунька. Она исправно несла не столь уж тягостную службу: отвезти очередной тираж газеты на почту, иногда со станции привезти бумагу в типографию. Летом дня три поработает на сенокосе. Зимой то же сено привезти к конюшне. Одним словом не напрягалась, работала, в основном, на себя. А чтоб использовать ее по прямому назначению – для поездок корреспондентов по району, так ни у кого и мысли такой не возникало.

Непосредственный начальник Дуньки конюх Федор Прокопич относился к ней ревностно и бережно. Никому в руки ее не передавал. Ежели кому дров из лесу привезти, али сена, то ли огород вспахать – все сам. Избаловал кобылу донельзя. Никого к себе не подпускала и ни на кого работать не хотела окромя хозяина своего.

Прокопич – древний старик с давно нестриженной бородой и желтыми от табака усами. Мохнатые старческие брови почти сливаются с мехом облезлой кроличьей шапки, с которой он не расстается ни зимой, ни летом.

Первый раз я увидел Дуньку во дворе, запряженную в телегу. Прокопич грузил пачки газеты очередного тиража «Колхозной Правды».

«Уши врозь, дугою ноги, и как будто стоя спит» - всплыли в памяти стихи Некрасова. Лошадь пребывала в полузабытьи: глаза полузакрыты, нижняя губа отвисла, обнажив желтые зубы, большая тяжелая голова опущена ниже хомута.

– Коняга, да та, пожалуй, ровесница Прокопича?

– Не обижай коня – вступился конюх. По лошадиному возрасту, она может и ровесница мне, а по годам – тебе ровня будет.

– Да вы что Федор Прокопьевич, кони так долго не живут!

– Ты прав. Ежели бы в колхозе работала – давно бы сдохла. В колхозе только бабы долго живут, а лошади не выдерживают – дохнут, - засмеялся он хриплым голосом и закашлялся. - Я ее молоденькой кобылкой в колхозе получал по разнарядке райкома, продолжал старик с гордостью, что обратили внимание на его обожаемую «половину».

– А кто же кличку, какую-то бабью, прилепил?

– Никому не говорил, тебе скажу, потому, как вижу, коней ты любишь. Была тут у меня в молодости зазноба одна. Ух, хороша девка! – причмокнул старик языком, и аж глаза блеснули. -Любил я ее крепко… А она замуж за дружка моего вышла. Вот в честь ее, Дуни моей, и прозвал я тогда лошадку мою молодую. Бывает, вспомню Дуняшку-то свою, защемит сердце и давай лошадь вожжами понужать словно изменщицу свою. А опосля опомнюсь, одумаюсь, жалко станет тварь бессловесную, ни в чем не повинную – извиняюсь: то горбушку с солью дам, то сенца зеленого выберу. Я ведь с ней все время разговариваю, а она все понимает – ушами прядет, голову поворачивает ко мне, как будто сказать хочет, а не может… Ну да ладно, разболтался я тут с тобой, на почту ехать пора. Но! Дуня, пошла!

Как то незаметно, собственно, как всегда, наступила золотая осень. Страдная пора. Полным ходом идет уборка хлебов. Инструкторы районной власти откомандированы по колхозам. Колхозов много, инструкторов мало – на всех не хватает. Дальние остались без руководящего партийного присмотра. С мест летят телефонограммы о досрочной уборке урожая. Лишь из самого дальнего колхоза никаких вестей: сводки не передают, на телефонные звонки не отвечают – весь район подводят. Рапорт в обком получается не полный, какой то блеклый, без победных реляций.

Первый секретарь звонит редактору: срочно направить корреспондента в Ломовку. Пусть он разгромит этот колхоз в газете, а уж мы на бюро райкома сделаем оргвыводы!

Редактор приглашает меня в кабинет и как-то по-отечески уговаривает, словно посылает в тыл врага, откуда возврата нет.

– Вы у нас человек новый, района не знаете, и первая же командировка предстоит в самый дальний колхоз. До него восемьдесят верст. Как вы будете добираться – ума не приложу. Подводы с хлебом на элеватор придут только через неделю, а вам надо быть на месте завтра.

Он подошел к окну. И тут его осенило! Конюх подметал двор.

– Федор Прокопьевич! Зайдите ко мне.

Тот неспеша вошел в кабинет, не прикрыв двери, будто обеспечивал себе путь к отступлению. Медленно осмотрел из-под мохнатых бровей помещение, и уставился равнодушным взглядом в сучок на полу. Он не знал, зачем его пригласили, но почувствовал что-то неладное.

– Федор Прокопьевич, вот молодому корреспонденту надо в Ломовку съездить.

– Пусть едет.

– Спасибо за разрешение, – улыбнулся редактор. – Но ему не на чем ехать, кроме как на нашей лошади. Вы сможете его свозить?

– Он че, сам не может?

– А и в самом деле, Вы можете управлять

лошадью?

И тут меня понесло…

– С шести лет верхом. Еще в школу не ходил, а уже копны возил, колхозные поля боронил. «У меня отец крестьянин, ну а я крестьянский сын», - продекламировал в каком-то радостном порыве. Представил себя в седле, на вороном коне с лебединой шеей, мчусь галопом в дальнее село… И тут же осекся. Подо мной будет не красивый высокий жеребец, а старая кляча. И я сник. Заскучал.

Редактор обрадовался, что проблема решилась сама собой.

Конюх посмотрел на меня искоса, ухмыльнулся и вышел. Я пошел за ним примерять седло.

– Какое седло? У нас сроду его не было.

Он вывел Дуньку во двор, положил на место седла потник - кусок кошмы – от седелки. От частого употребления он точно воспроизводил контур хребта лошади и никак не заменял седло. Пристегнул чересседельником и с каким-то злорадством сказал

– Вот тебе и седло!

Я взглянул на это «седло» и вспомнил, как вспоминает человек перед крутым испытанием самые лучшие эпизоды своей жизни. В последние школьные каникулы меня определили учетчиком в родном колхозе. В отсутствие председателя мне разрешили несколько дней объезжать поля на гордости нашего колхоза

орловском рысаке. Вставил левую ногу в стремя и молодцевато вскочил в седло. Жеребец с места пошел легкой широкой и плавной рысью. Пружинисто приподнимаясь в стременах и легко, на мгновение, приседая в мягкое казачье седло в такт бегу лошади, сливаешься с ней в единый организм. Чувствуешь коня, он чувствует всадника. Ощущение радостного и легкого полета охватывает все твое существо. Душа поет. Сердце бьется. Наполняешься какой-то непонятной гордостью. Крепко держишь поводок одной левой рукой, правая должна быть свободной, как и подобает настоящему гусару, кавалеристу, коннику, всаднику…

Передо мной стояла Дуня. Выглядела она отрешенно усталой, глаза только что подоенной коровы. Я взял повод, прижал его к резко выступающей холке, другой рукой за столь же рельефный хребет, подпрыгнул, пытаясь сесть на лошадь верхом. Не получилось. Я повис поперек лошади, долго сучил ногами в воздухе, пока не вспомнил, что центр тяжести – пуп. Опираясь на брюхо (не мое, а лошади), я подтянулся, затем развернулся вдоль хребта, опустил ноги и сел. Ноги мои, ноги. Они не висели вниз, как бывает у настоящего всадника, а лежали на широком брюхе, беспомощно и нелепо торчали в стороны.

Мои полушария почувствовали себя очень дальними родственниками, живущими за высоким пограничным частоколом хребта старой клячи. И казалось, все дальше и дальше

удалялись друг от друга, окончательно разрывая свои родственные связи.

На моем лице появилась маска глупо улыбающегося, сконфуженного клоуна, извиняющегося перед публикой за неудавшийся номер его программы.

Посмотреть на конно-цирковой дебют молодого, еще малознакомого корреспондента, высыпал во двор весь списочный состав редакции и типографии. А состоял он, в основном, из девчонок, вчерашних выпускниц местной школы. По направлению комсомола они всем классом пришли работать в типографию. Строгий редактор посадил вчерашних десятиклассниц за столы и продиктовал текст. Получивших высокие оценки взял в редакцию корректорами, машинистками, литсотрудниками, остальных отправил наборщиками в типографию. И они, еще в школьных платьицах, первое лето осваивали азы полиграфии под руководством опытного печатника. Я в то время, по возрасту, недалеко от них ушел. Всего двумя годами раньше окончил десятилетку и успел поработать в газете на Урале. А сюда, в Восточную Сибирь, меня занесло всеобщим порывом романтики, когда эшелоны молодежи с песнями мчались осваивать необжитые «дальние края».

Девчонки так хохотали при виде «конной статуи», что под конец, обессилев, они скрестили ноги и приседали, держась за животы и уже беззвучно открыв рты, вытирали слезы. Что же

их так развеселило? Я взглянул на себя со стороны. Картина оказалась действительно, мягко говоря, неординарная.

Сидит пижон, стиляга с пышной шевелюрой, в импортном светлом костюме, рубашке цвета бордо, желтый галстук с пальмами, за ветки держится обезьяна и бесстыдно хохочет, а внизу под ней крокодил, разинув пасть, исходит слюной в ожидании, когда эта мартышка сорвется и упадет. Брюки дудочкой, желтые китайские туфли на толстой белой подошве – «манке», сидит верхом на кляче и изображает лихого гусара. Ха-ха-ха!

Не смеялись только двое – Дуня и ее хозяин. Дуня понимала: смеются не над ней и пальцами показывают не на нее, а на того чудака, что залез ей на спину непонятно зачем и что он там собирается делать, стояла спокойно и невозмутимо.

Прокопич держал свою ненаглядную под уздцы, поглаживал и похлопывал ее по шее, ожидая, когда закончится концерт, и хмурился: «Как бы не испортил лошадь этот городской. Путь-то дальний. Загонит насмерть, не покормит, не попоит во время. Загубит животину».

– Ну что, Прокопич, тронули, – скомандовал я, пытаясь согнать с лица маску клоуна и принять снисходительную мину бывалого ковбоя – укротителя мустангов. Губы не подчинялись команде разума и в общем веселье бессовестно растягивались в глупую улыбку с добавлением

кислинки, идущей снизу ощутимой боли.

– Айда, Дуня, - он сказал это таким плаксивым голосом, словно провожал ее в последний путь. Ласково, напутственно легонько шлепнул конягу по крупу. Та поняла, вильнула на прощание хвостом и пошла понурив голову. С первыми шагами лошади над селом прокатилась новая волна хохота. И этот хохот не смолкал, пока мы с Дуней не скрылись за поворотом.

Дуня шла тяжело, своим привычным шагом, словно тянула груженую телегу. Шаг ее был какой-то необычный – вразвалочку. Соответственно ее шагу мое тело каталось через ее хребет из стороны в сторону. Я ехал и гадал, что произойдет вперед: или мой кобчик перепилит хребет моего «мустанга» или хребет перепилит меня по вертикали еще до того, как мы покинем село. А тут еще ватага мальчишек увязалась. Бегут хохочут, кричат, надсмехаются. Те, что посмелее, подбегают ближе, стегают прутиками моего «иноходца», пытаясь разогнать его и посмотреть, как этот чудак свалится с бегущей лошади. Но тщетно. Дуня провокациям не поддается, снисходительно отмахивается хвостом и продолжает свой торжественный марш вдоль дороги по селу.

– Ну, душа моя, Дуняша, с этакой-то скоростью мы с тобой до места доберемся разве что к Покрову дню, – и пытаюсь пришпорить лошадь. Но куда там – ноги не могут охватить

широкие бока.

Село осталось позади. На обочине дороги заросли ивняка. Подъезжаю к ним. Пытаюсь выломить хороший хлыст. Выломил зеленый гибкий прут – «стимулятор скорости»: «Ну, Дуня, или я тебя, или ты меня. Вперед! Да так, чтобы кустики мелькали» - и вытянул прутом поперек брюха.

Избалованная «светским» воспитанием сердобольного Федора, не знавшая вкуса кнута, она от неожиданности испытала смешанные чувства: боль, обиду, изумление, попранную гордость редакционной штатной единицы. На мгновение прислушалась к новым неприятным ощущениям, резко, с места, сиганула через придорожную канаву и встала как вкопанная.

Ездок продолжил полет по инерции - по пути разбив промежность о костлявую холку - и со всего маху сел истерзанным задом на стерню свежескошенной ржи. Разноцветные искры праздничным фейерверком брызнули из глаз, и казалось, осветили радужным светом залитые солнцем окрестные поля.

Очнувшись от нестерпимой боли, я оглянулся и захохотал: Дунька стояла в прежней позе, словно продолжая полет. Она напоминала детскую деревянную лошадку-качалку. Широко раскрытые глаза выражали полное недоумение: «И как это меня так угораздило?» и в то же время она как бы спрашивала: «А ты, ездун, как оказался впереди лошади?»

Смеялся я до коликов и слез. Стиснув зубы от боли, пытаясь шагать так, чтобы не тревожить штанами «былые раны», с большим трудом забрался на лошадь. О гусарской осанке не могло быть и речи. Сполз на бедро. Развернул своего «Росинанта» в сторону поставленной цели и с какой-то мстительной жестокостью угостил прутом.

Дуня рванула с места в галоп. Невзирая на все мои усилия направить ее на путь истинный, она сделала большой полукруг по полю и, что было сил в ее брюхе, понесла меня обратно в село, к своей конюшне.

Ее бег невозможно классифицировать ни под один из видов аллюра. Она резко подбрасывала зад. Я вместе с ним взмывал вверх и больно падал на ее острый хребет, каждый раз пытаясь менять точку прикосновения – только бы не попасть разделительной линией. К сожалению, это не всегда удавалось. Я лег на лошадь животом, обнял ее за шею, как никогда не обнимал самую любимую женщину.

Я уже не обращал внимания на баб, медленно приседающих от смеха с полными ведрами на коромыслах, ни на улюлюкающих пацанов, бегущих следом. Мой модный желтый галстук выдуло на спину, и он трепетал на ветру как полковое знамя Первой конной.

На подступах к редакции я все же принял вертикальное положение, Дунька, не сбавляя скорости, влетела в конюшню. Низкие ворота со

всей силой ударили меня в лоб. Пересчитав своим копчиком все позвонки старой клячи до хвоста, ездец закончил свой спор с лошадью жесткой посадкой у ворот ее конюшни. В результате появилась еще одна болевая точка – на этот раз вверху и спереди..

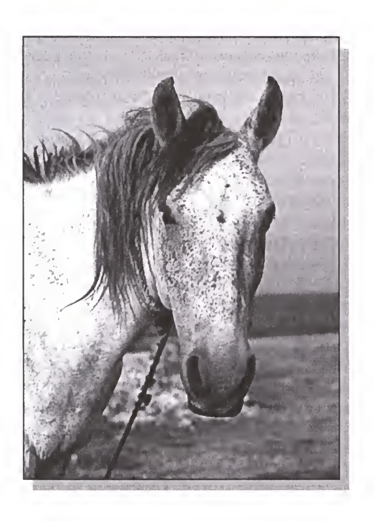
Широко раскинув ноги, как гуттаперчевая кукла, совершенно обалдевший и обескураженный, я сидел, боясь потревожить доселе непорочный и отцом не поротый мой целомудренный нижний бюст.

На храп Дуньки появился Федор. Оценил обстановку, внимательно осмотрел лошадь, снял «седло» и лишь потом молча подошел ко мне. Взял подмышки, поставил и вернулся к своей «любимой».

Походкой старого кавалериста, широко, насколько позволяли штаны, под общий хохот с двух сторон, я поплелся к редактору с докладом о сорванной командировке по вине одной из штатных единиц нашего издательства. Оправдываться не пришлось. Слишком явно и неопровержимо сиял во весь лоб «поцелуй конюшни». О травмах ниже пояса нетрудно было догадаться даже молоденьким девчонкам-наборщицам.

Веселью сотрудников, казалось, не будет конца. Еще недели две-три статьи я писал стоя. Озорница и проказница литсотрудник Галка Зырянова с полуулыбкой, едва сдерживая смех, любезно подставляла мне стул и вежливо

предлагала присесть. Я в ответ делал легкий реверанс, вежливо раскланивался и с ехидной улыбкой отвечал: «Спасибо большое! Я постою». Что вызывало взрывной смех всей редакции.

Партизаны

Было это давно. Еще при Советской власти. Мы, офицеры-заочники, проходили курс молодого бойца в институтах на военной кафедре. По окончании нам вместе с дипломом присваивали звание лейтенанта и через каждые три года призывали на переподготовку.

Из всех сборов мне запомнился один. Привезли нас в сосновый бор на широкую поляну. Тут же принялись устанавливать взводные палатки, полевую кухню, прочие легкие сооружения солдатского быта. И стали обживать «партизанский» лагерь.

Первое построение. Из гарнизона прибыл майор Прохоров – наш «главнокомандующий». Капитан, как положено, отдал рапорт. Майор прошел вдоль шеренги, едва сдерживая улыбку, глядя на «российское воинство», и скомандовал: Вольно!

Перед ним стоял не офицерский корпус доблестных советских войск, а партизанский, изрядно потрепанный, отряд. Через одного у каждого сквозь полугалифе блестели белые коленки. Руки, неестественно отведенные назад, скрывали драные на уровне локтей рукава. Не одну сотню километров, видимо, перепахали в этой робе локтями и коленями несколько поколений дембелей.

На левом фланге – двухметровый богатырь-красавец Борис Горкунов. Чтобы малая, не по

размеру пилотка не соскользнула с головы при команде «смирно!», он натянул ее так, что пикантный желобок, отличающий ее от других воинских головных уборов, раскрылся до бесстыдных размеров. Рукава его гимнастерки, без погон, едва прикрывали локти. Галифе заканчивались там, где начинались сапоги. Боря внутренне клокотал от смеха, на минуту представив, как бы смеялись его многочисленные поклонницы, покажись он перед ними в этом наряде советского офицера.

На правом фланге замыкающим стоял щупленький Кузьма Мунькин. Всегда грустный, с потухшим взглядом отца многочисленного девичьего семейства. У него, напротив, гимнастерка почти закрывала колени, а то место, где раздваиваются штаны, висело на сапогах.

В середине шеренги еще одна колоритная фигура – Григорий Гоцко. Холеное, с двойным подбородком лицо – сковородой не накроешь, круглое брюшко, выступающее не только из-под ремня, но и из строя. «Партизаны» при построении шутили: «Лейтенант Мунькин! Равнение на пузо Гоцко!». Солдатские штаны, пошитые на первогодков-салажат, явно малы тридцатилетнему располневшему дядьке. Он пытается незаметно от глаз командиров прикрыть гимнастеркой расстегнутую ширинку.

Майор сказал несколько напутственных слов, пожелал успехов в боевой и политической подготовке и уехал.

…Жаркий солнечный день. Сегодня тактические занятия. Роту разделили повзводно на «синих» и «зеленых». Развели по кварталам леса, у просеки дали «боевое» задание. Ракета в небо – наступление началось! Впереди «смертоубийственное» сражение. Прячась за кустами и деревьями, мелкими перебежками «противники» упорно продвигаются вперед…

Навстречу широким махом, подминая кусты и подлесок, вылетает крупный рогатый зверь! Напуганный шумом, он на мгновение опешил, увидев и здесь людей; напролом, сквозь наши боевые порядки рванул в расположение лагеря.

Мы, движимые древнепещерным охотничьим азартом, с криками и улюлюканьем, расстреливая холостые патроны, бросились вслед. Ах, как жаль, что ни одного боевого патрона!

Внезапно впереди раздалась автоматная очередь. Пули просвистели над головами. Сверху посыпалась хвоя и мелкие чешуйки сосновой коры. Солдаты залегли. Опомнились: «Мы же бежали с линии фронта!» Но любопытство – кто стрелял боевыми? – пересилило воинский Устав. Соблюдая маскировку, перепуганные не на шутку, приближаемся к лагерю…

На краю поляны лежит «наш» лось! Рядом, опустив автомат, стоит бледный и растерянный Гоцко. Вскоре, не обнаружив на рубеже противника, подтянулись «синие», а за ними запыхавшиеся разводящие кадровые офицеры.

– Кто стрелял? – едва переводя дыхание крикнул ротный.

– Я, товарищ капитан, - уныло ответил Гоцко.

Бойцы столпились вокруг туши, рассматривая лося и с интересом прислушиваясь к диалогу командира с «ворошиловским стрелком».

– Зачем убил лося?

– Так вин, товарищ капитан, дивлюсь, пре, як танк и напрямки на кухню. Пид танк я бы ще бросився, хочь промеж гусениц перележав, пока пройде, а це ж шо, зверюга сохатая! Чи рогами пидкинет, чи копытами забье… Шо у него в голови? Та и кухню бы опрокинул… Я его промеж рог – длинной очередью.

Ротный после такого пространно-неуставного, чисто гражданско-партизанского рапорта немного обмяк, успокоился. Офицеры переглянулись, заулыбались. Братьев по оружию так и подмывало поддеть «героя дня».

– Гоцко! Ты же был поставлен на пост у штабной палатки. Как ты у кухни оказался?

– Да ты что, – отозвался второй шутник, – забыл старую солдатскую мудрость: «Держись подальше от начальства, будь всегда поближе к кухне!»

Несчастный стрелок все еще стоял по стойке «смирно!»

– Ну, вот что, Гоцко! – сказал командир строго. – Лося освежевать. Мясо съесть сегодня

же. Кости, шкуру, рога и копыта закопать, чтоб ни одна собака не нашла. У нас лосей не стреляют!

– Товарищ капитан, - взмолился Гоцко, - зъисть-то я, мобудь, и зъил бы лося, но кто ж мени дасть? Хлопцям тэж перловка поперек горла стоить!

Тут взорвался такой гром хохота, что с соседних сосен посыпалась хвоя, а перепуганные вороны с криком улетели подальше в лес от этого беспокойного хозяйства.

– Приступайте к выполнению задания! – скомандовал капитан, расстроенный срывом тактических занятий.

«Не могу понять, – жаловался он офицерам, – кто здесь виноват? «Синие», «зеленые», лось или Гоцко?»

Мужики навалились на тушу, подсмеиваясь и нахваливая Гоцко.

– Ну, Гриша, спасибо, удружил! Всю роту свежей дичью накормишь. Жаль, что холодильников нет, а то на всю службу хватило бы.

– Ишьте, хлопци, зараз, завтра не буде.

«Хлопцы» забили мясом полные котлы полевой кухни, развели дополнительно костры, разыскали где-то листы железа и жарили на них большие куски. Любители шашлыков жарили на березовых шампурах. Одним словом, задание командира было выполнено четко и в срок. От лося не осталось ни волосинки. Над лесом плыл аромат вареного и подгорелого мяса.

…Раннее утро следующего дня. Никто не вышел на физзарядку. Не дождался командир «гвардейцев» и на построение. Призыв к завтраку никого не вдохновил. Рота стонала. То и дело из палаток выскакивали бойцы и, мелко семеня ногами, словно со связанными коленями, забрасывая на ходу ремень на шею, устремлялись к ближайшим кустикам. Сидя в позе орла, они еще и хохмили. «Зачем солдату шея?» - спрашивал один. «Чтобы ремень вешать, когда под куст садишься», – отвечал другой. За соседними кустами раздавался вымученный хохоток.

Наш тщедушный Кузьма Мунькин положил поперек окопа две березовых палки, лег на них, спустив галифе. Комары серым бархатом облепили голые ноги. У Кузьмы не было сил, чтобы даже «кыш!» сказать. Его руки безжизненно висели над окопом.

– Да прикройте ему пилоткой передок! Отгрызут ведь! – крикнул кто-то на бегу к ближайшему кусту.

– Старшина! Выдать каждому по столовой ложке соли и запить водкой! – приказал ротный. – Это самое эффективное средство от «медвежьей» болезни.

– По полной кружке?

– По 150 офицерских грамм!

– Так где же столько соли возьму? А водки так и вовсе нет…

– Соберите деньги, возьмите двух человек

и в ближайшую деревню, живо!

– Горкунов! – позвал командир Бориса, – возьмите себе напарника, да хоть того же Гоцко, и отнесите в медсанбат! Какой там медсанбат – в ближайший медпункт Мунькина, а то уйдет из него весь дух солдатский.

– Гриш, а ты почему такой бодрый, не как все? – подтрунивает Борис над товарищем.

– Так я ж вареное мясо ел. С котла. Не то шо хлопци – жареное на цинковом железе.

– Ну и хитер же ты, Гриш, одно слово – хохол.

Борис расстелил шинель, положил на нее облегченное тело полуживого Кузьмы, просунул палки в рукава, застегнул на все пуговицы – получились мягкие носилки. Друзья во главе со старшиной отправились в ближайшую деревню.

…Молодая медичка – заведующая сельской амбулаторией издалека увидела «скорбную процессию». Трое весело вбежали на крылечко сельпо, а двое с носилками направились к ней, в здравпункт. Она в тревоге вышла навстречу.

– Что с ним? Он тяжелый больной?

– Да яки ж вин тяжелый? Бараний вес.

– Так что же у него? Может, в районную больницу отвезти?

– Туды ж далеко. Нихай у вас полежить. Мабуть, живым останется, – шутковал Григорий.

– Куда его положить?

– Проходите, пожалуйста, – она открыла дверь. – Положите его на кушетку. Объясните

же толком, что произошло, – строго спросила девушка.

– Та лось его забодал, - продолжал шутить Гоцко и засмеялся своим утробным смехом так, что его живот ходил ходуном.

Борис молчал. Прожженный бабник, он любовался этой юной перепуганной девушкой. Та перехватила его масленый взгляд, вспыхнула румянцем.

– Вы не волнуйтесь, – наконец подал он голос. – Больной вам сам все расскажет. Ничего страшного, – пытался он успокоить молодого медика. – Мы за ним придем. Каждый день наведываться будем, – заверил Боря и лукаво подмигнул, чем окончательно смутил девушку.

...«Санитарная бригада» вернулась с «лекарством» к обеду. Рота ждала с нетерпением. Капитан вышел из кустов навстречу крайне недовольный. Он вполголоса ругался, тряс в воздухе и скоблил о траву правый сапог...

...На следующее лето к местному егерю нагрянули охотники с лицензиями на отстрел лося. Угостили хозяина тайги как следует, и он поведал им по секрету свою тайну: «Километрах в пяти от моего кордона есть странная поляна... Вокруг нее плотными клумбами все лето растет ландыш серебристый!»

Ночь напролет охотники ломали голову над загадкой природы.

Грешница

– Наставили, слышь-ка, Демидовы по указу Петра-царя по всему Уралу заводов-городов, да все по рекам. И названия поселеньев-то с рек списали. Одна только Тура в скольких городах прославилась: тут тебе и Краснотурьинск и Верхотурье, и Верхняя Тура и Нижняя Тура и просто Туринск. И по всем другим рекам то же самое. Тавда, Ревда, Салда.… На все реки перед заводами запруды-плотины наставлены, чтоб вода, значит, в заводах не переводилась круглый год. А Урал-то, сам знаш, – горы. И реки его промеж гор текут. Вот и наш город стоит на горе, да вокруг горы. И улицы наши все по горному названы. Внизу под горой, у пруда самого, Подгорная называется, верхняя улица – Нагорная. Ну и, конечно, главная улица, где дома большие да каменные, что первыми хозяевами – заводчиками ставлены, а потом, при советах, комиссарами заняты, Лениной называется.

– Ладно тебе, дед Кузьма, про улицы-то рассказывать. Расскажи-ка ты мне, что-нибудь интересное из жизни своей, али города, о чем я не знаю, – пытаюсь подстроится под уральский говорок.

– А что я тебе, паря, расскажу? По тебе видно ты и так знашь больше меня, старика…

Старуха! Подай-ко на стол что ни есть. Гость все-таки за столом. А ты все чаем, да чаем потчуешь. Да и голова трещит – спасу нет.

– Вчера напотчевался, как дурак на поминках, – незлобно отозвалась старуха. Погремела посудой, видать из укромного, только ей известного закутка, достала бутылку и вместе с чашкой квашеной капусты поставила на стол.

– Кабы не гость, вжисть бы не дала опохмелиться: знамо ли дело – на поминках пьяным напиваться?

– На поминках-то я пьяным не был, – оправдывался дед. -Это мы уже потом с мужиками добавили, – подмигнул он мне и разлил по стаканам. – Чокаться не будем – помянем душу грешную Агафьи. – Он прикрыл глаза от удовольствия, затих, прислушиваясь, как по кишочкам бежит живительная влага. – Опа! Упала… Блаженная улыбка добавила его сухому лицу в глубоких морщинах лицу еще десяток складок.

– Так о чем это мы? – прихватил щепотью капусту, отправил ее в почти беззубый рот, оживляется дед.

– Да о вчерашних поминках, что баба Фекла тебя упрекала.

– А! – рассмеялся дед. – И смех и грех.

– Нашел над чем смеяться, – перекрестилась бабка, сидя на лавке. – Богохульник ты эдакий.

– Нет, ты погоди старая! Расскажу я все-таки человеку, – закурил дед. Уселся поудобнее и, улыбаясь, поведал следующее.

– А дело обстояло так. Жила у нас на Подгорной Агафья…

– Уж больно издалека начал,- встряла опять старуха.

– Иди-ка ты к чугункам своим! – рассердился старик. – И неча тут прислушиваться да в разговоры мужицкие встревать!

Старуха обиделась, прижала платок к губам и ушла на кухню.

– Давай-ка ишо по единой, – расстроился дед. Оглянулся на кухню и уже не так громко продолжил рассказ.

– Так вот Агафья та старухе моей, пожалуй, ровня по годам, а выглядела в последнее время старше намного. А от чего все это? – задал себе вопрос. – А все оттого, что жила как-то не по-людски. Грешница – одним словом.

– Ведьма что ли?

– Не… Ведьмы-то они красивые. Мужиков с ума сводят, а бабы-то на них лютуют – все боятся, что мужей уведут. И сказывали старики, что самых красивых девок-то по бабьему наущению ведьмами называли да на кострах жгли. А эта красотой особой никого не покоряла, а мужики часто по ночам к ней захаживали.

Сосед-то наш, Ванька Клюев, часто видать, в том доме бывал. Жена его, Маняшка, об этих приворотах догадывалась, да только застать никак не могла, но хотела. Вот и в этот вечер ребятишек уложила, свет пора тушить да самой спать ложиться, а мужика-то все нет. «До ветру» сказал пошел, да как сквозь землю провалился. Баба шаль на голову, тужурку на плечи, полено в руки и айда к Агафьиной избе. Подкралась по снегу к окошку на передней стене и при тусклом

свете закопченной лампы увидела любовную картину во всей красе. Тут-то нервы у нее и сдали. Саданула поленом по окну и, с криком: «Ах ты, б-дь!» - бросилась к дверям.

То ли снег оказался глубоким, то ли Гутька была бойчей и проворней, но из дома она успела выскочить быстрее, чем жена законная к дверям подскочила.

Бросилась разлучница за угол, а жена с поленом – за ней, и начали они круги наматывать вокруг дома. Застигнутый во грехе Ванька сначала растерялся, но когда в щель двери приоткрытой заметил, что женщины на новый круг пошли, выскочил незаметно из дома и, что есть духу, припустил домой.

...Когда, вконец измотанная гонкой по глубокому снегу, жена вернулась домой, то застала мужа, вовсю хлопочущего со скотиной. На гневные выкрики о распутстве муж ответил ласково: «Да что ты, Маняша. Вовсе и не бывал я там. Это тебе причудилось, али привиделось. Я уже второй час тут управляюсь, да о тебе беспокоюсь...»

Побушевала, побушевала жена, заплакала, но толку-то. Гоняла вокруг дома не мужа, а свою соперницу. Мужа в лицо она и вправду не видела, а сзади, да в сумерках попробуй-ка узнать – попы-то у всех одинаковые – рассмеялся старик.

Давно это, правда, было, да бабы-то народ злопамятный. В гости к Агафье никто из них не ходил, да и она никого не приглашала. А на

старости совсем одичала – словом ни с кем не обмолвится. Осерчала на весь белый свет. А тут как-то соседка смотрит – нету дыма из трубы избушки Агафьиной – ни вечером, ни утром. Позвала соседок, зашли, перекрестясь, в дом-от ее. Лежит она на койке в нетопленом доме, а ноги-то уж холодные

Как ни сердились соседки на нее, а обряд-то христианский справили. Деда Гришку – водовоза снарядили гроб везти. Тот скатил свою обледенелую бочку с саней-дровней, таких же обледенелых, и отправилась наша Агафья в последний путь в домовине, открытая – крышку то впереди несут. Только, эт-то, мы Подгорную нашу миновали, влево, в гору дорога пошла, а плотина-то справа. Глядим, матушки-светы! Гроб то с Агафьей соскользнул с саней, да и под горку, да с берега пруда вниз по льду, да в полынью… Только старухи перекреститься успели, а он уж плывет…. Старики рукавицами рты закрывают, чтоб смешок-то не выпустить, да от баб отворачиваются. Запричитали старухи: «в миру ты грешницей была и, померла ты не вовремя, зимою лютою, да еще и тут-то фокусы выкидывашь! Прости, мя, грешную! Худо об усопших плохо говорить. Грех то какой…»

– Действительно. Как же так получилось?

– А оченно просто. Говорю же я тебе, под горой живем. Ребятишки с Нагорной по этой дороге на лыжах, санках да ледянках катаются, да прямо на пруд скатываются. Завод-то на зиму

воду спускает, чтобы она на уровень ушла, а в этом годе что-то проворонили, думали, что растает ишо, и спустили воду уже из-подо льда. Лед зацепился за берег-то, а середина пруда осела. У плотины полынья образовалась от теченья быстрого.

– Все, я понял. А что дальше-то?

– А дальше-то еще смешнее… Агафья в своей «лодке» уже к шлюзу подплыла, покачивается на волне. На берегу шум, с Нагорной народ привалил, бестолковые советы дают, и никто ничего не делает, только гадают: утопнет Агафья вместе с домовиной или перевернется. На завод, видно кто-то сбегал – пожарники с лестницами да баграми прибежали. Выудили грешницу. Молодые мужики на плечах на гору вынесли. Гришке-коновозщику чуть было сопатку не свернули. «Че, мол, не вровень с санями идешь, а впереди лошади шагашь?»

Уже поздно вечером, по темну, добрались мы до погоста. Схоронили по-людски. А вчера вот сороковины справляли. Душа -то ее сегодня, чай, уж в ворота апостола Петра стучится: «Пусти, мол, в рай!», а мы все сорок дней ее поминаем, да последний путь вспоминаем и долго, видать, еще вспоминать будем.

Юрашка

Л.А. Докучаевой посвящается

Это мой сосед. Юрашкой его мама зовет. А как мама назовет, так мы всю жизнь и носим это имя, иногда на потеху друзьям детства. Мы с Юрашкой давние друзья. С того дня, когда его впервые вывели на прогулку.

– Ты кто? – спросил он.

– Я твой сосед, –и назвал свое имя-отчество.

– Здравствуй – поприветствовал он.

– Здравствуйте, молодой человек!

Мама сделала ему замечание о том, как надо разговаривать со взрослыми. Но мы с ним попрежнему на «ты».

Сейчас он уже школьник. Веселый шаловливый мальчик, как и все мальчишки в его возрасте. С улицы возвращается в снегу с ног до головы и частенько получает за это трепку от мамы. И не только за снег, что сыплется с него как с елки в лесу, но и за потерянный ключ от квартиры. Папа так часто меняет замки, что пришлось в конце концов заменить саму дверь.

Переполненный впечатлениями после просмотра по телевизору очередного диснеевского мультика, он, заслышав мои шаги на лестнице, выскакивает на площадку и с горящими глазами спрашивает:

– Ты смотрел сейчас по телеку, как сражались рейнджеры?

– Нет, – оправдываюсь,- я за почтой ходил…

– Эх, прозевал такое кино, -тянет он с сожалением и сочувствием. – Не переживай! – успокаивает. – Я тебе сейчас все расскажу.

– Юрашка, ты пойди, надень тапочки, что ж ты стоишь босиком на бетонном полу? – Он вернулся через мгновение ока, на бегу цепляя пальцем тапочек, который, видимо, не очень хотел выходить за порог.

И начался спектакль одного актера. Юрашка изображал всех героев обеих противоборствующих сторон. Он делал хук левой и правой, выпады ногами так, что мне приходилось бегать вслед за летящими тапочками вниз по лестнице. И даже в эти моменты спектакль не останавливался, не признавая никаких рекламных пауз. Артист вспотел. Его щеки горели румянцем, широко раскрытые голубые глаза излучали азарт, радость победы и закрывались шторками длинных, густых ресниц, зависть девчонок, когда надо было показать страдания положительного героя. Я искренне переживал, зримо представляя обстановку борьбы, и, невольно, двигался сам, чтобы не угодить под удар распаленного рассказчика. Сюжет исчерпан. Артист устал. Переведя дух, посоветовал мне не пропустить очередную серию. И мы расстались.

В один прекрасный солнечный и теплый день после обильного снегопада во дворе барахтаются мальчишки. И, конечно, среди них был мой юный друг. Я вышел на лестничную площадку, чтобы встретиться с ним, поговорить.

Эти встречи всегда дают мне большой заряд бодрости и оптимизма.

Громко хлопнула входная дверь подъезда, разгоряченный, тяжело дыша и перепрыгивая через ступеньку Юрашка бежит весело вверх. Вдруг останавливается на предпоследней площадке. Меня пока не видит. Снял шапку – волосы мокрые. Сморщил лоб, изобразил гримасу безутешного горя и стал потихоньку хныкать, настраиваясь на громкий плач незаслуженно обиженного мальчишки. Поднимаясь по последнему маршу десяти ступенек, он постепенно добавлял громкости реву и жалостливых ноток. Увидев меня, на мгновение сбавил тон и, отвернувшись, с еще большей силой завыл. Это был не плач, а рев с завыванием. Перепуганная мама настежь распахнула дверь и Юрашка, не прекращая плача падает головой ей на грудь, размазывая слезы мокрой от растаявшего снега шапкой.

– Что случилось?! – кричит перепуганная мама.

– Двойка… – воет Юрашка.

– Господи, как ты меня напугал! – и гладит сына по голове. Тот сразу успокаивается и, даже не всхлипывая, снимает, чуть ли ни весело ранец и раздевается. Мама успокоилась. – Сейчас же за уроки! Нет, сначала мыть руки и за стол. Покушаешь и за уроки.

Юрашка нехотя поплескался у раковины, ополоснул лицо, улыбнулся себе в зеркало: «Как удачно я сегодня избежал маминой взбучки за очередную двойку!».

Добрик

Начало октября. Понемногу идет снег. Первый ледок на лужицах, мерзлая земля. Тайга стоит притихшая, сиротливая, оголенная. Горделивые сосны подняли свои кроны в небо и смотрят свысока на пихтач и ельник. А внизу их голенастые стволы в золотистых чешуйках прикрывают от взгляда постороннего и мороза лютого кустарники черемухи, рябины и прочей таежной мелочи. На фоне серого подлеска горят ягоды шиповника.

Гошка перебросил ремень ружья с плеча на шею и принялся обсасывать, словно леденцы, подернутые морозцем, сладкие плоды северного леса. Увлекся. Спиной почувствовал чей-то

взгляд. Он насторожился. Осторожно осмотрелся. В кустах сидел пес и внимательно следил за ним.

Парень успокоился, присел на корточки, улыбнулся собаке, причмокивая губами похлопал по коленке, призывая к себе. Тот не шелохнулся. Они с недоверием, изучающе, смотрели друг на друга еще несколько минут. Гошка отломил кусок хлеба и бросил недалеко от себя. Пес облизнулся, но продолжал сидеть.

– Ну и сиди, а я пошел, - дружелюбно, словно обращался к капризному мальчишке, сказал Гошка и направился вдоль просеки. Он в первый год после окончания школы работал помощником лесничего.

Приходит как-то к отцу сосед, старый лесник. Поговорили они о том, о сем, тот и заявляет:

– Отдай мне, Николай, парнишку в помощники. Ноги-то у меня уже совсем не дюжат по урманам-то лазить. К непогоде так и вовсе спасу нет как ноют. А он у тебя рослый, тайги не боится. Ружье ему дам, патронташ с патронами. Глядишь и дичь кой-какую когда в дом принесет. Отец был рад предложению. Для солидности поупирался, порассуждал, расспросил о размере жалованья, и согласился.

Наутро Гошка намотал потуже портянки, надел отцовские бродни, высокие, с отворотами, еще раз жирно смазал их дегтем, застегнул на поясе патронташ, небрежно перекинул на плечо

старенькую берданку, и с озабоченным видом взрослого мужика, и не просто рядового охотника-любителя, а облеченного властью лесничего, дважды прошелся по улице, сожалея, что друзья еще спят и не видят его. Для полного антуража ему не хватало доброй охотничьей собаки, чтоб бежала рядом и преданно заглядывала в глаза в ожидании команды.

Он шел по просеке и, незаметно оглядываясь, следил за собакой. Та сглотила хлеб, облизнулась и, все еще не доверяя, на почтительном расстоянии бежала следом.

Обед разделили поровну и подружились.

– Какой красивый и добрый песик, – осторожно поглаживал он незнакомца и почесывал ему за ухом. – Звать тебя буду Добриком. Согласен?

Пес облизнулся, вильнул хвостом, лег напротив, прикрыл глаза в знак полного доверия и преданности новому хозяину.

Белые, длинные лапы, приспособленные к глубоким снегам Северного Урала, столь же белый воротничок и мордашка с палевой шапочкой на лбу. Пушистый хвост кренделькомм.

Тайга проводила лето, еще грустит, мерзнет, ждет зимы и большого снега. Некоторые деревья не соглашались с осенью, вызывающе зеленели, а иные кусты ни за что не хотели расстаться с уже пожухлой листвой.

...Утра наступили морозные, ясные. Над крышами изб розовые, подкрашенные зарей, столбы дыма. Гошка повесил на шею ружье, широкие, подбитые камусом лося, охотничьи лыжи взял наперевес, как винтовку на параде и неспешным шагом отправился на работу в лес. Впереди бежит, оглядываясь, Добрик. Солнце встало, но еще не поднялось – зацепилось где-то за верхушки кедрача. Поэтому в тайге сумрачно и холодно. Морозец слегка пощипывает лицо. Мягко скользят лыжи. Медленно плывут мимо запорошенные снегом деревья.

Осверипел мороз после буранов. Гуляет себе по тайге да балует. Давнет ледяной лапищей то одно дерево, то другое - только треск стоит. Но и бураны погуляли на славу, вон надувы какие наворотили. Хорошо хоть, что промерзший снег отвердел – легче новую лыжню прокладывать.

Всю ночь зверье рыскало. Каких только узоров не наплели! В бураны отлеживались, отсыпались и оголодали порядком. Теперь морозище и голод всех из нор повыжили.

Добрик весь день шустро носился по лесу. Его зовущий лай раздавался то в ельнике, то в густо заросших кустах. Гошка спешил на этот лай, и, как только сближался с собакой, тот переставал гавкать и лишь попискивал, не спуская глаз с очередного зверька.

Охотник подходит к нему, задирает голову, а Добрик отскакивает в снег, ждет, поглядывает на охотника. И стоило им встретиться взглядами,

он чуть шевелил хвостом, будто провинился. Если уж молодой охотник долго не мог высмотреть белку в густом лапнике ели, Добрик начинал постанывать и царапать дерево, ровно хотел сам достать унырливую белку, подать ее хозяину.

Гошка постучал палкой по стволу дерева. Собака, должно быть видела схватившуюся за сук белку и от переживаний вдруг зарыдала, но тут же смолкла, и с немым укором глядела на охотника, который шепотом поругивался, напрягая зрение.

– Вот она! – наконец удовлетворенно сообщил охотник и, прищурив глаз, обстоятельно прицелился. Добрик по-прежнему ожидал выстрела. Казалось охотник целится бесконечно долго и что лес тоже ждет затаив дыхание.

Но вот, наконец, таежную тишину развалило грохотом выстрела, и, судорожно цепляясь лапками за сучья, от ветки к ветке, все быстрее и отвеснее падала белка. Пес ловит ее, и виден был только прыгающий пушистый хвостик. Поначалу Гошка думал – выплюнет собака изо рта раздавленную, никуда не пригодную белку. Но когда раз и другой Добрик положил к ногам, перезаряжавшего ружье охотника, даже слюной не смоченную белку, а сам, облизнувшись, озабоченно убегал в ельник, зорко отыскивая след и обнюхивая коряги, стало ясно - это была промысловая собака из вогульских лаек.

Как выяснилось позже, хозяином Добрика был старый, уже немощный охотник-

промысловик, что жил на кордоне на берегу Лозьвы в сорока километрах от места описанных здесь событий. На привязи такую собаку держать нельзя, затухают в ней чутье и навыки.

В тот день они добыли одиннадцать белок.

Опытный пес был самостоятельным охотником. Давил в снежных лунках спящих глупых рябчиков. Одного поймал - остальной выводок вспорхнет со страху и сослепу в яркий солнечный морозный день, на ближайшие ветки. Туг уж охотник, не зевай. Ловил Добрик в снегу и осторожных тетеревов-косачей и белых полярных куропаток. Всю пойманную дичь честно отдавал хозяину. Пес натаскивал своего юного друга, воспитывал в нем охотника.

Гошка начал понимать собаку по голосу. Уже мог определить, кого тот облаивает: дичь пернатую, белку, лося или другого крупного зверя. А тут какой-то другой, злобный, басовитый, беспрерывный лай.

Охотник спешит на зов. Проваливается в глубоком рыхлом снегу, путаются в кустах лыжи. Ветки, слабенькие и гибкие летом, вымороженные зимней стужей тверды и хрупки. Цепляются за одежду, больно бьют по лицу, ломаются с треском, предательски выдают движение охотника. Пес лает совсем близко. Впереди, среди плотных зарослей, два куста ольховника. Они обнялись кронами, и лишь внизу небольшой просвет. Гошка стволом ружья

поднимает придавленную снегом петлю нижней ветки, локтем прикрывает глаза. Потревоженные верхние ветви с облегчением сбрасывают на него шапки снега, обильно орошая вспотевшую шею.

Добрик бросился ему в ноги, продолжая лаять, но уже более громко и озлобленно – он почуял крепкий тыл. Охотник передернул плечами, стряхивая снег, и неожиданно встретил жесткий, озлобленный взгляд желтых глаз.

Перед ним, в трех шагах, на склоненной в его сторону верхушке березы, распласталась по стволу, меж оголенных ветвей, большая рыжая кошка – рысь! Она глядела ему прямо в глаза, не обращая внимания на собаку. Перед ней был более страшный враг – человек с ружьем. Ее уши, с кисточками на кончиках, по кошачьи

прижались к голове. Короткий хвост, похожий на обрубок, нервно вздрагивал. От малейшего движения береза раскачивалась, зверь обнял ствол мощными лапами, уцепившись длинными когтями.

На заросшей мелким кустарником поляне не было ни одного крупного дерева для спасения зверя, и рысь метнулась от собаки на высокую, но тонкую березку. Та склонилась под ее весом.

Гошка медленно потянул руку к ружью и... передумал. Стоял не шелохнувшись, не в силах оторвать глаз от гипнотизирующего взгляда зверя. От напряжения пересохло во рту. Мозг сверлила одна мысль: «Зверь бросится на меня, как только начну поднимать ружье!» Он сделал шаг назад. Ноги выскользнули из петель лыж и глубоко провалились в снег. Наощупь, не спуская глаз со зверя, он потянул лыжи на себя и закрылся, как щитом, густыми ветками ольхи. По своим следам он вышел на лыжню. И только здесь, на широкой просеке, отдышавшись, перевел дух и начал размышлять о своем позорном бегстве и предательстве верного друга.

Рысь не смогла бы прыгнуть на него. Ей надо было для этого сгруппироваться, подтянуть задние лапы к передним, выгнуть для прыжка дугой спину. Чтобы сделать рывок, ей необходима опора. Жидкая, тонкая, качающаяся верхушка березы опрокинула бы ее, а дальше дело бы закончил опытный пес. «Не убил бы я ее все равно, – оправдывал себя охотник, – патрон в

стволе был с мелкой дробью для белки.»

Добрик, как только стихли шаги отступившего охотника, оставил зверя в покое.

В тот вечер они вернулись домой порознь. Им не хотелось встречаться. Одному было стыдно, другому обидно.

День пенсионера

– так называют старики день выдачи пенсии. Это день встречи на почте, день клуба веселых и находчивых...

Входит старик:

– Кто последний?

– За мной будешь.

– Ну как живешь?

– На три «д»!

– А это как?

– Доедаем, донашиваем, доживаем...

В очереди даже самый близкий друг встает к тебе спиной. Друзья ждут очередную жертву своих шуток и подковырок. Постепенно очередь растет. Дышат друг другу в затылок только женщины, мужчины стоят поодаль, кружком и продолжают свою бесхитростную игру, вскользь наблюдая за продвижением очереди.

– А ты как живешь?

– Сначала было ничего, а потом... опять ничего...

После удачного ответа раздается приглушенный хохот, на них оглядываются с улыбкой - развеселились что-то мужики, деньги почуяли, вот и настроение поднялось.

– А ты, одессит, хорошо ли живешь?

– Шоб да – так нет! Шоб они так жили! - показывает пальцем вверх.

Треп «за жизнь» продолжается.

– А у тебя как жизнь? – продолжает балагур,

задавая один и тот же вопрос, как в детской считалке, обходя по кругу друзей и знакомых.

– Жизнь, как в сказке – чем дальше, тем страшней! А конец... хороший...

– Про конец-то ты напрасно. На грустную волну переводишь... – сник заводила.

– А что? В нашей стране умирают легко, потому что жить трудно, – подхватил бойкий старичок.

– Старость нас ожидает хотя и тяжелая, но недолгая. Вон каждый день дорога на погост еловыми лапками обозначена...

– Вот скажите, мужики, хочу уточнить: прожиточный минимум – это показатель уровня жизни или ее продолжительность? – лукаво задает вопрос самый хитрый, прищурив глаз.

– А ты вот мне ответь, – задает хитрому встречный вопрос стоящий напротив, – что такое продовольственная корзина в России?

– Два яйца и батон колбасы, – мрачно отвечает кто-то из толпы. Легкий смех пробежал по кругу.

– Да я не то имел в виду, о чем вы подумали, – обиделся знаток благосостояния. – В нее правительство еще и ляжки Буша, овощи, фрукты положили...

– А что такое потребительская корзина? - перебивают вопросом без ожидания ответа.

– Что вы к корзинам привязались?! Государство наше столько коробов обещаний наделало... А корзины мелкие плетет.

– Лучше стакан в зубах, чем зубы в стакане, – сострил один и пошел, – моя очередь подошла...

– А что такое инфляция? – продолжает нытик и, не надеясь получить вразумительный ответ, отвечает как бы сам себе, но чтобы его слышали. – Вот говорят: инфляция – это когда у людей много денег, а от их избытка растут цены на рынке. А они, цены, растут и когда денег мало. Вот вы посмотрите: только какой-нибудь министр пообещает президенту повышение зарплаты или пенсии, и назавтра цены на рынке уже подскочили, не дожидаясь намеченного срока. Вот Гайдар отпустил цены на самотек, а потом десять премьеров остановить их не могут... – оратор, видя, что интерес к его монологу пропал, направляется в свою очередь.

– Ой, – стонет он, наклонившись назад, - проклятый лесоповал... Опять радикулит донимает.

– Ты, паря, видно, гимнастикой не занимаешься? – говорит ему уже из очереди все тот же шутник, лукаво улыбаясь. – Даю тебе комплекс упражнений для пенсионеров: согнуть спину, опустить руки, протянуть ноги... Все! - по очереди прокатился легкий смешок.

Отступив на шаг от кассы, бабулька разложила на стойке купюры, смотрит на них с недоумением, прикидывая расходы.

– Ну никак расходы с доходами не сходятся, как ни крути. Не успеешь обернуться, а они уже

растаяли, – рассуждает она вслух, ни к кому не обращаясь.

– А ты, подружка, не пыталась хранить деньги в холодильнике? Может, они не будут так быстро таять, – не унимается никак хохмач.

В очереди опять закряхтел радикулитик, ворчит и жалуется на здоровье.

– Не жалуйся на здоровье – оно может обидеться и уйти!

Получив пенсию, мужики кучкуются: кто вдвоем, кто «на троих» весело покидают зал. Да, большинство пенсионеров не попало за обильный стол праздника жизни. Оптимизм у бывших «строителей коммунизма» иссяк, энтузиазм развеялся на заснеженных лесных делянках, в топких болотах строительства газопроводов. Они оставили в наследство следующему поколению красивый благоустроенный город, не получив взамен ничего, кроме пачки почетных грамот. «Мои года – мое богатство» – это же насмешка над стариками России. Шутят старики, бодрятся, но в их глазах просвечивают грусть, обида и безысходность. Такова уж она, наша Россия-матушка.

Вот и я около кассира. Она улыбнулась мне, я ей. Жить стало лучше, жить стало веселей! Шея стала тоньше, но зато длинней!

Память

Светлой памяти жертв политических репрессий

Крест

– Ать-два, ать-два! – весело подбадривает старый солдат первой империалистической сонного мальчишку-сына. Гошку подняли рано – до зари. Поднять подняли, а не разбудили. С вечера он с радостью согласился пойти с отцом на сенокос. Собрал удочки, мать приготовила узелок на обед. Он пообещал сестренкам уйти утром тихо, без шума.

Сейчас он бредет за отцом, едва поспевая, с полузакрытыми глазами, совсем не испытывая той радости, что охватила его вчера, когда отец, обращаясь к нему, как к взрослому и единственному мужику в доме, впервые пригласил на дальнюю заимку.

Штанишки быстро вобрали капли утренней росы, туман прилепил рубашонку к тощей спине, и по ней пробежала мелкая дрожь, окончательно разбудившая мальчишку. Глазенки от прохлады широко распахнулись и увидели прекрасный мир леса северного Урала.

Медленно наступает рассвет. Еще клубится белый туман и с восходом солнца начинает

оседать на землю, прибавляя росе еще больше влаги. Косари перешли мост через Волчанку, вышли на узкоколейку, прошли еще километра два и свернули в лес.

Тайга встретила ранних гостей птичьим гомоном. Любопытная синичка, перелетая с ветки на ветку все спрашивала: «Чьи вы? Чьи вы?»

– Деревенские мы! – крикнул Гошка и громко рассмеялся. Отец обернулся:

– Ты что-то сказал?

–Да вот синичка привязалась, все спрашивает: чьи вы, чьи вы?

– А, ты уже птичий язык понимаешь! – одобрительно с легкой лукавой усмешкой заметил отец. – Это хорошо.

От похвалы мальчонке почему-то стало весело и радостно. Он побежал вприпрыжку рядом с тропинкой, принимая на себя всю паутину в серебре капелек росы и уже не обращал внимания на сырость и прохладу восходящего жаркого дня.

Вышли на широкую полянку заливного луга у маленькой речушки со смешным названием Онька. На просторе Гошка впервые увидел лес на утренней заре. Острые колючие лучи едва пробивались сквозь вершины высоких деревьев, обливая золотом стволы сосен, а с обратной стороны поляны – в тени – стояли плотным полукругом темные до синевы ели и пихты. Впереди цветущая поляна, позади маленькая,

быстренькая говорливая веселушка-речка Онька, а в центре этого прекрасного и удивительного мира – он!

Непонятное радостное возбуждение переполняло все его существо.

Отец определил место для костра на песке у речки, где будут готовить обед и пошел косить. Сын развел костер и любовался отцом. «Какой он высокий, стройный, сильный, красивый!» Широкий взмах - и трава ложится ровно в валок – верхушки к верхушкам, обратный вынос косы кончиком щекочет травки и снова коса со свистом кладет в рядок новую гриву. В конце прокоса отец не спеша втыкает летовище в землю, пучком травы обтирает литовку, достает длинный брусок и размашисто звонко точит косу. Сплюнул в ладони, растер и пошел махать косой в обратную сторону легко, без натуги, не горбясь, весело. «Вырасту большим и сильным, буду также косить с папой на пару», – решил Гошка.

К полудню разнотравье лесной поляны лежало в длинных ровных валках. Подсыхало. Завтра мужики придут ворошить сено. Пообедали. Гошка убежал к речке с удочками, а отец решил пройти в старый горельник в поисках еще подобной поляны под выкос.

Первым после лесных пожарищ покрывает обугленную и, казалось бы, безжизненную землю кипрей – иван-чай. «Прекрасный цвет печальных пепелищ». Он - завидный медонос и собирает в своих зарослях пчел, ос и самых крупных и

свирепых в племени жужжаще-жалящих – шершней. Как только отец вошел в их владения, несметные полчища летающих насекомых набросились на него со всех сторон, словно он опрокинул улей. Отец, беспомощно отмахиваясь, с воплем выбежал на поляну, чем несказанно напугал сынишку.

– Гошка, сгони быстрей с меня шершней!

Крупные мухи, изогнувшись в своей тонкой талии, так крепко вцепились в тело, что не в силах были вынуть свои жала, как кривые турецкие ятаганы. Сын веткой сбросил алчных насекомых. На потной рубахе отца остались коричневые пятна яда. Отец снял рубаху – на местах укусов вздулись крупные шишки: одна на затылке, другая на пояснице, две – на лопатках.

– Сынок, проведи пальцем линии, где сидели шершни. – Гошка провел. Получился КРЕСТ!

– Значит, завтра меня заберут… – грустно, опавшим голосом сказал отец и опустился на землю.

Гошка испугался. Он знал значение этих слов. Половина деревенских мальчишек – его сверстников – не выходили на улицы играть, сидели по домам как пришибленные. А их молодые мамы, словно старушки, повязали полушалки до самых бровей и ходили по деревне не поднимая глаз, испуганные и постаревшие.

Отец сидел молча. Сын прижимался к нему и тоже молчал.

Недавно арестовали друга и земляка Михаила Дмитриевича Урванцева. Следователи забили его до смерти, выбивая признание в том, что он хотел убить Сталина. Ночью придут за мной, молотобойцем, работавшим с Урванцевым. В чем будут обвинять меня? – размышлял отец.

– Может быть, в такой же нелепости, как Ивана Есаулкова:

– Признавайся, что ты сжег самолет!

– Да я ероплан и в небе не видел ни разу, только в кине, – клялся колхозник.

– А ты признайся, подпиши протокол, и мы тебя отпустим, – лукавили душегубы.

Иван по простоте своей душевной и подписал. И сгинул, исчез навсегда, как лагерная пыль…

Незаметно и необычно рано стемнело. Небо заволокло тяжелыми тучами. Домой отец шел быстро, как будто спешил завершить все дела в этой жизни. Сын почти бежал за ним, на ходу поддерживая штанишки и кулачком размазывая слезы. Он заметил как отец резко согнулся, сгорбился, словно нес на плечах тяжкий груз.

Дома спокойно, без истерики, чтобы не напугать детей, мать, украдкой вытирая слёзы уголками платка, заменила в походном узелке краюху хлеба на свежую. Подобные узелки на случай ареста были припасены в каждой семье, где еще оставались мужчины. Спать легли рано, но никто не уснул. Все прислушивались к тягуче-длинной тишине деревенской ночи. У соседей

залаяли собаки. Резкий, тревожный стук в дверь. Детишки нырнули под одеяло.

– Входите! Не заперто, – вскочил с постели отец.

Вошли двое.

– Вы? – назвали фамилию, имя, отчество.

– Да.

– Вы арестованы.

И увели отца… в вечность.

Георгию Николаевичу
посвящается

Эхо войны

Юность

1942 год. Наши войска ведут кровопролитные оборонительные бои на Волге, дерутся с врагом на улицах Сталинграда. А в это время в глухой деревне Северного Урала Адриановичи подросло новое поколение защитников Отечества. Окончив среднюю школу, Гошка с группой парней отправился учиться в техникум города Чаши Курганской области. Дети войны, дома еще как-то перебивались на мамкиных похлебках, да на дарах леса: рыбы наловят, дичи настреляют, луку полевого насобирают, шишек кедровых наколотят. А тут в техникуме паёк по продуктовым карточкам. И стали наши крепкие деревенские парни таять на глазах от недоедания. Тяжко вспоминать эти годы. Даже сейчас, через шестьдесят с лишним лет, восьмидесятилетний старик прослезился.

– Нам повезло. У нас был хороший комсорг – фронтовик. Ходил на костылях. Одну ногу потерял на фронте. Он нас всех в комсомол принимал. Приглашает меня как-то в 1943 году на беседу: – Георгий, тебе еще нет 18 лет, и на фронт тебя не возьмут. Но армии нужны солдаты. После Сталинграда армия опустела. Если ты, как комсомолец, напишешь заявление в военкомат о желании пойти на фронт

добровольцем, тебя направят в какое-нибудь военное училище. Мы все равно победим, а после войны фронтовиков будут чествовать по достоинству и заслугам.

Он меня убедил. На этом закончилась моя юность.

Курсант

Через неделю я был курсантом Троицкого (Челябинской области) военно-авиационного училища. Оно готовило воздушных стрелков и механиков по вооружению самолетов.

В начале лета 1943 года меня направляют на стажировку в боевой 33 гвардейский военно-авиационный штурмовой полк помощником механика по вооружению штурмовиков Ил-2. Базировались мы в маленьком городишке Песцы, что под Старой Руссой. Мне, курсанту-стажеру, 17-летнему “мужику” ростом 185 см, тонкому, как тростник, досталась вся тяжелая работа. Вокруг были только девчонки моего возраста – парни все на фронте. Снаряжали Ил-2 стокилограммовыми бомбами, реактивными снарядами, и все это вручную. Вылеты были частыми, на отдых время почти не оставалось.

УХАП

Самым страшным оружием нашего штурмовика был УХАП (универсальный химический авиационный прибор). В этот прибор заливалась горючая смесь КС-4, и ёмкость 250

литров подвешивалась под самолет. На бреющем полете на высоте примерно 20 метров под большим давлением горючая смесь разбрызгивалась над ДОТами, ДЗОТами, блиндажами и окопами противника. КС-4, попадая в щели, пазы бетонных ДОТов, при соединении с воздухом воспламеняется, горит и превращает бетон в песок. Человеку от этой жидкости спасения нет, она горит в воде еще сильнее, остается одно – сбросить с себя одежду, а на дворе – русская зима…

Наш полк применял активно УХАП при освобождении Старой Руссы. На старорусском направлении наши войска нанесли крупное поражение 16-ой армии немцев, разгромив три и окружив семь дивизий под Демьянском. Бои здесь затянулись. Воспользовавшись этим, фашистское командование перебросило сюда свежие силы. И ударами извне, и со стороны окруженных гитлеровцам удалось пробить узкий коридор в наших боевых порядках и соединиться с блокированными войсками. Они и были мишенью для наших штурмовиков до тех пор, пока немец, боясь еще раз попасть в “котел”, оставил Старую Руссу без боя.

Заправка УХАПов всегда проводилась ночью в целях светомаскировки при искусственном освещении. Жидкость привозилась в 100-литровых бочках. Мы вдвоем с командиром-техником по вооружению берем бочку на руки и через воронку переливаем

горючую смесь в УХАП, похожий на акулу. Потом еще бочку, затем еще полбочки – и так 250 литров. Завинчивали и вешали под самолет. Кто хоть раз переливал из бочки любую жидкость, знает, что без брызг при такой технологии не обойтись. Не обходилось и у нас. Мы не были обеспечены спецодеждой, а солдатская прогорала моментально. У меня на всю жизнь остались шрамы, – продолжает рассказ старый солдат, и показывает руки, ноги, живот. – Одно успокаивало: нам доставались случайные капельки, а немцу – четверть тонны. К концу 1943 года после освобождения Старой Руссы применение УХАПов прекратили.

Контузия

Поодаль от взлетно-посадочной полосы стоит, распластав крылья, как подстреленная птица Ил-2. Одно крыло оперлось о землю, второе – неестественно вздыблено вверх. Вчера пилот с трудом посадил машину. Посидел в кабине, перевел дух, отдышался, опустился на землю, обошел вокруг, сосчитал пробоины, похлопал по опавшему крылу: "Спасибо, друг. Ты спас мне жизнь, а тебе предстоит основательная операция". Не зря говорят, что летчики – самый суеверный народ. Видимо, от близости к Богу.

Сегодня мне предстоит снимать с потрепанного в воздушном бою штурмовика все его вооружение. Ранним утром, когда солнышко

только коснулось лучами верхушек сосен, а легкий ветерок, играя листвой, будил кустарник, я приступил к работе. Хотел управиться до полуденной июльской жары, когда металл обжигает руки. Сначала снял пулемет с верхнего крыла. Под опущенную плоскость влез на спине, снял ящик с боеприпасами, снимаю пулемет.

Подошла бригада механиков БАО (батальон аэродромного обслуживания), приступили к демонтажу верхнего крыла, сняли его, и самолет, окончательно потеряв центровку, навалился нижней плоскостью на меня. Придавил грудь. Я не могу ни вздохнуть, ни вскрикнуть. Кислорода не хватает, сознание отключается. Я понял, что умираю. А мне не было и 18 лет в ту пору. Мысленно простился с родителями, сестренками. И только взмолился: “О, Господи, спаси!” – слышу через помутневшее сознание крик: “Под плоскостью солдат!”, и отключился… Меня вытащили уже без сознания.

Когда я очнулся, солнце было уже на закате и последними лучами слепило мне глаза, как будто хотело узнать – оживет, очнется этот парень? Я ожил...

– Долго жить будешь! – кричали механики-разгильдяи.

Они целый день, оказывается, возились со мной: делали искусственное дыхание и все другие манипуляции, известные им, но врача не вызвали, моему начальнику не доложили. И весь вечер суетились: “Мы твою работу выполнили, ужин

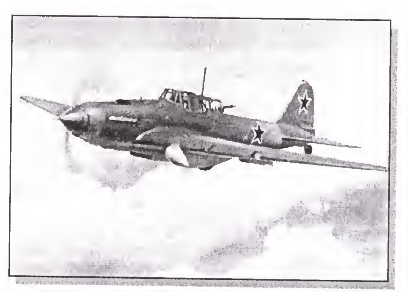
принесли. Спаси нас, солдат! Не говори ничего никому, иначе нас в штрафбат отправят". На том и порешили.

На утро весь полк все знал. А девчонки – фронтовые подруги, не стесняясь, показывали пальцем, и громко сообщали: "Вон тот парень, что на том свете побывал".

Окончив училище, приехал домой в краткосрочный отпуск. В разговоре и воспоминаниях обнаружилось, что совершенно не помню своего детства – период до школы. И лишь потом я понял – целый блок памяти исчез в результате контузии под Старой Руссой.

Ил-2 - штурмовик

Самолет Ил-2 строился более высокими темпами, чем другой самолет за всю историю авиации. Выпущенная в огромном количестве (36 163 экземпляра), эта машина стала одним из главных инструментов, с помощью которых Советский Союз разгромил Германию в 1945 году. Одноместный вариант Ил-2 был принят на вооружение за три месяца до немецкого вторжения в июне 1941 года и изначально представлял собой многоцелевой боевой самолет с двигателем мощностью 1 665 лошадиных сил и вооружением из двух 20–миллиметровых пушек, двух 7,62-миллиметровых пулеметов, а также бомб и реактивных снарядов. Этот грозный штурмовик приводил в ужас немецкие наземные войска.

Ил-2 неоднократно модернизировался. Двухместная версия, обеспечившая самолету защиту с тыла, установка более мощных двигателей, замена пушек на 37- миллиметровый калибр дала машине возможность эффективнее бороться с бронетехникой противника.

– Всё это правда. Всё это так. Но доведена машина до ума была лишь к концу войны, - вздыхает с грустью ветеран. – А в начале она угробила не одну тысячу наших ребят – воздушных стрелков. Когда я прибыл в полк на стажировку, в первый же день командир приказал: "Вон, видишь, стоит Ил-2? Иди и вычисти место стрелка, завтра сам полетишь". Место все залито и забрызгано кровью. Вычистил, вымыл. Завтра мне предстоит занять это кровавое место, чтобы послезавтра кто-то другой выгребал мои останки. Дрожь в коленках.

О выполнении задания доложил командиру: “Кабина очищена, готов к выполнению боевого задания!” И в этот же день прибыл из нашего Троицкого училища воздушный стрелок. Их перевели, по известным причинам, на трехмесячный срок обучения, нас же готовили два года.

В первой модификации машина имела один, но очень значительный изъян. Самолет не имел защиту с тыла. Немцы очень быстро поняли это, заходили сзади и расстреливали самолет. Ил-2, изрешеченный, иногда насчитывал до 300 пробоин, возвращался, выполнив боевое задание, на свой аэродром. Случайное везение? Нет. Гениальность конструктора. Кабина пилота была защищена броней сверху и сзади. Вся система управления элеронами, закрылками, рулями приводилась в движение тонкими 3–миллиметровыми тросиками. И как бы фашист ни стрелял, в тонкий тросик управления пули практически не попадали. На аэродроме “заштопали” пробоины, и самолет вновь готов к бою.

И тем не менее С. В. Ильюшину было дано задание оборудовать кабину стрелка в хвосте самолета, как это было сделано во всех зарубежных боевых машинах. При этом нарушилась бы центровка самолета и, в сущности, требовались новые расчеты конструкции, что повлекло бы изменение технологии производства машин, а время не ждет – фашист напирает на всех фронтах. Конструктор

нашел легкий путь решения проблемы – вырезал сверху фюзеляжа люк, прямо за спиной пилота, и посадил туда воздушного стрелка без намека на какое-либо прикрытие.

Фашистские истребители, не меняя тактики, уничтожали сначала стрелка, а потом дырявили самолет. Когда всех парней-стрелков перебили, на их место наше командование стало сажать в гнездо стрелка девушек. Но их механики пытались как-то защитить – обкладывали листами кровельного железа – некоторые пули все же застревали в нем. К Ильюшину опять едут делегации из полков. И только потом он довел конструкцию до того уровня, что описана в начале этой главы. Воздушный стрелок находился под пуленепробиваемым прозрачным колпаком, вооруженный крупнокалиберным пулеметом. И немцы уже не могли безнаказанно подойти к нашему прославленному штурмовику.

Черная смерть

Наш штурмовик обладал еще одним из многих боевых достоинств. Выполнив очередное боевое задание по уничтожению вражеской бронетехники, блиндажей и окопов, полностью израсходовав боекомплект, он возвращается на базу. Видит на дороге колонну вражеских солдат. Совершенно бесшумно, на бреющем полете, заходит сзади и винтом крошит, рубит, молотит неприятеля. Немцы прозвали Ил-2 “черной смертью”.

По окончании стажировки, перед возвращением в училище, я решил на себе испытать грозную "прелесть" штурмовика. Действительно ли он бесшумно может подлететь к человеку? Попросил разрешение у начальника. "Иди в ту сторону аэродрома и жди, скоро одно звено возвращается. Стой там и не только увидишь, но и почувствуешь, с какой машиной работаешь".

У пилотов-штурмовиков было неписаное правило: если возвращаются без потерь, то на бреющем пролетают над местом посадки, уходят на вираж и лишь потом садятся. А если в звене потери, то посадка идет в штатном режиме.

Случайно увидел три точки в голубом небе над соснами бора. Самолеты летят прямо на меня. Я присел, на ощупь ухватился за куст, потом лег на спину – они проходят в метрах 15-20 надо мной. Видна каждая заклепка, красные звезды на крыльях наводят ужас. Воздушный поток от винта тянет вверх, гимнастерка и брюки вздулись, поток поднимает меня. Я ухватился обеими руками за этот несчастный куст, а меня поднимает! Опустись самолеты еще на пять метров, и меня затянуло бы под винт. Самолет прошел надо мной в одно мгновение, а впечатлений осталось на всю жизнь. Они прошли действительно бесшумно, и я хотел было подняться, но тут налетел сзади рев трех двигателей. Я невольно оглянулся и понял, что это отставший звук.

Закончились мои "летние каникулы", практика-стажировка в авиаполку. Вернулся в училище еще на один год. По окончании его был откомандирован на Украину и приписан к 15 воздушной армии США. Американцы в то время были нашими союзниками.

Второй фронт

На Тегеранской конференции (28 ноября - 1 декабря 1943 года) впервые встретились главы трех великих держав антигитлеровской коалиции - И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль. Они договорились об открытии второго фронта в Западной Европе в мае-июне 1944 года. О перепитиях открытия второго фронта написано немало, и совсем скудные, отрывистые сведения – о совместных боевых действиях «большой тройки». Например, о том, что по договоренности между руководителями СССР и США со 2 июня и до конца сентября 1944 года проводились «челночные» операции американской бомбардировочной авиации с посадкой союзников на советской территории. Для этой цели на основе 169 авиационной базы особого назначения был создан полтавский аэродромный узел, куда приземлялись «летающие крепости» американских ВВС, бомбившие германские объекты по пути из Великобритании или Италии.

Полтава

В марте 1944 года курсанты третьего взвода второй роты по ускоренной программе окончили Троицкую (Челябинской области) военно-авиационную школу. Нам присвоили звание сержантов, должность механиков по авиавооружению и отправили в распоряжение 169 авиационной базы особого назначения (169

АБОН). Штаб находился в Полтаве.

Командир батальона на первом же построении остановился возле нашего только что прибывшего взвода: «Это что еще за маскарад? Вас откуда прислали? Из концлагеря? Нам предстоит встреча с американцами, а у вас такой вид!»

Вид уральцев явно восхищения не вызывал: изрядно потрепанные, но до блеска начищенные ботинки, снизу до колена суконные обмотки прикрывают вылинявшие, местами заштопанные неумелой солдатской рукой полугалифе, бледные, исхудавшие лица... Стоячие воротнички гимнастерки ни за что не хотели приближаться к нашим тонким, длинным синим шеям и с пренебрежением держались от них на почтительном расстоянии.

Нас поставили на усиленное питание, дополнительно свалили во двор казармы воз картошки для самообслуживания. Выдали новую форму, научили нескольким английским словам и через две недели розовощеких, с окрепшими мышцами, отправили в Миргород на строительство аэродрома.

Миргород

Древняя Киевская Русь свободна. Бои идут за пределами нашей Родины. Бушует первая послевоенная весна. Солнце теплой и грустной улыбкой отогревает озябшую от свинца и железа, истоптанную вражеским сапогом, благодатную

и щедрую украинскую землю. Уцелевшие плодовые деревья садов - в полупрозрачных белых и розовых накидках, как невесты в подвенечных платьях, украшены цветами. На зеленых коврах полей алыми каплями солдатской крови расцвели полевые маки. Земля сама, без помощи людской, оплакивала и благодарила своих освободителей...

Город после трех лет оккупации почти не пострадал. Так же стоит во весь рост на площади у железнодорожного вокзала памятник Гоголю, с грустью взирая со своего пьедестала на поредевшую публику стариков и старушек - молодежь угнали на работы в Германию.

На окраине города в сжатые сроки с привлечением местного населения был построен аэродром. Американские специалисты вместе с нашими саперами уложили на подготовленный грунт взлетно-посадочной полосы металлические гофрированные плиты. Строились склады и другие помещения, необходимые для обслуживания самолетов.

15 мая в Полтаву прибыл заместитель командующего ВВС на европейском театре военных действий генерал Ф. Андерсен, а в числе сопровождающих его лиц - капитан Эллиот Рузвельт, сын тогдашнего президента США. Андерсен и начальник базы А. Р. Перминов обменялись рукопожатиями и с инспекторской проверкой посетили все три аэродрома. Качеством работ остались довольны. Мы стали

принимать первые американские транспортные самолеты с вооружением, оборудованием и горюче-смазочными материалами (ГСМ).

Летающая крепость

2 июня полк в каком-то лихорадочном напряжении ожидал первого прибытия 15-ой американской воздушной армии. Прислушивались к далеким звукам, до боли в глазах всматривались в безоблачное голубое небо. И вот на горизонте показалась «туча». Она стремительно приближалась, закрывая лазурный небосвод. Черные тревожные тени побежали по земле. Рев сотен моторов глушит человеческую речь. Армада Боингов нарезает круги, перестраивается в три отдельных спирали, и самолеты один за другим идут на посадку. 120 из них ушли на аэродром Полтавы, 65 - на наш, и в город Перятин приземлился полк истребителей сопровождения.

К моей стоянке подрулили два Боинга-17. Как только стих гул моторов и остановилось вращение последнего винта, прозвучала команда: «К самолетам!» Мы бросились к своим стоянкам. Обгоняя нас, на большой скорости промчались джипы. Они собрали экипажи прибывших самолетов и увезли в свой палаточный городок.

Командующий 15-ой воздушной армией генерал Ф. Эккерт доложил о выполнении боевого задания и вручил генералу А. Р.

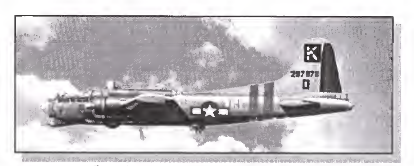
Перминову письмо президента Рузвельта и орден «За заслуги». Соотечественников встречали специально прибывшие в Полтаву посол США в СССР А. Гарриман с дочерью.

На стоянки подвезли американские 100-килограммовые бомбы. Они выглядели игрушечными: аккуратно покрашены, на каждой - маркировка фирмы-изготовителя и основные характеристики изделия. Гнезда под взрыватель закрыты красными, легко отвинчивающимися колпаками. Вся эта красота вызывала удивление - идет тяжелая, жестокая война, а тут такие «куколки», как будто от внешнего вида, а не от разрушительной мощи зависит боеспособность снаряда.

Еще большее удивление вызвали бомболюки. Все блестит и сверкает никелем, поверхность стоек бомбодержателей, салазки, защелки, замки и другие детали кричат об аккуратном обращении с конструкциями самолета.

Бомбы, бомбы, бомбы... В кассетах, уложенные в штабеля. Рядом, словно хищная акула стоит Боинг, готовый поглотить в свое ненасытное брюхо это огромное количество «чушек», залитых взрывчаткой. В юношеской душе появляется тревога... Тебе своими руками предстоит перенести тяжелый и опасный груз, при этом соблюсти высокое качество технологического процесса загрузки.

В то время Б-17 был самым совершенным

тяжелым бомбардировщиком дальнего действия. Он мог подниматься с полной бомбовой загрузкой в пять тонн на высоту одиннадцать километров. Четыре двигателя развивали скорость до 500 км/час. Тринадцать крупнокалиберных пулеметов обеспечивали ему круговую оборону. Пулеметные ленты пополнять почти не приходилось, их, по словам американцев, тратили мало - немецкие истребители тогда не могли подняться на высоту 10-12 тысяч метров.

Их нравы

С неистребимым русским любопытством осматривали мы заокеанские машины. Дверей у кабины пилотов нет, в самолете на плечиках висят наглаженные костюмы для любого повода. Летчики держали в самолете самые разные личные вещи, будто это был их дом родной. Скорее всего, так у них и считалось.

В фюзеляже стояли ящики с продовольственными пайками и большое количество резанной в мелкую ленту фольги, которая сбрасывалась с целью искажения показаний

немецких радаров.

У союзников было принято рисовать сверху, на плоскостях, цветные картины - голых женщин, на кабинах истребителей - оскаленные пасти хищников.

Вообще, жизнь американцев, даже в полевых условиях, не могла не удивлять нас, русских, ведь мы ничего о них не знали. Они жили в палатках, имели свой госпиталь, столовую, летнюю эстраду и даже церковь. Войдешь в их «храм» и рот откроешь от удивления - в святом месте на стенах черные силуэты опять-таки обнаженных женщин. Что это означало, до сих пор не пойму, может быть, каждый изображал свою любимую, как символ спасения на войне?

С нами они были просты в общении, без предвзятости и высокомерия. При встрече - знаменитая американская улыбка в двадцать четыре зуба, в работе - без наших неистребимых формальностей. Пример: пришел эшелон военных грузов из-за океана, через Архангельск. Железнодорожники открывают двери вагонов, представитель базы по снабжению окидывает взглядом груз - «о' кей!», что означает - можно разгружать. Никаких накладных и приемочных актов. Самые ценные и срочные грузы перебрасывались их авиацией через Иран.

Не скажу, что весь состав базы являлся одной семьей, тем не менее дружили мы по-настоящему, все понимали, что делаем одно дело. По вечерам американцы брали машины,

усаживали нас с собой в роли переводчиков и мчались в город. С молодыми украинками весело было проводить время. Они не стесняясь пели, танцевали, устраивали целые концерты. Причем все эти вечеринки обходились без спиртных напитков.

В отдельных янки нас удивляла этакая коммерческая жилка: они устраивали целые импровизированные базары - на ящиках раскладывали сигареты, конфеты, шоколад, масло, пиво и даже парашюты и продавали все это местным жителям.

Совместно работая и отдыхая, конечно, не упускали мы и политических вопросов. Отчаянно спорили, что у нас тоже сильная авиация, особенно ИЛы, да и вообще Красная Армия любому «шею намылит». Инцидентов дискуссии не вызывали, хотя ни одна из сторон удовольствия от них не испытывала. Зато всем нравилось ходить в «соседнюю» столовую. Впервые в жизни наши ребята попробовали «ихние» фруктовые соки из банок, тропические фрукты. Питание американцев, может быть, считалось лучше нашего, однако консервированные продукты были нам непривычны. Да и гости наши с большим удовольствием приходили за наши столы и за обе щеки уплетали украинский борщ.

Интересно сравнить структуру военно-воздушных сил основных участников Второй

мировой войны. Англия, а после начала войны и США в основном продолжали ориентироваться на доктрину, предполагающую значительное число тяжелых стратегических бомбардировщиков. Впоследствии это обусловило появление большого количества дальних истребителей сопровождения.

В противоположность западным союзникам, Германия имела лишь очень небольшое количество дальних четырехмоторных машин. Основную же массу «Люфтваффе» составляли боевые бомбардировщики и самолеты непосредственной поддержки войск. Процент истребителей был не слишком велик – менее трети, что говорит о наступательном характере германских ВВС.

В советской авиации к 1941 году основным самолетом был истребитель – 57% от общего числа боевых машин. То есть ВВС РККА в первую очередь предназначались для обороны, а не для наступления. При этом к началу Великой Отечественной войны основную массу советских истребителей все еще составляли истребители устаревших типов – производство скоростных МиГ–3 и ЯК-1 началось только в 1941 году. Значительный перевес истребителей в советской авиации сохранялся до самого конца войны. Бомбардировщики к этому времени составляли 20% от числа боевых машин.

Челночные операции

В результате сложившейся ситуации союзники антигитлеровской коалиции разработали совместный план «челночных» операций 8-й и 15-й воздушных армий США. Они дислоцировались в Англии и Сицилии (Италия). Промежуточным пунктом посадки, отдыха экипажей, заправки самолетов горюче-смазочными материалами, вооружением и ремонта машин была наша 169 АБОН с тремя полевыми аэродромами. Американские воздушные армии, перелетая навстречу друг другу, приземлялись у нас через каждые три дня.

В память врезается всегда первое впечатление, особенно если оно связано с эмоциональным переживанием. Одним из таких эпизодов моей службы был первый боевой вылет Боингов-17 с нашего аэродрома. В полдень появились в небе над Миргородом «летающие крепости» с полтавского аэродрома. Они ходили виражами, набирая высоту. Каждая эскадрилья занимала свой «потолок». Когда они выстроили «этажерку», пошли на взлет наши. Так же выстроились и заняли свой коридор. После боевого построения боингов, в небе появились истребители сопровождения, взлетевшие с аэродрома города Пирятин. Вся эта армада летающих громадных машин затмила солнце, на земле были не тени, а сумерки. Стоял оглушительный монотонный гул. От дурной мысли: «а если?..» по спине пробегали мурашки

и выступал холодный пот. И тут же возникало радостное мстительное возбуждение: «Вот оно! Летит возмездие врагу!»

Часов через пять боевое построение армии закончилось, и армада медленно уплывает на запад. На границе эскадрильи расходятся по объектам бомбометания в глубоких тылах противника и уходят на базировку в Англию или Италию.

В первой боевой операции оба «мои» самолета находились в группе, которая в ночь с 5 на 6 июня бомбила нефтяные промыслы и нефтехранилища Плоешти (Румыния). Американцы по возвращении жали мне руку, хлопали по плечу, улыбались довольные успехом: «Радуйся, Жорж, твои бомбы попали в «десятку»», - и рассказали, как прошла бомбежка.

Эскадрилья подошла к цели. На земле – ни огонька. Самолеты ходят по кругу, наводя страх и провоцируя прожектора и зенитки. Их снаряды осиливают высоту девяти километров, самолеты на две тысячи метров выше. Разрывы снарядов зениток образуют круг. В центре главный бомбардир сбрасывает тысячекилограммовую осветительную бомбу и несколько малых по мощности освещения. Бомбы, разрываясь в воздухе, освещают большую поверхность земли. Через прицелы «Норд» для высотного бомбометания просматриваются объекты уничтожения. При первых же попаданиях

сброшенных бомб горят и взрываются емкости с горючим, усиливая освещенность площади. В результате этой операции была ликвидирована основная нефтяная база, снабжающая армии фашистов высококачественным горючим, маслами и смазками.

Через месяц что-то подобное немцы устроят американцам на наших аэродромах.

Ночной налет

«Летающие крепости» американцев оказались немцам не по зубам. Ни зенитки их не доставали, ни истребители не могли безнаказанно близко подойти. Потери стратегических объектов врага были ощутимы. Фюрер взбешен. Приказал Герингу выявить аэродромы посадки воздушных армий США на территории Европы и уничтожить. 11 июля 1944 года, в день возвращения боингов из очередного ночного рейда по тылам противника, высоко в чистом солнечном небе появилась «рама» - немецкий самолет-разведчик. Покружил над нашим Миргородским аэродромом и ушел в сторону Полтавы. Всем было ясно – немцы обнаружили стоянки самолетов и ночью будут бомбить. Командир базы генерал-майор А. Р. Перминов на экстренном совещании в штабе с американским командованием рекомендовал союзникам перегнать машины на запасные аэродромы. Самонадеянные, вальяжные американцы не захотели суетиться – они, видите

ли, только что вернулись из полетов, экипажам необходим трехдневный отдых.

Той же ночью наш гарнизон проснулся от гулких мощных взрывов – бомбили аэродром Полтавы. На нем было самолетов в два раза больше, чем на нашем. Мы взобрались на крышу казармы, что находилась в двухэтажной кирпичной старинной постройке школы. За двести километров от нас был виден пожар. Ночное небо переливалось ало-бело-бордовыми всполохами. Черные клубы дыма взмывали вверх – это рвались бомбы арсенала и емкости горюче-смазочного склада. Лучи прожекторов метались по поднебесью, хлопали зенитки, но вражеские самолеты вернулись в Польшу невредимыми. Днем наши союзники подсчитывали потери. Аэродром разрушен, много самолетов сгорело, остальные повреждены, выведены из строя. Было очень много жертв и с их, и с нашей стороны. Практически вся полтавская база была уничтожена.

На следующий день хищным коршуном «рама» опять появилась над нами, видимо, немцы сфотографировали наши стоянки самолетов и пошли снимать «полтавский пейзаж» после налета. Мы укрепили окопы, «щели», переходы, выслушали дополнительный инструктаж о том, как сохранить жизнь во время бомбежки, если бомба упадет не на голову, а где-то рядом.

Наученные горьким опытом и большими потерями американцы в ранних вечерних

сумерках снялись с нашего аэродрома, истребители - с соседнего и ушли на запасной аэродром в Новороссийск, к Черному морю.

Полночь. Здание казармы с толстыми кирпичными стенами содрогнулось от мощного взрыва. Мы в мгновение ока, без дополнительной команды оказались в «щелях», выкопанных здесь же во дворе школы. Неестественно белый фосфорический свет осветительной бомбы разорвал мрак летней ночи. С раздирающим душу диким воем, кажется, прямо на тебя сыплются бомбы. В небе гул и свист пикирующих бомбардировщиков. Прожектора рыскают по небу, зенитки хлопают вслед, но и на этот раз ни одного вражеского стервятника сбить не удалось. Взрываясь, взлетали бочки с бензином, склад боеприпасов горел, добавляя свое в общую какофонию, раздавались глухие взрывы американских бомб. Густой, смрадный и черный дым с проблесками багровых языков пламени застилал летное поле. Вздыбились плиты посадочных полос. Кромешный ад длился всю ночь.

Вот тебе, Николай Васильевич, и «тиха украинская ночь!» над твоим Миргородом…

Ночной налет изрядно напугал местных жителей. Потрескались стены близстоящих хат. Но ни одна бомба не упала на город. Заколдовал, видимо, его великий мистик Н. В. Гоголь. Нетронутыми остались американский палаточный городок экипажей и наши казармы.

По законам военного времени, без оплаты труда, на голом энтузиазме, с привлечением местного населения восстановление взлетно-посадочных полос аэродромов было закончено в течение нескольких суток.

Советские бомбы

Челночные операции американских воздушных армий: Сицилия – Украина – Англия вновь стали регулярными. Польскую авиабазу гитлеровцев уничтожили, и союзники опять приземлялись у нас с отдыхом по три дня, а мы по-прежнему заправляли их самолеты.

В конце июля запас американских бомб иссяк. Пришел эшелон с отечественными 100-килограммовыми фугасами. У нас вспыхнуло патриотическое чувство гордости за свое родное вооружение. Мы были уверены, что уж наши-то изделия помощнее американских окрашенных «куколок»!

Однако внешний вид бомб нас смутил и обескуражил, привел в замешательство не только американцев, но и наше командование. Бомбы резко отличались от иностранных своим нелепым видом. Они были грязные, в земле, с бородой пожухлой травы. Валики сварных швов не зачищены от окалины, которая очень опасна во время работы, гнезда под взрыватели обильно смазаны солидолом и забиты деревянными пробками так, что их приходилось выбивать молотком и зубилом – это на бомбах-то! Кроме

того, бугельная система не соответствовала американской. Было понятно: бомбы поступили со складов, где лежали с довоенного времени под открытым небом и не только без кассет, но даже без подкладок – на голой земле, в ожидании своего боевого применения.

Американцы упорно сопротивлялись загрузке наших «замарашек» в свои сверкающие никелем бомболюки. Наши командиры все-таки сумели убедить их. После соответствующей подготовительно-очистительной обработки наши изделия заняли свое место в утробах боингов. Зато мои надписи мелом «Смерть Гитлеру!» на ржавых боках наших бомб выглядели более четко, чем на крашеных заморских.

Позор советской оборонной промышленности закончился как только стало поступать вооружение прямо из цехов военных заводов. Изделия приходили чистыми, гнезда под взрыватели закрыты металлическими, легко отвинчивающимися крышками, бугели подогнаны под американский стандарт. В августе пошли более тяжелые 250- и 500-килограммовые отечественные бомбы более мощной разрушительной силы.

Год Победы

Осенью 1944 года советские войска значительно продвинулись на запад, а союзники – на восток. Стало ясно: необходимость дальних

«челночных» операций отпала. Полтавская 169 авиационная база особого назначения сыграла свою значительную роль в разгроме гитлеровской армии и её военных стратегических объектов. Самолеты союзников по-прежнему приземлялись на наши аэродромы, но уже не в таком, как прежде, количестве, а отдельными небольшими группами.

После дня Победы мы прощались, как и подобает братьям по оружию. Поклялись в вечной солдатской дружбе, сфотографировались на фоне Боинга-17 – «летающей крепости». Они улетели на свои новые базы, а мы – на Дальний Восток, в Корею.

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Павлович Пудов

Радуга жизни

рассказы и очерки

фото из архива автора
Редактор В.Волковец

Компьютерный набор Дмитрия Пудова
Художник-дизайнер Дмитрий Трифонов.

Подписано в печать 10.03.06 г.
Формат А5. Печать офсетная
Условных печатных листов 31,25
Тираж 500 Заказ №467

Лицензия ИД №1441 от 05.04.2000 г.

Отпечатано в ОАО «Советская типография»
628240, ХМАО-Югра, Тюменская область,
г. Советский, ул. 50 лет Пионерии, 11 «в»,
тел. (34675) 3-18-02, тел./факс 3-22-09

